

Антология русской поэзии Новой Англии

Заполнение Пустоты

M-GRAPHICS

С отзывами и пожеланиями, а также
по вопросам приобретения книги
обращайтесь:

M•Graphics Publishing
mgraphics.publishing@gmail.com
617-653-7355

ЗАПОЛНЕНИЕ ПУСТОТЫ

Антология русской поэзии
Новой Англии

BOSTON • 2006

ЗАПОЛНЕНИЕ ПУСТОТЫ

Антология русской поэзии Новой Англии

FILLING THE VOID

Anthology of New England Russian Poetry

Copyright © 2006 by Authors

Copyright © 2006 Mark Chulsky

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the Author(s) or Publisher.

Library of Congress Control Number: 2006934601

ISBN-13 978-0-9777003-0-1 (pbk.)

ISBN-10 0-9777003-0-5 (pbk.)

Published by
M•GRAPHICS Publishing
Swampscott, MA 01907
mgraphics@comcast.net
mgraphics.publishing@gmail.com

Editor: Mark Chulsky
Cover Design: Paul Kraytman

Manufactured in the United States of America
by Publishers' Graphics, LLC

Антология русской поэзии Новой Англии

ЗАПОЛНЕНИЕ ПУСТОТЫ

Редактор и Составитель

Марк Чульский

Редколлегия

Сергей Арканников (Бостон)

Юрий Брагинский (Даллас)

Соня Вильвовская (Израиль – Бедфорд, Масс.)

Лора Завилянская (Бостон)

Спонсоры проекта

журнал «Бизнес-Реклама»

журнал «Вестник Род-Айленда»

центр «Макор»

Лора Бродская

Ирина Ватман

семья Стекольниковых

семья Стыскиных

семья Хесиных

Гита Шмутер

Как бессчетным женам гарема всеильный Шах
изменить может только с другим гаремом,
я сменил империю. Этот шаг
продиктован был тем, что несло горелым
с четырех сторон — хоть живот крести;
с точки зренья ворон, с пяти.

Дуя в полую дудку, что твой факир,
я прошел сквозь строй янычар в зеленом,
чуя яйцами холод их злых секир,
как при входе в воду. И вот, с соленым
вкусом этой воды во рту,
я пересек черту

и поплыл сквозь баранину туч. Внизу
извивались реки, пылили дороги, желтели риги.
Супротив друг друга стояли, топча росу,
точно длинные строчки еще не закрытой книги,
армии, занятые игрой,
и чернели икрой

города. А после сгустился мрак.
Все погасло. Гудела турбина, и ныло темя.
И пространство пятилось, точно рак,
пропуская время вперед. И время
шло на запад, точно к себе домой,
выпачкав платье тьмой...

Иосиф Бродский
из Колыбельной Трескового Мыса

Содержание

От Составителя	11
Маша Аптекман	13
Сергей Арканников	18
Светлана Бабицкая	21
Нина Басанина	24
Анна Белкина	29
Борис Бердников	32
Светлана Бричкова	37
Лора Бродская	39
Эринна Дэль Бродски	43
Леонид Буланов	47
Соня Вильвовская	52
Ирина Галеева	57
Юрий Глина	58
Леонард Грин	61
Анна Джонсон	62
Александр Есенин-Вольпин	65
Лора Завилянская	68
Давид Зазовский	71
Петр Ильинский	74
Тамара Квитко	79
Арнольд Кепель	80
Давид Клебанов	81
Керен Климовски	83
Адель Клячко	87
Владимир Ковнер	88

Ирина Козлова.....	92
Наум Коржавин.....	94
Михаил Крепс	97
Карл Кузьмич	103
Лев Лосев	106
Рафаил Лашевский.....	111
Лилия Манцур.....	114
Григорий Марговский.....	117
Дмитрий Ной	123
Юрий Орлов	124
Татьяна Очеретян	127
София Пазина.....	132
Алла Пузырева	134
Лиза Ривина	136
Константин Сенекка.....	137
Марина Симанович.....	139
Евгений Соркин.....	142
Игорь Стариков.....	148
Петр Столерман	149
Слава Стыскин	151
Марк Такер.....	152
Вера Тёмкина	155
Алик Толчинский	156
Анатолий Третьяков	157
Мара Фельдман	161
Марк Фельдман	166
Мара Хохлович	171
Лиза Царукьянова	172
Инна Цацко	174
Анатолий Цукерман.....	179
Гита Шмутер	182

Тамилла Шонфелд.....	185
Давид Шраер-Петров.....	186
Максим Д. Шраер	192
Леопольд Эпштейн.....	197
Марина Эскина	203
Сергей Эстри.....	208
Инна Ярославцева	209
Приложение	215
Валерий Дашкевич	216
Станислав Лисовой	222
Ольга Родионова.....	225
Георгий Садхин	231
Екатерина Тараненко	235
Коротко об Авторах	239

От Составителя

Традиция Каббалы утверждает, что Бог создал мир совершенным, однако оставил в мире «пустоты», чтобы человек мог дополнить совершенство мира. Говорящие на русском языке жители Новой Англии (северо-восточного региона США, включающего шесть штатов: Вермонт, Коннектикут, Массачусетс, Мэн, Нью-Гемпшир и Род-Айленд), на том или ином этапе своей жизни перелетев через Атлантический океан, тоже оставили за собой некую пустоту, требующую заполнения.

Авторы антологии «Заполнение Пустоты», которую вы держите в руках, избрали свой способ заполнения пустоты — поэзией, и это, вероятно, единственное (кроме места жительства) что их объединяет. Кому-то едва за двадцать, а кому-то — за девяносто. Кто-то живет в собственном особняке, а кто-то — в субсидированной квартире. Кто-то уже не чаёт освоить английский, а у кого-то в стихах проскальзывают англицизмы и американизмы. Кто-то начал писать стихи еще в Советском Союзе, а кто-то — только после эмиграции. Чьи-то стихи публикуются толстыми томами и рецензируются солидными журналами, а для кого-то это — первая публикация.

В антологии представлены не только стихи новоанглийских авторов, но и тех, кто бывали в Новой Англии, впечатлялись её природой и историей, её обитателями, в том числе русскими писателями и поэтами — ведь здесь жили и работали Набоков и Бродский, Солженицын и Саша Соколов.

Хочу выразить глубокую признательность всем авторам, приславшим свои стихи; редколлегии, прочитавшей и отрецензировавшей сотни страниц стихов; издательству M•GRAPHICS, предоставившему свои ресурсы для ре-

дактирования и публикации; спонсорам проекта. Хотелось бы индивидуально поблагодарить Леонарда Грина, Владимира Ойцера, Валентину Паттерсон, Алекса Фреймана (Чикаго) и Максима Шраера, помогших установить контакты с некоторыми авторами; а также Марину Кацеву и Владимира Ойцера за моральную поддержку и разнообразную помощь делом и словом.

Я безмерно благодарен моей жене, почти безропотно терпевшей мои долгие вечера за экраном, и сыновьям, почти безропотно освобождавшим доступ к компьютеру для моих бессмысленных с их точки зрения занятий.

Марк Чульский
сентябрь 2006, Массачусетс

Ты посмотри, какое небо!
Ну, прямо ангельские трубы!
Откуда эта сине-небыль
И светло-розовые крупы
Чужих коней, ослов, верблюдов,
Бредущих из какого края?
Сиреневость по краю блюда
Серебрянного... Кровь живая.

Ты посмотри, какое небо
Над этим бело-серым бредом,
Над этим пост-песчаным миром,
Что меж домов еще маячит,
И мы пойдем за ним по следу,
И мы пойдем — светло и слепо,
Чтоб жизнь пошла сплошным пунктиром,
И заново. И всё иначе.

Шагал

Сквозным на ощупь, и на привкус горьким
Приходит свет, что свет и тень дробя,
Как время, сквозь тебя идет потоком
И забирает душу из тебя.

И ты — всё меньше. Голову — руками
И ни стола, ни дома, ни тепла,
Лишь лампы фиолетовое пламя,
Да жизнь твоя, что без тебя ушла
За зеркало. И ею не замечен,
На самом донном, страшном рубеже —
Лишь ты, да лампа. И за лампой вечность.
И зацепиться не за что уже.

Commuter Rail

Лене Шукель

1

Когда придёт поезд на станцию Ньютонвиль,
Серебристо-медлительный, точно намокший рельс,
Соберется в стаю и мельтешеньем крыл
Заспешит навстречу блокадно-прозрачный лес.
И пойдет тот поезд, пронзительный как игла,
Разрезая пространство оконной косой чертой
По пути из Ньютона в город, где я жила
В этой жизни когда-то, а может в какой другой.
Через студень тумана и мой простуженный мозг
От продрогшей платформы до станции Зеленогорск.
Коль и впрямь поверить, что время стоит стеной
Прижимаясь лицом к твоему стеклу на пути,
Значит, если со скоростью ехать всегда одной,
Можно вечно жить, или, скажем, до ста двадцати.

Значит прошлое в нас, как туман прорастет синевой,
Прорастет. И все живы еще. И считают меня живой.
И приходит поезд на станцию Ньютонвиль
Весь в отчаянно-белой холодной слепой пыли.
И ты в нем сидишь, прижимая ладонь ко рту.
Ты всё думаешь пасмурно, как бы не заболеть,
Пока поезд, чертя за собой черту,
Опрокинет на землю земную мерзлую твердь
И

четкой азбукой Морзе

выстучит

чью-то чужую смерть.

2

Счетчик поезда выстучит ветреный
зимний день на границе между.
Человек вырастает из времени,
как из ношенной летней одежды.

Человек вырастает из радости,
из любви, беды и отчаяния,
из бессилия и из храбрости,
из ночного прощанья чайного.

Чтоб принять — точно ветки нижние
тяжесть снега — тяжесть столетия,
чтобы вырасти утром из жизни, как
вырастают в марте из смерти.

3

Научившись по стуку колес отличать
дождь от снега, и зло от добра,
я хотела бы вечером выспаться всласть
и немного поспать до утра.

Пока ночь набухает самою собой,
чтобы в день распуститься к шести,
и дома забирают квартирную боль,
чтоб как корни, насквозь пропитавшись водой,
утром в землю ее унести.

Чтоб в холодной, слепой, серебристой пыли
вышел поезд на землю из-под земли,
февралю нараспашку раскрыт.
И продымленным криком от окон и стен
под колеса сорвался еще один день...

Но отсутствие в доме любви говорит
об отсутствии в доме любви,
да и только. А больше, увы, ни о чем —
ни о пьяной платформе в обнимку с дождем,

ни о боли сходящихся рельс,
ни о том, как на злую колесную дрожь
поезд землю намазал, как масло на нож,
и, возможно, давно уже здесь.

Кол Нидрей

В прозрачности белого света
Потерянной Богом души
Все вымыслы, все обеты,
Все домьслы хороши.

В песчаной и каменной этой
Стране, где себя не тая,
Так ярки и четки приметы
Бездонного бытия,

Где цветом становится запах,
И в звук превращается цвет,
Где в рыжих рассыпчатых лапах
Мой город, как Божий макет.

Я в гости приеду на месяц,
И мы еще посидим
Под жарко нагретым навесом,
Вливая в себя кофеин

С корицей и кардамоном,
На пластиковой скамье
Под взглядом намеренно-сонным
Араба в дрянной куфие,

На рыночной улочке длинной
Зажатой меж пористых стен,
С ушедшею, как в пустыню,
В пустоту, в двадцать семь

Тобой – на базарной плечи
Встреченной невзначай,
Как прежде ругаясь, как прежде
Опять друг на друга крича,

До боли смакуя в каждом
Глотке аромат тепла...

И это совсем не важно,
Что ты уже умерла.

* * *

...И, как случайный рыболов
Из мокрого песка,
Тащить, порядочно устав,
Уже обглоданный остов,
(уже не остов, но остов)
Родного языка.

Потеряно значение слов,
И звуками других основ
Языковых, и стоп и строф
Забита голова...

И ты не слышишь, как ворча
И плача, крова по ночам,
Всё ищут крова по ночам
Забывшие слова.

Орган

Звезда, упавшая в далекий океан,
Лучом задела трепетную душу,
И замер мир,
 чтоб слушать,
 слушать,
 слушать
От снов земных очнувшийся орган.

И трубы поют, а зефиры уносят
Звуки в забытые светлые дали, —
Мир погружается в волны мелодий
С гребнями смеха, любви и печали.

* * *

Песню, табак и компас
Взял я с собою в море,
Где ищут свободу чайки —
Дети волны и неба.

 Песню — чтоб солнце знало,
 Как я сегодня счастлив,
 Табак — чтобы с ветром встречным
 Трубку дружбы разжечь,

А компас — чтоб сердце летело
На пламенеющих крыльях
Радостно и упрямо
Курсом прямым к тебе.

**Размышление
по поводу чернильного прибора,
изображающего Сову, Перо и Книгу**

Птица, покинув пространство,
Вперила взгляд во время,
Словно пытаясь постигнуть
Закон создающий вечность;

Перо, потерявшее птицу,
Вечный стремится оставить
След на клочке бумаги,
Закрепощая мгновенье;

Пачка ж листков бумажных
Вообразила, что станут
Строки — могилы звуков —
Звенеть, будто колокол жизни.

На что же здесь остаётся
Рассчитывать человеку?

* *
* *

Претит мне звон высоких слов —
Они ласкают слух ослов,
Но мы с тобою не они —
Монету чистую гони:

Простого звука серебро,
Когда в словах блестит добро,
Когда в них радость есть и грусть,
Они — с царапинами пусть.

Но откровенья светлый дар —
Подарок в них, а не товар.
И, хоть сегодня не в цене,
Они стократ дороже мне!

Моление о страсти пылкой

Клермонскую розу
Сберег от мороза
Усатый поручик в отставке,
Но дева, так было,
Мимозу любила,
Приказчика в булочной лавке.

Поручик озлился
И дико напился, —
Из розы сварил он повидло.
Ах, бедная роза,
Зачем от мороза
Ты прошлой зимой не погибла?

А этот усатый,
К тому же горбатый
Приказчика шлепнуть грозитя —
Чтоб выполнить это,
Он три пистолета
Везёт из-за дальней границы.

Ах, нежные девы,
Не знаю я где вы,
Но, верно, скрываетесь где-то,
Побойтесь усатых,
Немытых, лохматых,
Седых, бородатых,
Хромых и брюхатых,
Особенно ж, стройных, красивых и умных —
Такие обычно ведут себя дурно,
И всех, кто в стихах и сказаньях воспеты...,
Но, девушки! Страстно!! Любите Поэтов!!!

ESL

В колясках невинные крошки,
И пес, что бежит по дорожке,
И даже бродячие кошки
Английский поймут без труда.

А я – словно с дальней планеты.
Не только *TV* и газеты –
Простые вопросы, ответы –
Кроссворд для меня... Вот беда!

Как птичья беспечная стая,
Смеются, щебечут, болтая.
Задача, казалось, простая,
Но мне не решить никогда...

Учусь без прогулов и лени.
Трудны *ESL*'а ступени,
Но вечный припев неизменен,
Что смелость берет города.

Свивается времени лента...
Заделавшись вечным студентом,
Без правил, с российским акцентом
Освою язык – таки да!

Сонет о Слове

Отраднo, словно в первый день творенья,
Мир созидать без страха и упрека,
В безудержном порыве вдохновенья
Название дать всему, что видит око.

Как хорошо найти свой угол зренья
Для панорамы близкой и далекой
И телескопом – мысли озареньем –
Увидеть жизнь пространственной, глубокой.

Как сладостно отмучившись сомнением,
Не возжелав признания и прока,
Надежды, обретенья, размышленья
Вложить в слова, их отбирая строго.

Порою слово мучает жестоко,
Но благодатно, ведь оно — от Бога...

Телефонная память

Ну что за странность — помнить телефоны
Не хочется сегодня, хоть убей!
Пусть не так и редки перезвоны
Моих знакомцев здешних, не друзей.

Но если вдруг меня разбудят ночью,
Отвечу без запинки сразу я —
Все номера увидятся воочию,
И вы за ними, милые друзья!

Приходится мне жить поэкономней —
Не щедр сегодня эмигрантский счет;
Но сочетанье цифр я помню... помню,
Как в прошлое, как в юность точный код.

Порой очнусь — где вы, друзья, и где я?!
Америка везде, со всех сторон...
Но я машиной времени владею,
Лишь только я возьмусь за телефон.

Ах, память, ты порой упряма слишком,
Пора переключиться бы уже...
Годна для телефонов здешних книжка,
А те — навек записаны в душе.

911

Три голоса среди ночи или дня,
За окнами — храпящих три коня,
Отчаянно ревущие сирены...
Оповещают вновь они меня
О том, что все мы тленны,
все мы бренны.

Им красный свет — всегда зеленый свет,
И не для них — преграды и запрет,
Спешат они, помех в пути не встретив.
Но прочерки в реестрах их побед
Нам говорят, что всемогущих нет,
Свои пути и скорости у смерти.

Свидетели нежданные для той,
Что тихо пробирается с косою
Без остановки и неотвратимо.
Звонкам внимая горьким в час ночной,
На зов беды летят они стрелой,
Пока что мимо,
к счастью, снова мимо...

Петербург, Петроград... как сонет
Соразмерен, озвучен, отточен.
Серым пасмурным небом одет,
Сизой невской каймой оторочен.

Только волны, напрасно шурша,
Лижут мертвый гранит парапета –
Ссылным в прошлое бродит душа,
Сенью классики русской пригрета.

А рубцы, как и чувство вины,
Скрыты маской улыбки фальшивой
И на теле, зажив, не видны –
Лишь на сердце невидимо живы.

И всё так же прозрачен рассвет,
И всё так же несведущи дети...
Город строен и хром, как сонет
С неудавшейся рифмой в терцете.

Петроград, Ленинград, Петербург...

Баллада о старом викинге

В счастье человек находится на вершине
горы, а сердца людей устремлены вниз.

Н. Рерих

Две ночи ветер бушевал,
На третью ночь утих,
И старый Гример на пир созвал
Соратников своих.

Стихи Нины Басаниной печатаются в авторской редакции.
(Прим. ред.)

Собрались викинги под свод,
Не тратя лишних слов.
Удачлив был суровый год
И ратный щедр улов.
Уселись кругом потесней,
Подвесками бренча,
И спорит с золотом перстней
Бизантская парча.
Вебрь, чьи клыки как два копыя,
Дымится на столе,
По краю кубка бьёт струя,
Как волны по скале.
И отдыхая за стеной
От жарких битв и ссор,
Лёг меч звериной головой
На боевой топор.
Не раз наполненный кувшин
Обходит длинный ряд
И пряны речи, словно вин
Заморских аромат.

Но вот взметнулись, трепеща,
Огни по кругу лиц,
Плеснул багряный шёлк плаща
С подбоем из куниц —
Хозяин встал. И пир примолк,
Стихая как прибой...
Старик обвёл глазами полк
Дружины боевой.
Как пена кудри старика
И борода бела,
Но не дрожит еще рука,
Упёршись в край стола.
«К концу подходит долгий срок
Богами данный мне.
Я сделал столько, сколько смог,
И сверх того вдвойне.

И року благодарен я —
Завиден мой удел.
Лишь о едином скорбь моя:
Друзей я не имел!»

Чуть слышный ропот пробежал,
Как дальний шум морской,
И с места старый викинг встал
В накидке золотой.
«О Херсир, ты несправедлив!
Когда германский меч,
Сто наших жизней поразив,
Грозил твою пресечь,
Кто, не колеблясь ни на миг,
Тебя закрыл собой?»
«Да, то был ты», — сказал старик
Кивая головой.

«О Ярл!» — и, кинув взгляд кругом,
Другой встал со скамьи:
«Когда враги сожгли твой дом,
Лишив тебя семьи,
Кто кров тебе и пищу дал,
Кто стены клал с тобой?»
«Конечно, ты» — старик сказал
Кивая головой.

«О Конунг!» — третий возразил —
«Кладь бед и нищеты
В изгнании кто с тобой делил?»
И Гримр ответил: «Ты.
Вы — братья в горести, и вам
Замены не сыскать.
За это я готов богам
Любую дань отдать.
Но только трижды в полный цвет
Блеснуло счастье мне,

И я готов остаток лет
За то гореть в огне.

Когда датчан победой смяв,
Мы край родной спасли,
Освободителем меня
В народе нарекли.
От короля и до гонца
Был счастлив стар и млад
И вдруг увидел я: сердца
Друзей моих молчат.

Когда охотясь среди вас,
Всё поровну деля,
Мне посчастливилось: я спас
От смерти короля,
Назвали лучшим из мужей
Меня его уста,
И вновь сердца моих друзей
Сковала немота.

Когда, оставив плен утех,
Очаг сложил я свой.
И деву, первую средь всех,
В покои ввёл женой,
И скальд, прославив песней нас,
Сложил свой лучший стих,
Тогда смолчали в третий раз
Сердца друзей моих.

Вы все бесстрашны, и собой
Рискует каждый так,
Как первым в брод идёт и в бой
Оленьих стад вожак.
Вы не оставите свой долг —
Всё выпьете до дна.
Так рану волку лижет волк,
Коль стая их одна.

Но вкуса счастья за других
Лишен звериный род,
Лишь людям, по полёту их
Судьба его даёт,
И редок тот бесценный дар...
Я долгий путь прошёл,
И вот, друзья мои, я стар,
А друга не обрёл!»

Он смолк. И словно тенью свет
Сковало торжество...
Искали викинги ответ
И не нашли его.

Снести обиду без упреков злых,
Сдержать язык от проповедей нудных,
Уметь смолчать – бывает так же трудно,
Как мысли уложить в короткий стих.

Я хочу научиться выращивать время:
Ставить тесно горшочки на подоконник,
Поливать, когда почва сохнет в кремень,
За окном пусть летают чайки и брызги,
На столе — семена и проростки рассады,
А побеги пусть сушит морское солнце.
Истолку стебли ломкие в белой ступке,
Чтобы пылью стали все волокна.
После — сделать пилюли или облатки,
Они пахли бы чаем и свежей сдобой,
Я бы их раздавала друзьям и близким,
Время легкой горчинкой прилипнет к нёбу,
На запястьях ляжет бисерной снизкой,
И не нужно, чтоб времени было много —
Надо только, чтобы его хватало.
Нам всегда не хватает одной минуты,
Или в крайнем случае — получаса.
Кто-то мудрый сказал, что время — живое.
Потому оно не дается с запасом,
Что запас превратился бы в тяжкое бремя.
Мне же чудится что-то очень простое —
Море, камни, ракушки, прохладный вечер.
Я хочу научиться выращивать время.

друг мой, зачем слова и бумага,
когда мы слышим один гобой?
когда до общего — меньше шага,
когда я помню себя — тобой,
когда глядишь моими глазами,
когда на пальцах — не свой ожог,

и Птаху было непросто с нами,
и Сет обвел нас в один кружок...

друг мой, гобой – непростая штука,
друг мой, он помнит святого Эльма:
в тумане прячет следы и звуки,
поближе – тусклый, подальше – цельный,
когда ты спишь, я свечусь вполсилы,
когда я гасну – дождись затмения,
но колокольное злое било
от нас не скроет гобоя пенье...

* * *

Сударь, мне прежде нужна была лупа,
Помните – та, с ясной линзой хрустальной,
В черном футляре – под цвет рукоятки.
Видите, сударь, как все это глупо,
Нынче швыряются грязью банальной,
Помните – раньше кидали перчатки;

Сударь, сквозь лупу мир видится четче,
Люди – детальней, характеры – ближе,
Мир – слишком резким, под веками – больно;
Нынче не пляски нужны мне, а четки,
Линзу весенней забрызгает жижей –
От иномирья до Первопрестольной.

Как заплясал бы под лупою этот,
Или вон тот, с подлым червем под кожей?
Если б я знала, если б я знала!
Если б тогда вы не скрылись от света,
Я б защитила себя понадежней,
Я бы пришла к вам, пока не устала!

Мне б это зернышко высмотреть раньше,
Дверь не откроешь – в грудь не ударят,
Но не случилось мне встретить вас, сударь!

Кто же придет посидеть с тобой, баньши¹?
Я помню лица, ты видел — хари,
Лучше пока я незрячею буду.

* * *

Жизнь перетечет — из сегодня в завтра,
Мы решаем сами, где ложь, где правда,
Мысли — тихим эхом холодных стен:
Что не будет «*Happily ever after*»,
Разве только — «Умерли в один день».

«Запад ли, восток — ветер дует в спину»,
Шаг, другой вперед — и опять застыну,
Глупая надежда — сухим ростком:
От меня зависит лишь половина,
Да и то — сквозь пальцы течет песком.

¹ *басьши* — плакальщица. В кельтской мифологии, причитающий женский дух.

Переписка

I

Самому себе незнаком —
горло выдохнуло и сжалось —
говорю чужим языком,
на чужую надеюсь жалость.
Угловатых слов толкотня,
угловатые окончания —
я полцарства не на коня
променял бы в немом отчаянии,
я бы выменял на него —
что мне царство, по мне ли это? —
в пять утра рассвет над Невой —
я давно не видел рассвета,
и возможность всё объяснить —
нараспашку, настезь, наотмашь:
слушай, радуйся, спи, проснись,
бритвой масло на бутерброд мажь.

II

...в каждой строчке — удар колес
о бетонный бортик у бровки.
Перехватываю внахлест,
как сырой пеньковой веревкой,
разрывающихся аорт
в ярко-красных прожилках бархат.
У рояля рыжая Парка
ми-бемольный берет аккорд.

Ш

Проснувшись посреди лоскутной ночи,
я отпускаю сна небытиё:

ты шла ко мне — яснее, чем воочию,
но омрачала тень чело твое —

тревога, что меня ночами точит,
а днем перепевает мне моё
иное сновиденье: нас вдвоём,
и голову пустой мечтой морочит —

припомнив пару в полночь на балконе,
потерянный платок, свои ладони
вспотевшие, форшлагги соловьев,
безмолвное, по буквам, объясненье,
мороженое в Таллине осеннем, —
чужое слово выдать за своё.

Феерия

Ну допустим, предположим, например:
у тебя завелся — Боже! — кавалер.

Предположим даже, что наперекор
знатокам кофейной гущи, договор
был подписан между вами; заключен
пакт о дружбе и намереньи сторон
пограничный и таможенный контроль
упразднить, и снять акциз на алкоголь.
Предположим, посмотрев на полотно,
что оно безукоризненно верно.

Только...

Вот какой-то лишний штрих,
мазок

проступает на поверхность между строк,
проступает из подспудной глубины —
на корявом пне, торчащем у стены,

в пыльной комнате,
в звенящих бубенцах,
в волосах твоих и контурах лица,
в отражающемся в луже витраже,
в темно-синем «Мерседесе» в гараже,
на густом пучке желтеющей травы
из других времен у призрачной Невы,
на террасе захолустного кафе,
в волосах твоих, летящих над рекой,
в разгорающемся аутодафе,
на гербе над входом в театр городской —
это я.

Ты замерла...

бежишь ко мне!

Или — мчишься на арабском скакуне,
на рассвете, в заключительной главе,
в эпилоге, на лужайке, на траве...

Что же дальше?

Дальше — только тишина:

кромка забрана, задача решена;
но, досматривая сказку до конца,
я пишу — опять от первого лица:
«И тогда польется счастье через край,
хоть бери и поварешкою черпай,
по тарелкам, по стаканам, по сердцам,
чтоб блестело и стекало по усам,
чтоб навечно, навсегда, до дна, до дна,
и в болезни, и в здоровье, и во сне,
в шкуре мамонта, убитого на днях,
в прошлом веке в тесной сакле на скале,
в парике и буклях с видом на Версаль,
и в картине акварелью на стекле —
пятна краски, горизонт, горизонталь...»

Мише Пази

Мне хотелось бы жить в мансарде,
возвращаться домой под вечер,
и играя с собою в нарды
при неверном свете свечи,
вспоминать дневные заботы,
репетиции, споры, встречи,
и подслушанные анекдоты
перед зеркалом разучить.

Не считать в кабаках сантимы,
жить в долгах, как в парче вельможной,
на улыбку и взгляд игривый —
улыбнуться и подмигнуть,
чтоб уже через час, в обнимку
с этой талией невозможной,
недопитое бросив пиво,
тихо за угол завернуть.

Мне хотелось бы, мне б хотелось
по перилам съехать на землю
и пуститься бежать — по делу,
наутёк,
наперегонки.

Только вновь и вновь, зеркалами
окруженный, я медлю, медлю,
повторяя, как заклинанье:
«В Таганрог, в Москву, в Петушки...»

Ушли навсегда золотые года,
где в юности год приходился за два,
где рано выросли и быстро старели,
смотрели на солнце без темных очков,
от страсти немели, и лгать не умели —
моргали, стыдясь потемневших зрачков.

Писали стихи, признавались в любви,
с кузинами были *amis pour la vie*,
от слова — бледнели, от слова — краснели,
меж од и элегий блуждали с тоской,
пощечину кровью смывали с шинели,
и ездили цугом по Малой Морской.

Их маленький, теплый, уютный мирок,
рассыпавшись горсткой осколков, обрёл
меня вспоминать, озираясь и шурясь,
как жили — не мы, и тужили — не мы.
Чужая эпоха жестоко врачует,
но не спасает от пурпурной тьмы,
которую носит под кожей любой,
кто тщится томиться необщей судьбой.

Пара случайных реплик
брошена невзначай,
ветер портьеру треплет,
бродит с клюкой печаль —
бродит несмелым словом,
как в молодом вине
бродит желаньем новым
знание о новом дне.

Бушует пламя в языках листвы,
Как золото на голубой эмали.
Деревья, на глазах голубизны,
В пруд засмотревшись, скромность потеряли.

Вот обнажилась ветка, вот сорвал
В порыве страсти ветер покрывало...
Оно, оранжевое, на землю упав,
Ковром легло и дивным ложем стало.

Как дар дана мне эта красота,
И чтоб она не стала пресыщеньем,
Я выпиваю каждое мгновенье,
Как Божий дар, иль как бокал вина.

Картонный дом

Утепив платком пуховым плечи,
Я сажусь, держа в руках альбом.
Ну, давай, устраивай мне встречи
Милых мне людей, картонный дом.
Ну давай, дружок, листать страницы,
Вспоминая лица и года.
Снова радоваться, а порой казнитья,
Что вернуться в прошлое нельзя.
Только ты и я храним их лица,
Их слова, их жесты... Те места,
Где сегодня снова состоится
Наша встреча, как когда-то — та.
Та, запечатлённая случайно,
Кто же знал, что через столько лет
Буду получать я с грустью тайной
Посланный тогда от них привет.

За окном

За окном живу,
Как в клетке птица.
Улететь хочу —
Но не летится!
Я запеть хочу,
Но не поется.
Долго жить хочу,
Но не живется.
За окном живу,
Как в клетке птица...

* * *

Опять этот дождь, он сегодня не кстати.
Хандра. Я грущу и валяюсь в кровати,
Опять вспоминаю... жалею себя...
Я всё понимаю: Судьба есть Судьба!

А дождь барабанит, как азбука Морзе,
Он хочет добраться до самого мозга.
Быть может, там спрятан таинственный код,
Который язык этих капель поймет,

Что это не дождь, а посланье «оттуда»,
И я вдруг пойму, что свершается чудо!
Есть связь двух миров! И я слышу тебя!
Тебе тоже грустно... Судьба есть судьба.

Нью-Гемпшир

А.А. Корману

Они скитались по дорогам,
Он рисовал, она писала,
Средь непогоды и тревоги
Порою музыка звучала.

Порой захлебывались смехом,
От счастья слёзы проступали.
Два чудака искали снега
И солнца по утрам искали.

Но солнце двигалось к закату,
И утра контражур не вечен,
Она брала цветок в закладку
И зарифмовывала вечер.

Любуясь на непостоянство
Теней в заоблачном балете,
Он зарисовывал пространство
Как бы застывшим в пируэте.

Остались после их вояжа
Стихов девичьих робкий томик,
Пронзительный размах пейзажа,
Дороги к дому быстрый промельк.

* * *

Пахнешь мылом, взгляд потухший
И пришитая улыбка,
Ты – моя попытка худшая,
Лучшая моя ошибка.

Я стучу в тебя – нет отзвука,
Я кричу – нет откровения.
Как юродивая, ползаю
И цепляюсь за колени.

Хватит, поиски закончены,
Ты покинешь мои прииски,
Извини мою сговорчивость,
Извини меня за искренность.

Осень

Сегодня рыжий лук варю,
Чтоб завтра быть рыжеволосой,
Под цвет листвы, летящей косо
К неведомому алтарю.

На карнавальном балдахине
Дрожат рябиновые кисти,
В последний путь несутся листья,
Настоянные на кармине.

Листвы шуршащую погоню
Я посылаю за тобой,
Кленовый лист, подарок мой,
Возьми и выгладь на ладони.

Вглядись же — клёнопись чиста.
Природы тонкое искусство
Мои отобразило чувства.
Как хрупка ткань, как мысль проста!

* *
* *

Какое счастье — сон вдвоём
Под шёпот ночи.
Клён, опоясанный дождём,
Стихи бормочет.

Нам снится — снова далеки
Мы друг от друга,
И телефонные звонки —
Как залп испуга.

А время с каплями дождя
Бежит скорее,
В кошмаре сна найти тебя
Я не успею.

Я в одиночества свои
Во сне бросаюсь,
И обретаю нас двоих,
Лишь просыпаясь.

памяти М. Максимовой

Белый продавец домой уходит,
Бочка вздрогнет от визжащего трамвая,
И ночует при любой погоде,
Мерзлым боком тускло звезды отражая.

Я гляжу на слепенькие окна:
Белый продавец сидит с горячим чаем
Сахар колет льдинками и охает,
Руку красную он красной потирает.

Завтра понедельник начинается,
Кончится он пятницей, конечно.
Господи, да сколько же нам маяться?
Господи, да пожалей нас, грешных...

Снится молоко парное бочке,
Снится продавцу про свадьбу дочки.

Ярмарка

С фиолетово-красной каймой
Облака в синеве, как медузы,
Пахнет свежестью, коркой арбузной,
Летом будущим, бывшей зимой.

Март на блюде и солнца зрачок
Золотым ободком обозначены,
И живётся как будто иначе нам,
В горле — воздуха синий глоток.

Здесь на площади, круглой, как блин
С дыркой памятника — выступление.
Нынче — масленица, наводнение
Из рогожек, подножек и спин.

Здесь спеленатый мишка бредёт,
Здесь клубится шашлычное зрелище.
Так заплакать доводится где ещё
И коленями бухнуться в лёд?

* *
* *

Приличия соблюдены:
Ты почесал меня за ушком,
Мы вновь беспечны и нежны,
Как интернетные подружки
Начну приветы получать
Ко дню рожденья, с Новым Годом,
И с благодарностью взирать
На усмиренную природу.

Бродя по тропам и аллеям,
Я, гордая, как матриарх,
В них одиночества взлелею,
Отправлюсь в цирк и зоопарк.

И там, лицом прижавшись к клетке,
С какой не важно стороны,
Увижу, как резвятся предки,
В любви беспечны и нежны.

Из цикла Весенние Зарисовки

Весна Обретенная

Снова мир осушил чашу зимнего сна
До последней сверкающей капельки яда —
Над планетой звездой восходит весна,
Золота и буйна, как хмельная бравада.

Вместо неба на мир опрокинут Грааль,
Воздух остро пронзен нескончаемым гулом,
И уходит зубастый недобрый февраль
На восток по этапу под солнечным дулом.

Ломкой коркой на лужах вздымается лед,
Облака поджимают хвосты обгорелые
И хозяйственной немкой к нам лето идет:
В чистой юбке, рачительное и дебелое.

Весна Абсурдная

Человек стоял на голове,
Корча уморительные рожи.
Чтоб найти очки в густой траве,
Он неэффективно лез из кожи.
Подвязавши галстуком штаны,
Мерно зашнуровывал карманы...
Это я к тому, что от весны
Как-то очень близко до нирваны.

Ницшеанские максимы.

1. Тот, кто бежал, куда даль звала,
Споткнувшись, успокоится навеки.
2. Сильнее зова плоти в человеке
Лишь утомительная жажда зла.

3. Тот, кто желает жизнью насладиться —
Иди и убивай, чтоб под рукой
Смерть колотилась, точно сердце птицы.
4. Догматик скован цепью, а святой
Вмурован до макушки в добродетель —
Ему пошевелиться, значит — пасть.
5. Бог, как монарх, любим лишь на монете.
6. Ад есть бессилье гордых. 7. Рай есть власть.
8. Страстями изнуренный — жалок. 9. Вера —
Прекрасного цветка горчайший плод.
10. С природой не играй — за меру мера,
Так, и́наче ль, — она свое возьмет.
11. Не рабствуй. 12. Не советуйся с глупцами.
13. Долг есть хозяин мыслей и сердец.
14. Творя при свете, данном образцами,
Вовек творцом не станешь. 15. Наконец,
Чтоб вожжи взять всемирной колесницы
И обрести всю силу без границ,
Довольно будет простереться ниц
Пред алтарем хохочущей лисицы...

Подражание Гейне

О, как ты зла к тем, кто влюблен
В сиянье глаз прелестных!
Ужель тебе моления стон
Милей признаний честных?

Нет, мне не исказит лицо
Знак горести случайной —
Порой веселое словцо
Есть признак боли тайной...

3

Предрасположенность к хандре
В предзимье ощущаешь четко,
Как будто бабушкиной щеткой
Гоняешь листья во дворе.

nion

Колотит ветер о стекло,
Продул фиалки. Перемёрли.
Предгриппие скребется в горле —
Октябрь изрядно развезло...
Бредет, простуженный до дрожи,
Сквозь лужи с киснущей листвой,
По посиневшей мостовой,
В пупырышках гусиной кожи.
Гудит хайвэй — застрял на «ре»,
Как половина междометья.
Листва отмыта до бесцветья.
А что-то будет в ноябре...

Капля янтаря

Переполюняем запахом полынным,
Благоуханный источая мед,
День отступает. Вечер будет длинным,
А ночь сегодня вовсе не придет,
Плечо горы тепло, за день нагрелось,
То вечеру от полудня привет —
Сейчас нас окружает неба спелость,
Золотоалый яблочковый цвет...
Подбрось-ка хвороста... под облаками
Как небеса пронзительно светлы...
А вскорости остынет горный камень,
И на груди алеющей скалы
Задремлет туча, золотокудлата,
Ночь призывая, хрипло вскрикнет волк...
Запомни бархат этого заката,
Ведь дальше будет только черный шелк.

из цикла Петербургский Коллаж

* * *

Ах, это время чёртово,
начальная страда, —
изображенья чёткого
не различит радар.
Наверно, так повелено
Ответственным Лицом,
что будут поколения
вальсировать с Тельцом.
Аврорин залп бисируя,
не разорвав оков,
вальсируем, вальсируем
всё дальше от веков,
где вместе свет и темень, и
никто не жид, не гой,
где *врут*ся нервы времени,
распятые собой.

* * *

Ах, этот бабушкин комод,
буфет резной, на дверках — розы,
какгодились вы для прозы,
в которой истина живёт...
ах, этот бабушкин комод!

Теперь мы часто говорим
про старый бабушкин буфет,
что это — бабушкин букет,
в «сегодня» он — неприменим,
теперь мы часто говорим.

Вот то ли дело в наши дни —
парят в пространстве гарнитуры,
а их изящные фигуры
так изумительно легки,
вот то ли дело в наши дни.

Нет ни одной детали лишней,
всё — только пластик и стекло,
гигиенично и светло,
а временами — фантастично,
нет ни одной детали лишней.

Я тоже за стекло, не против,
но всё ж оговориться надо —
с такою мебелью в блокаду —
не приведи меня Господь.
Я тоже за стекло, не против.

Ах, этот бабушкин комод,
его на десять дней хватило.
Буржуйка жалобно дымила,
то спину грела, то живот,
ах, этот бабушкин комод.

А мы виньетки целовали,
нашлёпки, уголки, цветы,
в них было столько теплоты
запрятано, в потенциале.

Ах, этот бабушкин комод,
буфет резной, на дверках — розы...

* * *

Скучаю ли я по Белым Ночам
и чёрным провалам каналов,
по времени, что миновало,
предназначенье влача —

быть иль не быть (всё от взгляда),
и Летнего Сада ограда —
не довод, а просто предмет,
отягощающий память,
которую не оставить
в багажных закутах карет.

Ногами — оттуда, да память — туда,
(за что ей такая поблажка?),
туда, где Никольский и Пряжка,
где Ладожская вода,
ласкающая лениво
стыдливые мели залива,
замкнувшего этот поток
искусственного пространства,
и признаком постоянства
где — дождь, как заслуженный рок.

А бронзовых статуй конный конвой
ведёт петербуржцев усталых
оттуда, где склад пьедесталов,
где ставшая роковой
дуэль Поэта — предтеча
о т с р о ч е н н ы х Чёрных Речек,
которым нет счёта, и где
вскрывают Белые Ночи
созвездия оболочек
в колеблющейся воде.

* * *

Д. Шраеру-Петрову.

Войти в пике и выйти вон
в круговорот, во время оно,
цитируя традиционность,
пугающую щегольством.

Или напротив. Не входить
в пике, поскольку страшно это.
А этот страх диктует вето
и грубо обрывает нити
переплетения аур.
Но так традиционен ветер,
что снова слово «Петербург»
надписываю на конверте.
И утыкается строка
в реминисценцию традиций
с гвоздикой белою в петлице
от «Большевички» пиджака.

Диалог

Я — бывший Ваш. И Вы, как тетива,
натянутый двумя прямыми прогиб,
даёте жизнь возвышенным словам,
вальяжным, словно ментор в апологе.

Она в ответ: не Ваша я, не Ва
шаГрневая, реневая, рене,
а, чем вальяжней, тем витиева-
тей я, поскольку рукавов куценьё
даёт возможность течь и там, и там,
и лишь не там, где вижусь я, спросонья,
когда сюжеты Ваших мелодрам
Вы норовите выловить в Гудзоне.

Так стоит ли скорбеть, что скарабей
отнюдь не эвфемизм для сибарита,
как родовспомогательный Бродвей,
прорвавший плевы авеню и стритов.
Ни мне, ни Вам не угрожает швед,
но, всё-таки из всех весомых фраз та,
где вспоминают Суету Сует.
Вы помните ещё Экклесиаста ?

* *
* *

Время тоже поношено,
как обычный предмет;
возвращаешься в прошлое,
только прошлого — нет.

Эта память дотошная
снаряжает коней;
возвращаешься в прошлое, —
значит что-то сильней.

Врать доступно и дёшево,
да себе не налги;
возвращаешься в прошлое,
на чужие круги.

Перемолото, сброшено,
да опять — под откос;
возвращаешься в прошлое
на маршруты Каносс.

Как бы ни было б тошно и
сколь не лили б дожди,
возвращение в прошлое...
Господи, не приведи.

Когда б вы знали, из какого сора —
Из жизни повседневной карусели,
Из трудных дней, и из ночей бессонных,
Где тяжбы и терзания без цели,

Где друг и недруг быют по нервам больно,
Труда себе не давши извиниться,
Где тянешь воз, хотя и добровольный,
Но тяготящий, как в руках синица.

И в драке за абстрактные вершины
Чего же ждать? Какого вдохновенья?
Вот. На бегу сложил стихотворенье,
Из сора. Из отбросов. Из рутины.

Все пустое. Коней напоить,
Да допеть пресловутый куплет.
Льком шитое незачем крыть,
Раз просрочен обратный билет.

Все прожѐг, а ведь только играл.
Не в рассвет, оказалось — в закат,
Расплетая тугой магистрал
На хромые стихи без заплат.

Нежный звон сине-сумрачных зим
В колокольный сгущается груз.
Грязный снег. Глупый грех. Бледный мим
Расстается с последней из муз.

Расскажи.
Не приветствуй луну молчаливой тоской,
Лучше вслух.
До души
Одинокий ли зверь, пешеход городской —
Равно глух.

Зарастут
Миллионы несказанных слов лебедой,
Да былём.
Раз мы тут,
Раздроби тишину, дай мне самый худой,
Но заём.

Гул затих,
Но подмостки пусты, и не вспомнить уже
Кто на них
Выходил.
Коломбины манят кружевным неглиже
Из могил.

Глупых строк
Слишком много сегодня. Бегом бы в кровать
От луны —
И в клубок,
И прижаться щекой к старой кукле, и спать,
Видя сны.

Хорошо быть строгой тетушкой с лорнетом,
Есть яйцо на завтрак, пить некрепкий кофе,
Быть уверенной в незыблемых ответах
На туманные вопросы философий.

Хорошо быть обаятельной шатенкой,
Той, чьё общество так любят все мужчины,
Не включать в словарь нюансы и оттенки,
Не терзаться смыслом жизни без причины.

Хорошо быть дамой в фирменном костюме
Цену знающей карьере и успеху,
Что ответит на любой вопрос, подумав,
Но не пряча снисходительного смеха.

Хорошо быть многодетной доброй мамой,
Разгребающей забот домашних море,
Не гоняясь за престижем и рублями,
И про цель существования не споря.

Хорошо на все вопросы знать ответы,
Не нуждаться ни в начальствах, ни в пророках.
Я ж не стану никогда ни той, ни этой,
Потому что мне и так совсем неплохо.

Имидж и ампула

За утренним кофе подсел ко мне имидж недавно.
Я был еще сонный, в пижаме, а имидж – во фраке.
Не вышла беседа. Я с ним попытался на равных,
А он дал понять, что ему интересен не всякий.

Зато ампула за душой не держало дурного,
И нас перебило тирадой притворно-кудрявой.
На имидж досадуя, вставило сочное слово,
Смутило его, а само хохотало на славу.

Какая хандра?! С ампула я не ведаю скуки,
Но имидж жалею, при всех его гнусных манерах.
А снять с него фрак бы, а взять бы его на поруки...
Попробовать, что ли? В истории были примеры.

* * *

И вернулся купец, и привез, что привез,
И пришел продавать на базар.
Бертолетову соль, голубой купорос,
Шприц с вакциной от гриппа, и конский навоз,
И любовное зелье из девичьих грез,
От которого каждая — что за вопрос! —
Возжелает тебя, будь ты лыс иль курнос,
Или хром, или вовсе какой альбинос,
В общем, очень хороший товар!

На чужбине не зря он провел много дней,
Хорошо порошок продается!
Собирает в котомку десятки гиней.
А купец, окруженный толпою парней,
Всё не может понять, почему Гименей
Обделил их — друг друга ладней и умней
Эти парни — с любой из своих дочерей
Он бы каждому свадьбу назначил скорей...
Жаль, что нет дочерей у торговца.

* * *

Дайте женщине поплакаться в жилетку,
Рассказать вам о проблемах и тревогах.
Где богатству не пройти и интеллекту —
Для внимания откроется дорога.

Будет жарко, как на сцене дилетанту.
Постарайтесь — этот путь такой надежный!
Умиления вашим редкостным талантом
Ей достанет, чтоб забыть про осторожность.

А освоившись среди женских откровений,
О святом узнав, разрушив все преграды,
Отдышитесь и снимайте затемнение:
Шантажируйте — ведь вас учить не надо!

Митьки́ делают революцию

Прилетев из Европы, где призрак гулял,
Изложили мы тезисы перед толпой,
А затем вместо Думы собрали Хурал
И решили – пусть будет пожар мировой.

Погуляли на славу – взорвали генштаб,
Подзаправились дружно в ближайшей пивной,
А потом ошастливили мерзнущих баб,
Отпустив их из Зимнего греться домой.

Из Авроры пальнули разок или два,
Поделили на всех дедморозов мешок...
И встречали рассвет громким криком «Ура».
Нам не надо быть всем. Нам и так хорошо.

* *
* *
*

На кухню пойду и налью себе чай.
И снова – к столу, в недодуманный стих.
Назвался поэтом – сиди, сочиняй,
Развел персонажей – старайся для них.

Вериги надел и доволен вполне –
Пусть небо с овчинку, да с желтым песком,
Зато – человеческих душ инженер!
На кухню пойду. Подкрепиться пивком.

Ваяю героя! Без строчки – ни дня,
Да только ему я не бог и не царь –
Вообще не указ! Он плевал на меня!..
На кухню пойду. Опрокину стопарь.

Навстречу стихии, безудержно смел –
Мосты сожжены, и ни шагу назад –
Идет мой герой... Я такого хотел?
На кухню пойду. И намылю шпагат.

Разговор с вороном

Я на дереве сидела, с вороном я говорила,
Мысли холодом сковало, повела я речь уныло.

Мол, устала от борьбы я, и мечты похоронила,
А его, воронья участь вдруг покоем поманила.

Что хотела бы стать птицей, без желаний и без воли,
И чтоб целый век кружиться над одним и тем же полем.

И в согласии с природой, долг свой честно исполняя,
Позабыла б суету я, чрез века перелетая.

«Что же», – ворон отвечал мне, –

«Всё когда-то так и было,

И такие же тирады в свой черёд произносил я.

Равнодушная усталость воском душу обливала,
От борьбы и бурь житейских

в панцирь птичий муровала.

Но не сразу страх пред смертью

в жизни страх переродился,

Незаметно в опереньи вороном я появился.

Ну и что же, что спокоен, что с того, что равнодушен?
Да ведь я уже, признаться, самому себе не нужен.

И теперь бы эти сотни за пять лет борьбы отдал бы,
За победу ль, поражение, в новые бои вступал я.

Тёмным силам вызов бросить: нет, не буду я мириться,
Не устану удивляться и до самой смерти биться».

Так вещал мне старый ворон, оком чёрным не мигая,
Я его благодарила, крошки хлебные бросая.

Что ж, в послушную ворону не спешу я превращаться,
Есть ещё в запасе время человеком оставаться!

Стихотворение

Сколько раз оно мне не давалось,
Извиваясь, языком дразня,
Трепеща — как будто издевалось,—
И дрожа в ладонях у меня.

Нет, как видно, мне лишь показалось:
Мучаясь над ним день ото дня,
Я уже забыл, что значит радость,
И его, и всё вокруг кляня.

Вдруг, как хищник, бешено помчалось,
Все круша,— как будто бы назло.
Вот, так слёзно, вызывая жалость,
Вновь больной улиткой поползло.

Скаля зубы, грубо огрызалось,
Не даваясь в руки нипочем,
Будто жгла его подспудно зависть, —
Грызло печень, било кирпичом.

Хитро и ехидно улыбалось,
Пакости шепча исподтишка,
Радуюсь, что гнет меня усталость,
Никнут мысли, и дрожит рука.

От прямых ответов уклонялось —
Прятало под веками глаза —
Тщательно изображая вялость,
Уверяло — нечего сказать...

Только под конец оно призналось,
Виновато кудри теребя:
«Мучило тебя? — ну, эка малость!
Я же это делало... любя».

Осень в Подмоскowie

Щекочет щеки так хитро
Нить легкой паутинки,
И журавлиное перо
Летит, кружась, в низинку;

А маленький лесной ручей
Еще журчит устало,
Мечтая в сумраке ночей,
Как он рекою станет;

Приглушен звук, не нарочит
Шагов неспешных шорох —
Прибрежную волной шуршит
Пожухлых листьев ворох,

И синий дым лесных костров,
То тут, то там дымящих,
Висит, как кружевной покров,
Иль бродит в хмурой чаще...

Осенний сад

Тихо в осеннем саду.
Шорохи листьев у ног.
Плавают тени в пруду.
Кто б мою радость сберёт?

Кто б мои руки согрел?
Кто бы отвадил беду,
Чтоб никогда не сгорел
Старенький домик в саду?

Кто бы открыл голубой
Яркого неба клочок?
Может, вот тот озорной
Маленький стар-старичок?

Тихо в осеннем саду.
Падает часто капель.
Листья желтеют в пруду.
Спит одинокая ель.

* * *

И безнадежность ищет слов...

М.Цветаева

И стало понятно, что всё безнадежно —
Прочтен приговор для меня,
Когда я с огромною сумкой дорожной
Сходила тогда с корабля.

Вас свита встречала, Вас свита помчала
Домой в неказистом авто...
Запомнилась боль, и вода у причала,
Как сердце рвалось и упрямо кричало,
Что я в Вашей жизни — никто.

И алою струйкой тогда закровила
Разверстая настезь душа...
А я прорекла, я кляла, я молила —
«Не режьте меня без ножа!..»

Тяжелую сумку тягая неспешно,
Невидимой кровью кровя,
Я шла, понимая что всё безнадежно,
Что нету надежд у меня.

О! Жертва заплачена за пониманье —
Всё в жизни нисходит на нет...
Потерян, забыт и пропал без вниманья
Брильянтовый нежный браслет.

За жертву — награда, за стыд — воздаянье,
За слезы — трехкратный кураж —
Судьбою подаренный мне на прощанье
Написанный болью пейзаж —

Там я у причала с огромной сумою,
Наполненной грудой одежд.
И хоть без тебя, но на веки с тобою,
Совсем без надежд, без надежд...

* * *

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвись, заменила
А. Пушкин

Я, конечно, больше не приеду...
Ни в пургу, ни в слякоть, ни в ненастье,
Ни в жару, ни в пятницу, ни в среду —
Не придется больше расставаться.

Можете мне верить, что не буду
Вашим вопреки идти решеньям,
Никогда не назову я чудом,
То, что Вы назвали искушеньем.

Не гневьтесь, не винитесь — бросьте...
Стерся след на улочке старинной.
Я ведь больше не приеду в гости,
Ожидать тебя на каменном помосте
В середине зала на «Гостином».

Нет ни глаз, ни слуха у иллюзий —
Чувства хрупки, глухи и незрячи.
Их рубиновые вина Грузий
Согревали ласкою горячей.

Солнцу путь на Запад — только эхо...
Память, нежность — в песне всё услышишь...
Извини, мне было не до смеха.
Как смеяться, если еле дышишь?

Говорят, что грех от нерадения —
Я, и вправду молвить, не радела,
Удивляясь только совпаденьям,
Знать не знавшим своего предела.

Я тебя не позову ни разу —
Я привыкла жить, терпя лишенья.

Стихнет боль от Вашей тихой фразы:
«Это искушенье... искушенье!»

Торжествуйте славную победу
Ваших рук, отдернутых на взлете —
Я ведь больше, точно, не приеду,
Если Вы меня уже не ждете...

* * *

Окольными путями
Уходит вдаль любовь...
Прощай, островитянин
С далеких островов.

Ты так желал разлуки —
Отчаливает челн...
Но трогал мои руки
Зачем, зачем, зачем?

То ласковый, то грубый...
Кто нервы проследит?
Ты целовал мне губы —
You did, you did, you did...

За то, что не расправил
Полет летящих крыл,
Ты будешь неприкаян —
You will, you will, you will.

Мы ритм не угадали,
И вот — произошло...
Томил меня годами —
За что, за что, за что?

Но чутким эхом слуха
Я остров твой найду
И прошепчу на ухо:
I do, I do, I do...

Шизофрения

...Я дождался конца болтовни докторов
И пошел к ней. Смеркалось.
Я вошел и сказал, что не буду здоров... —
Рассмеялась!
...Я ей все рассказал (был белей мертвеца),
От конца до начала, —
Рассмеялась, как будто иного конца
От меня и не ждала...
...А на улице тихо светила луна —
И не только поэтам:
В эту лунную ночь разыгралась война
Тьмы со светом, —
И она (если всё это было во сне —
Значит, сон лицемерил)
Говорила так долго, и всё о войне...
Я молчал и не верил,
Что сжигают Варшаву, Париж и Москву
Ради стран или денег:
Просто бьется в припадке, кусая траву,
Великан-шизофреник.

1941

* *
* *

Горевал я на чужбине,
Вот опять она, Москва —
Только нет во мне, скотине,
Даже тени торжества.
Горечь прежняя забыта —
И, была бы воля мне,
С торжеством космополита
Я бы жил в чужой стране.

1944

О сограждане, коровы и быки

О сограждане, коровы и быки!

До чего вас довели большевики...

...Но еще начнется страшная война,

И другие постучатся времена...

...Если вынесу войну и голодок,

Может быть, я подожду еще годок,

Посмотрю на те невзрачные места,

Где я рос и где боялся так хлыста,

Побеседую с останками друзей

Из ухтинских и усть-вымских лагерей, —

А когда пойдут свободно поезда,

Я уеду из России навсегда!

Я приеду в Византию и в Алжир,

Хоть без денег, но заеду я в Каир,

И увижу я над морем белый пар,

За скалою, над которой Гибралтар!

...И настолько ведь останусь я дитя,

Чтобы в Лувре восторгаться не грустя!

И настолько ведь останусь я аскет,

Чтоб надеяться на что-то в сорок лет,

И настолько ведь останусь я собой,

Чтобы вызвать всех католиков на бой!

...Но окажется, что Запад стар и груб,

А противящийся вере — просто глуп,

И окажется, что долгая зима

Выжгла ярость безнадежного ума,

И окажется — вдали от русских мест

Беспредметен и бездушен мой протест!..

...Что ж я сделаю? Конечно, не вернусь!

Но отчаянно напьюсь и застрелюсь,

Чтоб не видеть беспощадной простоты

Повсеместной безотрадной суеты,

Чтоб озлобленностью мрачной и святой
Не испортить чьей-то жизни молодой,
И вдобавок, чтоб от праха моего
Хоть России не досталось ничего!

1952-1953

* * *

От отца родного ли рожден,
Или непосредственно от славы,
Любопытством тонким наделен,
Презирал я детские забавы.
В девять лет я знал, что на Луне
Солнце днем горит на небе черном.
Часто думал: вот куда бы мне...
С этой целью стать решил ученым,
И, презренья к жизни не тая,
Лет в пятнадцать мыслил только строго.
Для таких неистовых, как я,
Кантором проложена дорога.
...Переменны ранние мечты:
Лет в семнадцать (это было летом),
Полюбив доступность пустоты,
Я едва не сделался поэтом,
Но язык мой беден и смешон,
А движенья вычурно-корявы...
От отца родного ль я рожден
Или непосредственно от славы?

1946

* *
* *

Странный миг — будто дунуло ветром в лицо,
Будто вдруг незаметно замкнулось кольцо —
Глохну, слепну, немею, зажмурю глаза —
Где-то там, за чертой, в отдалении, за —
Разгорается свет, озаряется мир,
Плачет воском свеча, золотеет потир,
И доносится звук, различимый едва,
И сгущается странно в слова.

* *
* *

Я шла сквозь лес. Меня никто не видел.
Себе казалась я Алисой Лидделл.
Кукушка мне сулила годы счастья,
На ветках висли паутинки-нити...
Хрустела хвоя в такт шагам свободным,
Я шла под полушарьем небосводным
В пустынном и зеленом зазеркалье,
В пространстве безвоздушном и безводном.
Ступая по неярким бликам света,
В распахнутое я входила лето,
И трепет пронизал меня впервые,
И слаще этой дрожи в мире нету!

Дождь

Падал дождь, провожая лето.
Он к земле спешил с вышины.
Плыли вдаль обрывки газеты
В косы струек заплетены...
На картинке осени ранней
Дождь набрасывал пелену...
Всплески, шорохи и журчанье
Лишь подчеркивали тишину.

Если счастье препарировать,
Заставлять его вибрировать,
Мы рискуем обанкротиться —
Уплывет и не воротится...
Если суть его разгадывать,
В микроскоп его разглядывать —
Счастья залежи несметные
Вдруг растают, незаметные...
Помни: счастье испаряется,
Блекнет, в дымке растворяется,
Утром, днем, в часы закатные
Исчезает, невозвратное...

Вокруг роятся чудеса,
Взмывают птичьи голоса...
Какой продуманный дизайн —
Не сосчитать волшебств и тайн:
Взлетает пар, сверкает лед,
Течет вода, волна встает,
И в белом кружеве волны
Плывут, как водоросли, сны,
И океанская вода
Вспоминаньями горда,
Всё помнит — горы, ледники,
И дно песчаное реки,
Шумящий горный водопад,
Потоп — столетия назад...

Нида

Я — в Ниде, на пустом песке.
Здесь мир висит на волоске.
Здесь воздух плавится, дрожа,
Песчинки мягко вороша,
Вбирает, растворяет свет...
Здесь ни одной травинки нет...
Вдруг в памяти редееет мгла —
И я за Моисеем шла...
Там воздух плавился, дрожа,
Песчинки мягко вороша...
Не плачь, не мудствуй, не божись...
Исход, Египет, вера, жизнь...

* * *

Ромашки собираю я
На солнечной опушке.
Сквозь переливы соловья
Мне слышен крик кукушки.
Я не прошу ее: «Скажи,
На сколько жизнь продлится?»
Зачем же приучать ко лжи
Всеведущую птицу?

* * *

Ни дня без строки —
Какой несерьезный обет!
Летят мотыльки,
Мой взгляд устремляется вслед...
Обет обнови —
Исчезнет напрасная грусть:
Ни дня без любви —
Обет посерьезней, клянусь!

* *
* *

Быть хочу сегодня тучей
Серой, мокрой и тягучей.
Обволакивая мысли,
На плечах твоих повиснуть,
И заснуть под одеялом
Лёгким облаком усталым.

* *
* *

Как хорошо когда дожди,
Дожди покоя.
Ты никуда не уходи,
Мы дверь закроем,
И эта музыка воды —
Совсем не осень,
Раз не смываются следы
Далёких вёсен.

* *
* *

Вагон летел, и веер капель
Съезжал, дрожа, на край стекла,
А я смотрел как дождь растратил
Всё то, что туча пролила.
Вдруг вышло солнце. С новой силой
На каплях вспыхнули огни.
Чтоб сделать нашу жизнь счастливой —
Давай дробить её на дни.

* *
* *

Недолог солнца полукруг
На небосводе.
День появляется, и вдруг
Он на исходе.
Лишь начинаешь понимать
Значенье истин,
А нету сил переступить,
И бой немислим.

* *
* *

Всё то же внизу...
Но единожды мне бы
Забраться в грозу
На ревущее небо,
Рукой ухватить
Киловольты из тучи,
На миг позабыть
Что тревожит и мучит,
И вспышкой слепящей,
Как раной открытой,
Встряхнуть крепко спящих,
Довольных и сытых...
А утром по краю
Багрового диска
Вернуться, раскаясь
И кланяясь низко.

* *
* *

Вы не думайте, что просто
Быть мне острым.
Не улыбочиво округлым,
Умудрённым и безуглым,
А — как остров.

* *
* *

У каждой жизни есть часы,
Когда спасенья нет,
Когда колеблются весы,
Не в силах дать ответ.
Ты криком, сдержанность забыв,
Мне боль свою отдай,
И мы не скатимся в обрыв,
Не прыгнем через край.

* *
* *

Я расколот на части,
И в зазубринах край.
Мне так хочется «здрассте»,
А выходит «прощай».

* *
* *

Мне хочется увидеть мир
Простым, и вместе мудрым,
И чтобы каждый вечер был
До, а не после утра.

Двадцать минут до Ниццы

I

Шею начистил город-курсант,
Тронула берег задумчивым раком
Тьма, пробежавшая по парусам —
Последняя ночь. Монако.

Фонари сговорились помочь луне,
Только двадцать минут до Ниццы.
Время прощания. Через несколько дней
Сорок станет ближе, чем тридцать.

Середина жизни, как было замечено Данте —
В итоге любые сроки оказываются малы.
Полицейский прощально взмахивает аксельбантом,
Невидимая граница проходит по центру скалы.

II

Двадцать минут до Ниццы —
Дождь начинает резвиться,
Сталкивая колесницу
С серпантина шоссе.
Корчит гримасы и лица,
Манит взлететь, испариться,
И навсегда раствориться
В прибрежных камней полосе.
А может, действительно смыться —
Чтоб позабыть, распротиться
С глазами кофейной корицы,
С греха и поста мастерицей,
Застывшей в стеклянной красе.

Молния вспыхнула блицем —
Надо скорей излечиться,
Как можно быстрее разбиться,
Доехать — и снова влюбиться

В колдунью, воровку, царицу –
Опять не такую, как все.

III

Пальмы, выстроившиеся в ряд,
Отмечают начало пляжного бивня,
Пальмы между собой говорят
Шепотом градин весеннего ливня.

Вот и всё. Двадцать минут – и Ницца.
Звезды скользят сквозь небес решето.
Нынешней ночью мне кто-то приснится,
Я даже знаю, кто.

2000, февраль-апрель

Монако-Ницца-Лос-Анджелес-Бостон

* * *

Не последним и не первым
Я касаюсь рукава –
Ты надеешься, наверно,
На какие-то слова.

Волосами-якорями
Набухают узелки,
Время плачет пузырями,
Разрастаются долги.

Чертит звездную дорожку
Глаз раскрытых бирюза –
Ты хотела бы, возможно,
Мне о чем-то рассказать.

Звук барахтается, тонет,
Плачет в мягкой черноте –
Умирающие кони
Не найдут пути к воде.

Фейерверки пышным кругом
Разлетаются в ночи,
Непонятные друг другу,
Мы по-прежнему молчим.

Нам к вину добавил склянку
Усыпляющих чернил
Добрый и бескрылый ангел
Тех, кто в юности любил.

2000-2001

* * *

Нет печали, даже малой —
Что «потом», «тогда», «теперь»?..
Лишь усталости подвалы
Распахнули плавно дверь.
И никто никем не брошен
На замерзшую кровать —
Хорошо, прощаясь с прошлым,
Ни о чем не тосковать.
И припев из песни дальней,
Как последнее письмо,
Все доносит: «*I don't love you,*
I don't love you anymore».

2003

Manhattan Revisited

Время, слово, дело, место
Утром станут безымянны —
Ни малейшего протеста,
Ни единого изъяна.

Забывать? Жалеть? Бояться? —
Тихо ехать по мосту,
Что колонной влажных пальцев
Гладит каждую звезду.

Чья царица всех милее?
Как представить, что приснится
Мост, который не умеет
Расходиться и сходиться?

Так кончаются поэмы:
Парк вдыхает свежий дым,
Озабочен новой темой,
То есть — голосом другим.

Завершат узор на ткани
Предстоящей колыбельной:
Рев мотора, шин шуршанье,
Стон виолончельный.

2001, февраль

Нечто японское

Снег свалился. Снова — крайность.
Есть в зиме один изьян.
Вся вселенная: Хоккайдо —
Царство белых обезьян.
Город плачет, город стонет,
Небо клонится к реке.
Улизнувши от погони,
Обезьяны пьют сакэ.

Ждет погибели сашими —
Рыбы бархатный лоскут:
Обезьяны, став большими,
С удовольствием живут.
Фудзияма пахнет утром,
И росы дымится плед.
Ну а мы, носы напудрив,
Заметем хвостами след.

Над порывами бурана
Светит лунный водоем,
А две снежных обезьяны
Все бормочут о своем.
Словно им укрыться негде,
Строят пальцев бахрому
На зверином диалекте,
Непонятном никому.

февраль-март, 1999

* * *

Чашки весов заморозил холод,
Ярды растягивая на метры,
Вздернул на дыбу ошпаренный город
И отхлестал запоздалым ветром.

Вдруг возникает кем-то даримое
И застывает, коснувшись виска,
Необоснованное и не мнимое
Чувство, что перемена близка.

Навсегда к этой ночи приклеились
Ощущение многокрылости,
Благодарность за своевременность
И прошение о милости.

А на память осталось вложено
В уста онемелые слово сие —
Человек доказательство бытия Божия
Получает через собственное бытие.

Весеннее равноденствие, 2002

Сонет

Капризы лета, климата, природы
Очарованьем дарят торжество
Величия и той свободы,
Что одурманит, словно колдовство
Настоем трав, полуденным томленьем
И птицы безразличия круженьем,
Деревьев нервным трепетаньем
И ветра шепоточком тайным.

Шторма, дожди измучают порой,
Как страстию любовник молодой...
Давленье прыгает и не дает пощады.

Вдруг снова день и нежный, и чудесный.
День отдыха иль знак небесный?
И нет пленительней награды.

* * *

Благоуханный край – Сиеста Ки
Ласкают волны Мексиканского залива.
Здесь пальмы разрослись и высоки,
И кварцевый песок седеет от прилива.

Когда же солнце опускается за круг
Очерченный бегущею волною,
Мед, и янтарь, и золота испуг
Текут и плавятся, любят себя...

И взлеты пеликанов – тяжелы
И вскрики чаек – напрягают уши,
И острова так кажутся малы –
Не больше пятака зеленой суши.

Шахматная новелла

Антисемитский шабаш вновь гуляет по России.
Недавно патриоты вдруг в Останкине взбесились.
Толкуют с цифрой 0,7 нам о процентной норме —
Когда послушал бредни их, от смеха чуть не помер.

Ох, горе арифметики, над цифрами не ахайте,
Большой в процентах недобор:

возьмём, к примеру, шахматы.

Средь многих шахматных начал, гамбитов и дебютов,
Национальная видна предвзятость почему-то.

Испанская, индийская, голландская защита,

Но нет *еврейской* партии, ищите — не ищите.

Три чемпиона русских есть, включая даже Карпова,
И, как бутылка на троих, у них своя есть партия,
А кроме *русской* партии — *славянская* защита,
Тут не выигрывать нельзя, хотите — не хотите.

А средь еврейской нации — четыре чемпиона,

Без Бендера и Фишера, считаем лишь законных —

Четыре супергения от Стейница до Таля,

А где-нибудь еврейскую Вы партию видали?

Ох, вот *сицилианская* закрытая защита,

Но нет *еврейской* партии, ищите — не ищите.

Какой учебник ни раскрой — еврейские фамилии,
А партии еврейской нет, ну даже в Израиле.

Что в Азии, что в Африке, в Америке ль, в Европе,
Нигде еврейской партии в помине не найдёте.

А потому, останкинцы, снимите свой пикет,

Раз нет еврейской партии, то сионизма нет.

Английская, шотландская, французская защита,

Но нет *еврейской* партии, ищите — не ищите.

Мы летим над океаном,
Над стеною облаков,
Мы всё дальше от обмана,
И до правды далеко.
Но спокойней сердце бьётся —
Мы уже не на мели.
Как нам редко удаётся
Оторваться от земли!
Мы в обмане, как в болоте,
Копошимся, как ужи.
Неужели лишь в полете
Мы оторваны от лжи?
Если жизнь мне радость дарит
Лишь покамест я лечу,
Я вообще на этом шаре
Приземляться не хочу!
А в салоне самолета
И свободно, и легко —
Далеко уже от взлета,
До посадки — далеко!

Твои глаза на свет от звезд похожи.
Представить трудно, что такие лгут,
Хочу всем сердцем верить им, и всё же
Им до конца поверить не могу.

Прости меня за это недоверье,
И за мои сомнения прости:
Когда открыты настежь в доме двери,
Я опасаясь в этот дом войти.

Нежданные встречи, случайные встречи,
Они — как во мраке зажженные свечи,
Как яркие звезды на небосклоне,
Как светлые пятна на сумрачном фоне.
Мы ими богаты, и ими мы дышим,
Они, словно чудо, дарованы свыше,
Всегда неожиданны, необычайны,
Быть может, не так уж они и случайны.
И кто-то неведомый твердой рукой
Ведет нас друг к другу по сложной кривой.
И мы принимаем порою как данность
Всё то, что легко нам и просто досталось.
О, редкое счастье, нечаянный случай,
Ты нас ожиданием долгим не мучай,
Дари нам и дальше нежданные встречи,
Чтоб солнечным утром стал пасмурный вечер,
Чтоб мы научились ценить и беречь
Великое чудо негаданных встреч.

Воздух сладкий, рассыпчато-рисовый:
это небо напудрилось после дождя.
Можно за тучи, как за кулисы,
зайти дебютанткой-актрисой,
мимо занавеса проходя.
И потрогать небрежно, без интереса,
воздух, который изъела моль,
и сказать: «Я буду играть не по пьесе
и сама выберу роль!»

Весеннее

Апельсиновый сок на тетради — какая отвага!
Таким рыжим, и свежим, и кислым обрызгать посметь
безликую, гордую, выскочку эту — бумагу,
и в синие линии вьестся —
оглушить, закружить, завертеть...
Апельсинные струи — рекой по чернильным помаркам
поправляют то, что не под силу мне,
и моя недотрога рыжим пылает жарко,
и в веснушках стихи — они тоже готовы к весне!

Из всех видов рыб, слова — самые простодушные:
приманок не надо — сами спешат в силки.
Только сухость сетей — шершавое равнодушие —
разъедает быстрые, влажные плавники.
Им больше не выплыть из горла — робко и неуклюже,
или порывистой стаей из устья чернильной реки...
Остаётся лишь лечь на дно
океана, ставшего лужей,
и умереть от безмолвной, рыбьей тоски.

Молоко — талый снег, обновлённый летом.
Оттого по утрам в доме моём не жарко,
что из льдов холодильника я достаю пакеты,
и картонное вымя мучаю, как доярка.
И в стране, в которой зима ещё больший мираж,
чем оазис в пустыне, чем огни маяка,
на дне кружки таится застывший зимний пейзаж,
молоком — не песком отмеряются дни,
и слегка
сосулькой стекает солнечный свет с потолка.

Память пустеет, как стены при переезде:
фотокарточки и картины, словно рукой сняло,
но, как самое страшное из возмездий:
никогда больше не будет белым-бело.
Остаются гвозди, крючки,
клейкой ленты клочки,
и что-то еще — притаилось
и дышит в затылок.

Мысли о лете копошатся в траве, как жуки,
и сверкают на солнце гладкими брюшками,
и чернеют маслинами там, где куски
золотистого сыра ложатся на свежие сушки.
Но заглянет в окно выюжный рой белоснежных шмелей,
и зима заявит права строго и ясно,
и я стану мудрей и, возможно, ещё смелей,
и скажу: «Приходи, одиночество, я согласна».

Может, из хлеба
сделано небо,
а солнце — головка сыра?
Может, поэтому
так не хотим
уходить из этого мира?
Слишком вкусной и соблазнительной
кажется жизнь.

Я бы могла придумать любое место,
и развесить по стенам улыбки, как ордена.
Я их слепила из воздушного теста...
Только ты, взглянув исподлобья, сказал: «Неуместно!»
И оставил целую стаю летать у окна.
И вот, в ожидание тебя, они прятались под кроватью,
за подушкой, или, найдя уголок,
соревновались в прыгучести (очень некстати!)
И шумели так, что дрожал потолок.
А я зажимала уши, чтоб не заплакать,
а улыбки, стрекозами синими — вверх и вниз...
Мне бы придумать место,
где под небесной заплатой
тают улыбки во рту, как тягучий ирис.

Обгоревший сахар листвы оседает в осенней чашке,
и все чувства колышутся на ветру,
как вывешенные на просушку рубашки,
не сохнувшие даже в жару.

Я росла в краю, где смерть случалась так часто,
что в нее перестали верить, и были беспечны
абсолютно все, и деревья дрожали от счастья,
осыпая бананами головы первых встречных.
Мандариновым, теплым соком текла на руки
сочная, сладкая лень; зевнув, задремало
размякшее, потное солнце, и я близоруко
смерть, как бабочку, желтым сачком поймала.
Я росла в краю, где пули неба коснулись,
превратившись в звезды, где бесстрашны тени и дети...
как невинной и странной шутке я ей улыбнулась,
и отпустила, не распознав, не отметив.

Не закрывайтесь от молитв ладонями,
когда они застигнут вас врасплох.
Не сомневайтесь, что бессмертие дано нам,
и каждый, кто любим, немножко Бог.

Друзьям юности

Старенькие мальчики!
Старенькие девочки!
Как же вы мне дороги,
Сколько в вас тепла...
Жизнь большая прожита,
Ничего не нажито,
Но осталась чистая
Светлая душа,
Редко мы встречаемся —
Всё не получается,
Но когда б ни встретились,
Мы всегда на «ты»,
И в глазах от радости —
Не морщинки старости —
Кажутся такими же
Юности черты!
Старенькие мальчики!
Старенькие девочки!
Уходить не надо вам,
Вы еще нужны,
Но душа тревожится —
Меньше нас становится,
И всё реже слышится:
«Здравствуй, это ты?»

из Джека Прелатского

* * *

Крокодил недружелюбен:
Всех на свете невзлюбя,
Абсолютно без причины
Может выйти из себя.
Он затеять может драку —
Не пройдёт спокойно дня.
Заведу себе собаку!
Крокодил не для меня.

И хотя он не скулит,
Не рычит ни днём, ни ночью,
На диване, где он спит,
Не оставит шерсти клочья,
Я бы нервничал немножко —
Честно должен я признать —
Если б ночью он, как кошка,
Вдруг залез в мою кровать.

Крокодил совсем не умный,
Самый скучный из зверей,
Не помчится, как безумный,
Чтоб вас встретить у дверей.
Он манерами не блещет,
Можешь даже не просить —
Не притацит твои вещи,
...Но схватив тебя как в клещи,
Может ногу откусить.

* * *

Ух, как чешется — не описать!
Я б почесал раз сто или двести,
Я бы чесал всеми пальцами вместе,
Но чешется в том единственном месте,
Что мне никак,
ну, ни-
как,
ну, ни-
как
не достать.

* * *

Громче, чем раскаты грома,
Громче, чем орлиный клёкот,
Громче рухнувшего дома,
Громче, чем прибоя рокот,
Громче рыцарей в доспехах,
Прыгающих вниз со стен,
Громче громового смеха,
Громче воющих сирен,
Громче криков на футболе,
Громче рёва водопада,
Громче, чем вопят от боли,
Громче мчащегося стада,
Громче смерча, громче града,
И страшней, чем монстра вид,
Громче грома канонады —
Вот как папа мой ХРАПИТ!

* *
* *

Мой пёс — уродина, не пёс,
И грош ему цена:
Кошачьи лапы, длинный нос,
А уши от слона.
Мой пёс — такой драчливый пёс!
Дерётся днём и ночью,
Смешная морда, драный хвост,
А шерсти — только клочья.

Мой пёс — ужасно грязный пёс,
Он чешется до дыр,
Он может пахнуть, как навоз,
Или как старый сыр.
Мой пёс — кошмарно шумный пёс,
У пса одна забота,
Кого облаять — не вопрос,
Всегда найдёт кого-то.

Мой пёс — он очень глупый пёс,
Его мне даже жалко,
Не жди, чтоб мяч тебе принёс,
Или хотя бы палку.
Мой пёс — он страшно жадный пёс,
Он ест за трёх собак...
Но он же мой любимый пёс,
Мне без него — никак!

* *
* *

Я храбр, я бесстрашен, я полон огня,
Смелее любого пирата.
Ой, мама! Оса летит на меня.
Спасайся, кто может, ребята!

из книги «Матушка-Гусвня»

#156

Вчера я видел пруд в огне,
И дом, стоящий в стороне,
Как вдруг – на что это похоже? –
Дом начал кланяться прохожим.
Ещё увидел я потом,
Хотя и верится с трудом,
Как парень, ростом метров десять,
На небо дом сумел повесить.
Вокруг него росла трава,
Плели лошадки кружева,
И воробьи, надев коньки,
Бежали наперегонки.
В том доме (видно сквозь окошко)
Девчонка прыгала, как кошка,
И кошка на окне весь день
Сидела в шляпе набекрень.
Ещё я видел старика,
Кто подтвердит наверняка:
Во всём, что рассказал вам я,
Нет ну ни капельки вранья.

из А.А. Милна

Счастье

Есть у Джона на обе ноги
Непромокаемые сапоги;
Есть у Джона (порвал, растяпа!)
Непромокаемая шляпа;
Ещё есть у Джона – очень хорош –
Непромокаемый макинтош.
«Вот и всё», – смеётся Джон.
Пусть дождь льётся со всех сторон.

* *
* *

Одиночество людных улиц,
Постоянство чужой беды.
Будто с будущим разминулись
В ожиданьи своей звезды.

В околесице сырых буден,
Круговерти надежд и тризн
Столкновенье случайных судеб
Вновь кому-то дарует жизнь.

* *
* *

Блистай царицей балагана
Досужим толкам вопреки.
Гробница черная реки
Хранит печати Несмеяны.

Пусти клубок самообмана,
Ночь лабиринта освети.
Конец постылого пути —
Начало нового романа.

* *
* *

Ниспошли мне, боже,
Что другим негоже:
Туфли, что поплоче,
Платье из рогожи.

Буду щеголять я
В этом новом платье,
И, быть может статься,
Снимется заклатье.

* * *

Перед бедой душа оголена.
Как долго длится исповедь больного...
Зачем же мы остались дотемна
Под шатким пологом чужого крова?

Бессонной ночи боль и маета,
Тяжёлый звук старинного органа...
Скрипят и стонут хлипкие борта
От бешеных ударов урагана.

* * *

Шаг, а потом другой.
Дальше идти невмочь.
В голос спускаться твой,
Словно в глухую ночь.

Только б ещё один...
Не повернуть назад.
Долгий, как старый сплин,
Медленный путь сквозь ад.

Кто загасил огни?
Ветер сбивает с ног.
Хватит кричать: «Распни!»
Дайте же хоть глоток!

Письмо в Москву

Сквозь безнадегу всех разлук,
Что трут, как цепи,
«*We will be happy!*», милый друг,
«*We will be happy!*»
«*We will be happy!*» — как всегда!
Хоть ближе пламя.
Хоть века стыдная беда
Висит над нами.
Мы оба шепчем: «Пронеси!»
Почти синхронно.
Я тут — сбежав... Ты там — вблизи
Зубов дракона.
Ни здесь, ни там спасенья нет —
Чернеют степи...
Но, что бы ни было — привет! —
«*We will be happy!*»
«*We will be happy!*» — странный звук.
Но верю в это:
«Мы будем счастливы», мой друг,
Хоть видов нету.
Там, близ дракона, нелегко.
И здесь непросто.
Я так забрался далеко
В глушь... В город Бостон.
Здесь вместо мыслей пустяки.
И тот, как этот.
Здесь даже чувствовать стихи
Есть точный метод.
Нам не прорвать порочный круг,
С ним силой мерясь...
Но плюнуть можно... Плюнем, друг!
Проявим серость.

Проявим серость... Суета —
Все притязанья.
Наш век все спутал: все цвета
И все названья.
И кругом ходит голова.
Всем скучно в мире.
А нам не скучно... Дважды два —
Пока четыре.
И глупо с думой на челе
Скорбеть, насупясь.
Ну, кто не знал, что на Земле
Бессмертна глупость?
Что за нос водит нас мечта
И зря тревожит?
Да... Мудрость миром никогда
Владеть не сможет!
Но в миг любой, пусть век колюч,
Пусть все в нем дробно,
Она, как солнце из-за туч,
Блеснуть способна.
И сквозь туман, сквозь лень и спесь,
Сквозь боль и страсти
Ты вдруг увидишь мир как есть,
И это — счастье.
И никуда я не ушел.
Вино — в стаканы.
Мы — за столом! Хоть стал наш стол
В ширь океана.
Гляжу на вас сквозь целый мир,
Хочу взглядеться...
Не видно лиц... Но длится пир
Ума и сердца.
Все тот же пир... И пусть темно
В душе, как в склепе,
«*We will be happy!*» ...все равно:
«*We will be happy!*»

Да, все равно... Пусть меркнет мысль,
Пусть глохнут вести,
Пусть жизнь ползет по склону вниз
И мы — с ней вместе.
Ползет на плаху к палачу,
Трубя: «Дорогу!»
«*We will be happy!*» — я кричу
Сквозь безнадегу.
«*We will be happy!*» — чувств настой.
Не фраза — веха.
И символ веры в тьме пустой
На склоне века.

* *
* *

Ах ты, жизнь моя — морок и месиво.
След кровавый — круги по воде.
Как мы жили! Как прыгали весело
Карасями на сковороде.
Из огня — в небеса ледовитые...
Нас прожгло. А иных и сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.

Черно-белый январь

Бьётся сердце под каждым январским пальто.
Под девичьим в особенности. Не то,
Что случилось, влечёт, а что будет. В авто
Граф сажает графиню, но это в романе
О заморских страстях, а у нас на экране
Черно-белой зимы в городской панораме
Мчит общественный транспорт туда и сюда,
Утекает под мост ледяная вода
И любовь, как одним романтическим французом
Было тонко замечено; женщина с пузом
Неизвестно откуда, верней, от кого,
Бьётся с ветром стальным и с судьбой — кто кого,
Чья-то тёща влечет шерстяного бутуза
От стихии закутанного по рога
И глаза в детский сад. Костяная нога
В гастрономную очередь в ступе несётся,
А под ватным пальто сердце девичье бьётся.

А поэт? Что же делает нынче поэт?
Описанием занят январских примет?
Или силится дать однозначный ответ
На загадки судьбы, мироздания, веры?
Или снова ругает железный свой век?
Иль в иную обитель задумал побег?
Или смотрит в окно, как на улицах снег
Чистят грузные женщины в ватниках серых?

Деревенский колодец

К ночному колодцу пошел за живой водой.
Взял в руки ведро, но мерцающею слюдой
Овала на лунной воде остановлен был.
Я поднял глаза, и за чем я пришел — забыл:

Мерцают созвездия, и над головой видна
Луна, как дно эмалированного ведра.
Застрявшего в воздухе, которое Кто-то в наш
Колодец спускает, но то ли на местных Даш
Нечаянно засмотрелся, то ли задумался ни о чём,
А может, стоит, подперев небосвод плечом,
Глазами к галактикам прокладывая Млечный путь.
А может, хотел бы нашей воды зачерпнуть.
Узнать настоящую цену добра и зла...
Наверно, хотел бы, да, видимо, цепь мала.

Возвращение

Я вернусь туда, где жевал пельмень,
Где над чаем плыл голубой пэл-мэл,
И кошачью лесенку на твоём этаже
Превращу я в песенку, е.б.ж.¹

И раздастся снова и чмок и чок,
И найдет свою Золушку башмачок,
А потом новоявленный граф Толстой
На проклятый вопрос даст ответ простой.

Пусть крылатые мурки на сумеречном мосту
Стерегут словно урки уличную пустоту,
И опять рыбьим жиром горит канал,
Куда Пушкин и прочие окунал.

Я с луной возле клумбы глотну лишка
Перед домом, где глобус *a la* башка,
И Барклай без фуражки махнет рукой
И не будет спрашивать, кто такой.

¹ Если буду жив.

Сокращение из дневника Льва Толстого.

Кузнечик

Один на один со стихией жизни
Кузнечик хлопчет в своей отчизне
Коленчатых трав и цветочных чашек —
Зеленый солдатик — то Швейк, то Гашек.

А мир — то война, то сплошная шутка,
И Швейку смешно, а Гашеку жутко,
И каждый глядит из травы неотважно,
И только вдвоём им почти не страшно.

Вот так и хлопчет весь день кузнечик —
Стрекочет и строчит двойной человек,
Укрывшись от глаз кровожадных пташек
В зелёном тылу, полу-Швейк, полу-Гашек

Дар (скороговорка)

К майской туче Тютчев чутче
Ласточкиного крыла,
Он умел о громе лучше,
Четче, чем она сама.

Вседержитель слова даром
Не изволил одарить —
Может грома лишь ударом
Туча с миром говорить.

В землю мечет молний стрелы,
Робких птиц пускает влет,
Надувает щеки белы,
Ливнем бьет и слезы льет.

Кто, казалось, мог бы чутче
О самой себе навзрыд?
Так вот нет же — Тютчев лучше,
Тютчев чутче говорит!

Юла

Юла, дури мир удалю, пока
Мечта близка, и юбка коротка.
Пока под кожей лани молоко,
И тело не барокко – рококо!

Блестящая и гладкая, юли
Всем тем, что время превратит в нули,
Когда внезапно кончится завод,
И молодость назад не позовёт.

О, заводная, о, шальная – вжж-и!
Собой проходим головы кружи,
Пуškai им пыль в глаза и за глаза,
Вакханочка, коханка, стрекоза!

В зрачки бросайся радугой надежд,
Нарядными гирляндами одежд
Ряби в глазах, ласкайся, обольщай,
Играй, давайся в руки, обещай!

О, востроглазка, вертихвостка, зга!
Пуškai брюзжит брюзга, и мелюзга
Тебя менять спешит на свой манер.
Не поддавайся, беженка, пленер!

Вертись вокруг оси во весь опор.
Покуда пол – прочнейшей из опор
Воспринимается, и виражи
Не повергают в обморок, кружи.

Мазурка, зорька, музыка зари,
Прекрасная снаружи и внутри,
Своди с ума сердца и зеркала,
Круженья плен и пленница, юла!

Амуру

Кинь розой, озорник!
Больнее, чем стрелой,
Когда заденет шип,
Бывает нам порой.

Но всё же не стрела,
И заживает след
Без шрама, без жела-
Ния наделать бед.

Уж лучше розой брось —
Коснувшись, лепестку,
Как слову, удалось
Перескочить строку

Судьбы. Но древки стрел
Твоих легки не столь,
И попаданье в цель
Сулит двойную боль.

Не меться, озорник,
Ни в сердце, ни в живот!
Заденет кожу шип —
До свадьбы заживёт!

Три цвета

Когда женщина освобождается
От разноцветных одежд,
Остается три цвета —
Алый и белый.
Алые щеки, губы, соски,
Алые следы от резинок и крючков.
Все остальное — белое.
Третий цвет,
Меняющийся, неуловимый, —
Цвет глаз.

* * *

Животные не смеются.
Никогда не хохочут.
Даже не улыбаются.
Ни приветливо.
Ни снисходительно.
Ни иронически.
Вероятно, они знают
Что-то такое,
Чего не знает человек.
И им не до смеха.

* * *

Нежен сад, да снежен —
Весь и противоречьях,
Снегом подытожен
Счёт опавшей меди,
И в эфире прутья
Чертят буки-веди —
Алфавит прозрачный
Бессловесной речи.

Сколько влажных литер —
Видимо-невидимо!
Кто их производит?
Из какого теста?
На язык приходят
Рифмы «ветер», «Питер»,
Но они, по-видимому,
Из другого текста.

Зачем я слушаю слова?
Зачем произношу?
На них не вырастет трава —
Ей чужд их белый шум,

Лишь только камню-голышу
Словами стлаться влать.
Слова. Зачем я их пишу?
Пленительная власть

Над сердцем, духом и умом,
Над жаркой сворой струн
Летит прельстительный Глагол,
Властитель душ и дум.

Немного фрейдизма

О, как я слушал, ухо приложив,
Не видя ничего, ни мертв, ни жив.
За общим туалетом дверь налево;
Неясный шепот, звуков новизна...
Соседка мне казалась королевой,
А сердце, будто птенчик из гнезда
Упав, ползло дощатыми полами,
А я стоял, внимал ни жив, ни мертв
Чему-то важному, что не прочесть в романе...
Вдруг меж десятилетними ногами
Заныло слаще, чем бисквитный торт...

Но тут раздался сзади голос мамы...

* * *

Поколение обреченных

А. Галич

Поколение не спасенных,
Но и не обреченных уже,
Мы росли среди речей казенных,
Старых книг, и газетных клише.

Гнуло нас характерное имя,
Смуглость кожи и глаз чернота,
Мы читали про греков и римлян,
Нам претила лубочность Христа.

Мы возили набитые сумки
До Голутвина и Дубны —
Инвалиды по пятому пункту,
Ветераны холодной войны,

А с друзьями-отказниками
В вечных спорах про «русский дух»
Находила коса на камень,
И летели перья да пух.

.

Пусть семейство сопит спокойно
За дверьми из папье-маше,
Те часы из времен застойных
Выступают на карандаше.
Из одолженных до получки,
И с получки отданных лет
Льёт пропитанный ложью липучей,
Но живой и радостный свет.

Десять строк про десять лет

С. и С.

Мудрый мемуарист, что лелеет свою ностальгию,
Вспоминает родные барханы косые, нагие,
Он грустит: «Вот уже десять лет, как я из дому вышел.
Я живу между полом и небом, меж почвой и крышей».

Помнишь ветреный день, марши майские
над горсоветом?

Или это, наверно, кричит муэдзин с минарета?

Десять лет среди врагов и друзей,
без вранья транспарантов.

Десять лет среди родных и людей,
что считают тебя оккупантом.

Десять лет непростых, но без сала чужого корыта —
Разве это не лучшие годы из тех, что прожиты?

Новый 2000-й год

Девятки ощущают слабинку.
Пружину до отказа натянув,
Им на пределе продержаться б до зари.
Под прессом двадцати веков прогресса
Вал повернется. На девятку место
Нули всплывут наверх, как пузыри.

Один день Льва Владимировича

Перемещен из Северной и Новой
Пальмиры и Голландии, живу
здесь нелюдимо в Северной и Новой
Америке и Англии. Жую
из тостера изъятый хлеб изгнания
и ежеутренне взбираюсь по крутым
ступеням белокаменного здания,
где пробавляюсь языком родным.
Развешиваю уши. Каждый звук
калечит мой язык или позорит.

Когда состарюсь, я на старый юг
уюду, если пенсия позволит.
У моря над тарелкой макарон
дней скоротать остаток по-латински,
слезою увлажняя окоем,
как Бродский, как, скорее, Баратынский.
Когда последний покидал Марсель,
как пар пыхтел и как пилаась марсала,
как провожала пылкая мамзель,
как мысль плясала, как перо писало,
как в стих вливался моря мерный шум,
как в нем синела дальняя дорога,
как не входило в восхищенный ум,
как оставалось жить уже немного.

Однако, что зевать по сторонам.
Передо мною сочинений горка.
«Тургенев любит написать роман
Отцы с Ребенками». Отлично, Джо, пятерка!
Тургенев любит поглядеть в окно.
Увидеть нив зеленое рядно.
Рысистый бег лошадки тонконогой.
Горячей пыли пленку над дорогой.
Ездок устал, в кабак он завернет.
Не евши, опрокинет там кошушку...

И я в окно — а за окном Вермонт,
соседний штат, закрытый на ремонт,
на долгую весеннюю просушку.
Среди покрытых влагою холмов
каких не понапрягано домов,
какую не увидишь там обитель:
в одной укрылся нелюдимый дед,
он в бороду толстовскую одет
и в сталинский полувоенный китель.
В другой живет поближе к небесам
кто, слова плетя витиевато,
с глубоким пониманьем описал
лирическую жизнь дегенерата.

Задавши студиозусам урок,
берем газету (глупая привычка).
Ага, стишки. Конечно, «уголок»,
«колонка» или, сю-сю-сю, «страничка».
По Сеньке шапка. Сенькин перепрыг
из комсомольцев прямо в богомольцы
свершен. Чем нынче потчуют нас в рыг-
-аловке? Угодно ль гонобольцы?
Всё постненькое, Божии рабы?
Дурные рифмы. Краденые шутки.
Накушались. Спасибо. Как бобы
шевелиются холодные в желудке.

Смеркается. Пора домой. Журнал
московский, что ли, взять как веронал.
Там олух размечтался о былом,
когда ходили наши напролом
и сокрушали нечисть помелом,
а эмигранта отдаленный предок
деревню одарял полуведром.
Крути, как хочешь, русский палиндром
барин и раб, читай хоть так, хоть этак,
не может раб существовать без бар.
Сегодня стороной обходим бар.

Там хорошо. Там стелется, слоист,
сигарный дым. Но там сидит славист.
Опасно. До того опять допыюсь,
что перед ним начну метать свой бисер
и от коллеги я опять добыюсь,
чтоб он опять в ответ мне пошлость высер:
«Ирония не нужно казаку,
you sure could do with some domestication,¹
недаром в вашем русском языке
такого слова нет – sophistication».²

Есть слово «истина». Есть слово «воля».
Есть из трех букв – «уют». И «хамство» есть.
Как хорошо в ночи без алкоголя
слова, что невозможно перевести,
бредя, пространству бормотать пустому.
На слове «падио» мы подходим к дому.

Дверь за собой плотней прикрыть, дабы
в дом не прокрались духи перекрестков.
В разношенные шлепанцы стопы
вставляй, поэт, пять скрюченных отростков.
Еще проверь цепочку на двери.
Приветом обменяйся с Пенелопой.
Вздыхни. В глубины логова прошлепай.
И свет включи. И вздрогни. И замри:

...А это что еще такое?

А это – зеркало, такое стеклецо,
чтоб увидеть со щеткой за щекою
судьбы перемещенное лицо.

¹ “You sure could do with some domestication” – «уж вам бы пошло на пользу малость дрессировки».

² Sophistication – очень приблизительно: «изысканность».

Путешествие. 4. У женеvского часовщика.

С. Маркишу

В Женеве важной, нет, в Женеве нежной,
в Швейцарии вальяжной и смешной,
в Швейцарии со всей Европой смежной,
в Женеве вежливой, в Швейцарии с мощной,
набитой золотом, коровами, горами,
пластами сыра с каплями росы,
агентами разведок, шулерами,
я вдруг решил: «куплю себе часы».

Голпа бурлила. Шла перевербовка
сотрудников КЦГРБУ.

Но все разведки я видал в гробу.
Мне бы узнать, какие здесь — штамповка,
какие — на рубиновых камнях,
водоупорные и в кожаных ремнях.

Вдруг слышу из-под щеточки усов
печальный голос местного еврея:
«Ах, сударь, всё, что нужно от часов,
чтоб тикали и говорили время».

«Чтоб тикали и говорили время...
Послушайте, вы это о стихах?»
«Нет, о часах, наручных и карманных...»
«Нет, это о стихах и о романах,
о лирике и прочих пустяках.»

* *
* *

Где воздух «розоват от черепицы»,
где львы крылаты, между тем как птицы
предпочитают по брусчатке пьядцы,
как немцы иль японцы, выступать;
где кошки могут плавать, стены плакать,

где солнце, золота с утра наляпать
успев и окунув в лагуну локоть
луча, решает, что пора купать, —
ты там застрял, остался, растворился,
перед кофейней в кресле развалился
и затынулся, замер, раздвоился,
уплыл колечком дыма, и — вообще
поди поймай, когда ты там повсюду —
то звонко тронешь чайную посуду
церквей, то ветром пробежишь по саду,
невозвращенец, человек в плаще,
зека в побеге, выход в зазеркалье
нашел — пускай хватаются за кольца, —
исчез на перекрестке параллелей,
не оставляя на воде следа,
там обернулся ты буксиром утлым,
туч перламутром над каналом мутным,
кофейным запахом воскресным утром,
где воскресенье завтра и всегда.

Нет

Вы русский? Нет, я вирус СПИДа,
как чашка жизнь моя разбита,
я пьянь на выходных ролях,
я просто вырос в тех краях.
Вы Лосев? Нет, скорее Лифшиц,
мудак, влюблявшийся в отличниц,
в очаровательных зануд
с чернильным пятнышком вот тут.
Вы человек? Нет, я осколок,
голландской печки черепок —
запруда, мельница, проселок...
а что там дальше, знает Бог.

Девушка мыслям своим улыбнулась,
И посветлело в трамвайном вагоне.
Вдруг показалось, что время вернулось
Снова за синею птицей в погоне.
Я улыбался в вагоне трамвая,
Эти слова для стихов подбирая.

Мы с тобой на такой высоте
Над простым человеческим счастьем,
Что проблемы у нас здесь не те —
Задохнуться здесь можно от страсти.

Мы с тобой на такой высоте —
Ни законов здесь нет, и ни судей.
Беззастенчиво счастливы тем,
Что наш каждый порыв безрассуден.

А когда упадем с высоты,
Нам никто не подстелит соломки —
Представляешь, какой красоты
Будут наши валяться обломки!

8 марта

Валялись вещи в беспорядке.
В окне весенний лес темнел.
В далекой выращенный грядке
Тюльпан в пустой бутылке пел.

Тюльпан бессовестно был ал
На фоне снег отрясших сосен
И нам, усталым, обещал
Все, что мы только ни попросим.

* * *

Гул затих. Я вышел на подмостки.

Б. Пастернак

Хоть я устал, но надо досмотреть
Себя в поставленном Создателем спектакле.
Прошло две трети, и осталась треть,
И надо досмотреть: себя сыграю так ли?

И надо доиграть свою мне роль,
И надо оценить стиль исполненья.
Но входит в эту роль и сердца боль,
И просто неуёмное волнение.

Не выходить бы больше на подмостки,
Побывать бы среди зрителей в толпе,
Но режиссер ко мне подходит жесткий,
На сцену гонит, плакал чтоб, и пел.

И я, усталый и безвольный,
Талантливо свою играю роль,
Но мне сегодня очень больно,
И пишутся стихи про боль.

...И это тоже входит в роль.

* * *

Поезд Жизни до станции Смерти,
И нельзя выходить по пути.
Если выкинуть эту записку в конверте,
Может быть, её смогут найти.
Хорошо. Еду в мягком вагоне я.
Вдруг гудок паровоза запел.
Вход в туннель означает агонию.
Дописал. Запечатал. Успел.

* * *

Поедем в глушь, где нет газет.
Давно разъехались соседи.
Так пусто там пока нас нет.
Давай, вдвоем туда поедem.

Поедем в глушь, где нет кино,
Где не включают телевизор.
Но есть условие одно:
Нужна любовь — въездная виза.

Поедем в глушь, где нет дорог,
Но и пешком дойти легко нам.
Высокий в горницу порог.
Хозяев умерших икона.

Поедем в глушь, где нет часов,
А только смена дня и ночи.
Там эхо наших голосов
И несколько чудесных строчек.

Поедем в глушь! Скажи, что да!
Бежим из городского ада.
Я быстро соберусь тогда.
Вещей с собой немного надо.

Поедем в глушь... Гляжу в глаза.
Я всё, что мог, тебе сказал.

* * *

Я не ругаю жизнь мою:
Её прошёл от А до Ю,
Но не достиг кончины я —
Осталось жить от Ю до Я.

Моим девочкам

Тонкий серпик месяца
Смотрит к нам в окно —
Спрятался за тучу,
И теперь темно.

Тихо в детской комнате,
Лампы не горят.
Уложила мамочка
Спать своих девчат.

Призрачны и сказочны
Тени на стене.
Улыбнитесь, девочки,
Радуйтесь во сне.

Пусть легки и счастливы
Будут ваши сны.
Тонкий серпик месяца —
Как сынок луны.

* * *

— Чем пахнет мамочка, ты знаешь? —
Спросила дочка поутру.
— Наверно, мамочкой, родная!
Дай поцелую, разберусь. —
И, погрузившись в дорогое,
И чуть прикрыв на миг глаза:
— Что пахнет мамочка любовью,
Тебе хотела я сказать!

Колыбельная

Спи, моя малышка,
Все уснули книжки,
Задремали все цветы.
Спи и ты.

Две вороны на суку
Рядом спят и ни гу-гу.
И не шепчутся кусты.
Спи и ты.

Месяц заглянул в окно,
Видит — в комнате темно,
Спят у фикуса листья.
Спи и ты.

Ветер шепчет: «Тише! Тише!»
Облака плывут всё выше.
Звезды смотрят с высоты,
Спишь ли ты?

Тени веток на окне.
Улыбнулась ты во сне.
Видишь, как цветут сады?
Спишь ли ты?

Я люблю тебя, малыш!
В снах своих меня услышь.
Пусть исполнятся мечты!
Спишь ли ты?

Вечер на берегу океана

Многоцветные змеи
рвутся к мрачному небу,
отражённому в сером
бесконечном пространстве,
что дугой огибает
жалкий суши клочок.
На мгновенье почудилось,
что я в центре окружности,
в перекрестье диаметров —
на вышке спасателей...
Но, услышав насмешку
в шипенье прибоя,
посмеялась тихонько
я сама над собой,
понимая ничтожность
своих притязаний,
сознавая величие
мироздания.

Когда закончил Бог свою работу,
Слепив из глины первочеловека,
Остался у него в руках комочек,
Довесок, лишнее, а бросить жалко.
Спросил Создатель, чтобы проявить заботу:
— Что сделать для тебя еще могу я? —
— Слепи мне счастья вечного кусок! —
И взял Творец тогда комочек глины,
Помял его в руках неторопливо,
И, улыбнувшись грустно, отвечал:
— А это даже Богу неподвластно,
Пусть своё счастье каждый лепит сам.

В дороге

Как жалобщик в кочующем рыдване,
Ворочаюсь на верхнем боковом,
Калачиком свернувшись и рыданье
Линялым прикрывая рукавом.
Едва улягусь — снова тянет в тамбур:
Выкуривать хандру на пяточке,
Где тамбуринами бряцает табор,
И вспыхивают звезды на смычке.
В колесной свистопляске несусветной,
В чудной разноголосице дорог
Мне различим псалом ветхозаветный,
И оттого мне дорог каждый слог.
Спит проводница. Нет бумаги писчей,
Одни салфетки... И — не оскудей
Фонарный свет — я вас иной бы пищей
Попотчевал на мягком лоскуте.
Случайные попутчики, не ввергнем
В изгнаничество больше никого!
На боковом, я повторяю, верхнем
Прописан я с печалью вековой.
Визг тормозов. Перрона панцирь клетчат,
Расчерчен чемоданной беготней.
Две стационарных яблони лепечут
На языке праматери одной.
Шов занавески на щеке оттисну,
К стеклу прильнув на вечных полчаса,
Разглядывая дальнюю отчизну —
Грустящие по сыну небеса.

Аутсайдер

По вечерам гонять чай,
Иль с бритой наголо актриской
Крутить роман в ЦДРИ —

Цивилизацией бактрийской
Мозги ей пудря? – Лучше рыскай
Среди базарной толчеи.

Пить «ерш» писательского клуба,
Где Казанова, острослов,
Трактат об удвоенье куба,
Энциклопедию сыров
На средства министерш готов
Издать весомо, зримо, грубо;

И где, отбившийся от рук,
В кругу пиитов-недоучек
Глаголет истину бирюк,
Сипя: «Еще сто грамм, поручик!
И цыц! Меж нас – шиит-лазутчик!» –
Нет, лучше пей среди ворюг.

Отправься на Тишинский рынок,
За цены горца не жури,
Купи лукошко мандаринок –
И очищай от кожуры:
Существованье вне игры,
Вне поединков и разминок.

В двуцветных майках игроки
Пронесются по солнцепеку.
Но стиснуты твои виски
Свистком судьи, звонком к уроку...
Плетешься, бормоча: «Что проку?» –
И натываясь на лотки.

Есть нипель в каждом апельсине,
И в каждом яблоке – фитиль.
Одной лишь музыке отныне
Дано возвысить мыслей штиль!..
...Потертый мяч, глотая пыль,
Ты вдоль штрафных гоняешь линий.

Омываю зарей благостынные ноги берез...
Золотится берёста от каждого протуберанца.
И когда мне велят из России моей убираться,
Я молю эту чашу, хмельную от выпавших рос,
Навсегда разрешить злополучный еврейский вопрос —
Щебетаньем и шелестом сонной прорешливой сени,
Дождевым разнокрапом, слегка теребящим холмы
В градобойное лето, братаньем сухой бахромы
По краям тиходола... Всем таинством травосплетений.
Всей исконностью прожелти в буйной листве предосенней.

Имя твое произносится «Оушен»
На бронхиальном наречии древнем.
Кончено, ты ничего мне не должен!
Ставь свою подпись торчащим форштевнем.
В том-то и прелесть кораблекрушений,
Что размывает волной закладные.
И не избавится разве лишь гений
От философского камня на вые.
Да, безусловно, Америка — самый
Необитаемый остров на свете!
Пятница носит бородку Осама,
Коврики стелет в прибрежной мечети.
Из судового журнала страница:
Время сквиталось с «Летучим Голландцем»...
Только ль на суше участок столбится?
Только ль цитата свыкается с глянцем?
Что говорить, Перси Биши, нелишним
Было б расчислить глубь Леты заранее...
Жаль одного: диалог со Всевышним
Вряд ли войдет в основное собрание.

Протоиерей Александр Мень

Выпутываясь из судьбы, дурашка,
Плыл по течению жеваный чинарик.
И ввинчивалась лунная дорожка,
Как штопор, в противоположный берег.
И штопала пушистыми стежками
Сребристый сумрак белка-мастерица.
И души наши пребывали в коме,
И след их самый обещал стереться...
Но профиль Твой зороастрийски-острый
Незримо реял, вволю иссатрапясь
Над подданными, дышащими «Астрой»
Вокруг костра в часы угрюмых трапез.
Казнимые «Стрелецкой» как цикуткой,
Мы хор цикад нещадно заглушали
Смиреннейшими мольбами: укутай
Нас, неслухов, подобьем теплой шали,
В меха, о, Щедрый, заверни соболями,
Присыпши пухом несказанных крыльев!
Чем суждено согреться нам: собой ли? —
Продрогли мы, от травли обессилев...
И лишь один чуждался, бессловесен,
Тех запоздалых, вымученных песен:
Основу человечности храня,
В животворящих тайнах был он сведущ
И сознавал, что им зажженный светоч —
Сородич негасимого огня.

Дубулты

На электричке в Дубулты —
И полночь назад...
Как прибыл и как убыл ты —
Заметил кто навряд.

Курортный берег пеною
Обшит, как бахромой.
За нимфою степенною
Бредет сморчок хромой.
Дом творчества писателей,
Питомник их, притон,
Гнездо их жен, приятелей,
Приятелей их жен.
А ты лежи, насвистывай,
Коричнев, как метис,
И духом в аметистовой
Атласности мятись.
Но будь готов заранее:
Задует окоем
Твое существование
Столетья сквозняком!

* * *

Юлии Куниной

Страх символов и совпадений —
Не суеверье, не тщета:
Он касты жреческой священной,
Древней аргосского пита.
Врата любви срывая с петель,
Блажит, распатывает впрок
Бесхитростную добродетель
Изобретательный порок.
Нам время видится с изнанки,
Мой бедный Хайдеггер, пока
Роландов разум в лунной склянке
Процеживает облака.
А к песнопеньям и подавно
От века безответна страсть,

И лавровой ухмылкой Дафна
Рапсода норовит проклясть.
Ужели била мимо цели
Картезианская струя,
Схоласта очи — проглядели
Непредрешенность бытия?..

* * *

Каламбурить я с детства привык. Но о странах
Лишь по атласу знал. А сегодня-то, глядь:
Сын — в Голландии, мать и отец — на Голанах...
Ну а сам-то ты где? Остается гадать.
Но гадать надо тоже не с бухты-барухты,
Не на гуце кофейной — по книге «И-Цзин».
Не тревожься: инкогнито в этих морях ты!
Ты — из Минской династии. Съешь мандарин.
Погоди, не сдирай кожуру без разбора:
Старый Свет скovyрнешь ненароком, а там —
Колыбель нашей Торы, да их Тора-Бора,
Да фахверковый, вечно сырой Амстердам!..
Еще в Минске ты родину Наполеона —
Городишко Аяччо — прочел как вопрос:
«А я чо? Я ничо...» Очень скромное лоно
Для кумира, не правда ли, великоросс?
Впрочем, ты россиянин с меньшей натяжкой,
Чем насельник Сиона. Вернее всего —
Апатрид одинокий в депрессии тяжелой
Из эпохи изгнанничества осевой.
В Бонапарты не вышел. Когда-нибудь урну
С твоим прахом подпишет такой же игрун:
«Бурундук бурундийский, бурчавший сумбурно
И в Бургундии пересидевший бурун».

Тётушка Майя за чашечкой чая

Тётушка Майя
у нас деловая:
спешит на свиданья —
ни капли вниманья!
А раньше, бывало,
на чай приглашала.
Нарежет лимончик:
— Пей, Соломончик! —
Чаёк доливала
и до-о-олго вздыхала:
— Еврей без жены,
как утро без солнца
и ночь без луны... —
А как-то сказала:
— Начнём всё сначала.
В Бруклайне, тут близко,
подружка из Минска
имеет красавицу дочь.
Ты б мог, Соломончик, помочь!
Еврей без жены,
как утро без солнца
и ночь без луны... —
Мы с тётушкой Майей
допили чаёк,
и я получил от неё адресок.

Из личного дневника

Добро пожаловать на солнышко, *mon cher*,
В сей мир втащив меня едва ль наполовину,
Мне улыбнулся бородатый акушер
И бессердечно перерезал пуповину.
 В тот самый миг понять мне было не дано,
 Какое счастье, что назад дороги нету.
 Мосты обрезаны, карету мне, карету!
 И вдаль по свету мне отныне суждено.

И эта даль меня манила и звала
Палитрой красок, гаммой запахов и звуков.
Там были горы, песни, встречи и разлуки,
И там единственная женщина была.
 Вопрос вопросов «Быть или не быть»
 Отпал, когда она передо мной предстала,
 Бог весть откуда снизошла или восстала,
 Чтобы меня такого полюбить.

Она рождалась в недрах млечного пути,
Она из бездны океана выплывала.
И всякий раз собою мне являла
Загадку, где отгадки не найти.
 Меж тем летели годы, зимы и зимовья,
 И я, богат врождённым оптимизмом,
 Всё лета ждал с надеждой и любовью,
 И верою в победу коммунизма.

Пускай пророка нет в отечестве своём,
Я и в чужом на эту роль не претендую.
Что толку в том, что дождь идёт, а мы скирдую?
Уж лучше песни петь под выюгу за окном.
 И вот себе я новый идеал воздвиг,
 Иную цель избрал и новый вывел график,
 Сказав о родине: На кой она нам фиг,
 Коль, если честно, мы ей, в общем, тоже на фиг.

Бурлит гормон неостывающий в крови,
Но на богатство и на власть не притязая,
Живу всё чаще в ощущении любви,
А также молодость всё чаще осязая.

И в снах навязчивых всё ярче и сильней
(Уже не мальчик, а мерещится всё то же)
Всплывает женщина, загар густой на ней,
И лишь две белые полосочки на коже.

Басня про козла

Козёл однажды срок тянул
И, бросившись в бега,
Случайно в зеркало взглянул
И увидал рога.
Какой позор, какой скандал!
Огонь в хмельном глазу.
Козёл недолго рассуждал
И обвинил козу.

Дорога к дому пролегла
Как пуля, и — «Ага-а-а,
Ты как, неверная, могла
Наставить мне рога!?»
— Тебе верна, меня уж век
Не доят, не пасут.
Козёл ты, милый, и рога —
Твой главный атрибут.

— Да как ты смеешь мне грубить?
Обиды не прощу!
Готов «рога» тебе забыть,
Но за «козла» взыщу!
Мораль сей басни: Не суди,
Коль вдоволь простоты.
Почаще в зеркало гляди,
А вдруг козёл и ты?

Старичкам Романтикам

Снова море, и в костёр звёзды падают.
Струн гитарных перебор сердце радует.
Сколько времени прошло, много ль, мало ли,
Было ль, не было — взбирались и падали?
 Непривычными дела стали давние,
 Разбросало нас дорогами дальними.
 Круг друзей в квадрате стен не усядется.
 Ладно всё, да только что-то не ладится.

Дремлем в сытости излишней с удобствами,
За колодой карт, за скучными тостами.
Над собой никак победа не сложится,
Только верится: захочется — сможет.
 Горевать да вспоминать — стариков удел.
 Нам ли силы занимать для любимых дел?
 Над несмелостью своей прыснем в бороды,
 Мы ведь молоды ещё, верю — молоды.

Пусть движенья неточны, в этом дело ли?
Сможем сделать, что тогда не доделали.
Разгорись, огонь, сквозь веки опавшие!
Все вершины на земле будут нашими!
 И не надо ничего, кроме малости:
 Веры, мудрости, любви и усталости.
 Да поддержкою в пути атрибутов горсть:
 Наши песни и друзья, наша молодость.

* * *

назначь мне
свиданье
в одну из суббот
что поближе к весне
на одной
из недавно открытых
планет
где не грех ещё
быть счастливой

* * *

я бродила
по миру
в панцире из смеха
в туго зашнурованном
панцире из смеха

но однажды
кто-то
подсмотрел случайно
как глотая воздух
для иных баталий
я
сдирала
панцирь
чтоб
не задохнуться

* *
* *

завтра
встану я пораньше
чтоб с зарёй поцеловаться

попрошу благословенье
у неё
на всякий случай

и желанье загадаю
чтобы случай был
не в с я к и й

Тост

за торжественность
восклицательного
за трепетность
вопросительного
за скромность
запяттой
за краткость
двоеточия
за неуверенность
тире
за неумеренность
многоточия
за неизбежность
точки

Натюрморт с двумя ключами

два ключа
на одном кольце
один
уверенно
открывая мою обитель
— в тысячный раз
мне её открывает

другой
всегда неуверен
— он
от почтового ящика

* * *

я Вас приглашаю на ужин
заметьте
— не на жизнь

я Вам обещаю покой
заметьте
— не блаженство

я усыплю Вашу память
заметьте
— только на вечер

я Вам нагадаю удачу
заметьте
— не бессмертье

я провожу Вас к рассвету
если его замечу

* * *

нам навстречу
воздух взрывался сиренью
и будто обухом по сердцу
— чужих деревьев
белорозовое цветенье
и две тихие улицы
Белвиста и Ланкастер
наперебой
ззывали нас
домиками-дворцами
заглушая жалобы
заблудившейся кошки

*Бостон, день первый,
май 1989*

* * *

нас преследовал топот
разъярённых разлук
и дрожали слова
тишину призывая на помощь
и кровили ладони
отдираясь от леденеющих душ

а на улицах Бостона
солнце всю разыгралось

*Бостон, день последний,
май 1989*

День

раззвонился
вбежал
напомнил
о важном
предложил
себя
в помощь
всю дорогу
сопровождал
немного устал
под конец
ушел не сразу
пообещал
заглянуть
и завтра

* * *

ни одного
из тысячи ответов
желаемых сегодня
я не получила

и всё ж
прекрасен
уходящий
день

Мы в мир приходим голыми, босыми,
И лишь потом мы получаем имя,
Одежду, дом, друзей и мир вокруг,
Порой не зная, кто есть враг, кто — друг.

И мы уходим голыми, босыми,
И остается только наше имя,
И даты две — рождения и смерти,
Да груз тяжелый надмогильной тверди.

И не возьмет никто, уйдя навеки,
Одежду, дом, друзей, моря и реки,
И небеса, и горы, и поля —
Всё, что есть Мир, цветущая Земля.

И только — имя. Имя — остается.
От нас зависит, быстро ли сотрется,
Иль сохранится в памяти людской.

Мы ничего не унесем с собой.

Воздушный змей летит над побережьем.
Прекрасен он, но раненою птицей,
Внезапно вздрогнув, рухнул камнем вниз.
Не так ли мы, подчас полны надежды,
Куда-то вверх не устаем стремиться,
И падаем, как ветром сбитый лист.

Закат

Садилось солнце. Пламя разливалось
Средь изумрудно-голубых озер.
И облака, как в отблеске пожариц,
Сияли, как чарующий ковер.

Средь тех озер, раскинутых по небу,
Малиновые сполохи зажглись.
Порой они нужны, как ломтик хлеба,
Без них скучнее и мрачнее жизнь.

И вот закат малиновый темнеет,
О чем-то тихо шепчется волна,
И мне дороже, ближе и роднее
Вот эта неродная сторона!

Маскарад

Ты обменял свет маяка
на ворох фантиков на бале бытия.
Ты променял волшебный дар
на конфетти и серпантин.
Смеется мерзкий Арлекин:
— Прости чужак, ты не один
такой в толпе, вся жизнь твоя
в игре и грезах о судьбе.
Иди же в зал, играй.
Заждались маски, публика и дамы.
Хлопушки хлопнули,
и серпантин летит и падает у ног,
Его виток, как будто лавровый венок,
ложится веером у ног. —
Смеется старый Арлекин:
— Ты не один такой герой,
мы все покрыты чешуей
из конфетти. —
Смеется звонко Арлекин:
— Иди же в зал, иди, иди.
Тирли-тирли. Ха-ха. —
А за окном бушует дождь:
и шепчет на ухо: «Не трожь,
того что было — не вернешь...»
И плачут мертвые глаза,
и на щеке дрожит слеза.
И маски поняли: пора,
уже окончена игра,
и только фантик на столе
напоминает о тебе,
об Арлекине и судьбе.
Тирли-тирли. Ха-ха.

Муза

Куда ушла Муза? Не знаю...
Может быть к Моцарту?
А может и к Моргану-финансисту...
Муза ушла. Что осталось?
Сонеты. Листки...
Пожелтевшие ноты...
Обрывки аккордов,
Отзвеневшие струны...
Муза ушла. И смычок дирижера
Застыл бездыханно в ожидании оркестра.
Муза ушла, и бесстрастно мгновенья
Сменяют минуты на вокзальных часах,
Разрывая разрозненным ритмом
Дни, Столетия и Судьбы.

Бусы

Ларчик раскрыт,
И рассыпаны бусы сомнений.
Катятся по сердцу,
Сыплются в щели
Душевных карманов,
Где оседают меж строчек стихов
И прочитанных в прошлом романов.
Глянула в ларчик:
Ни цепочек в нем,
Ни колец, ни других украшений.
Все что лежало на дне —
Черные бусы, темная нить
Промелькнувших сомнений.

из Редьярда Киплинга

Если бы...

О, если бы ты мог хранить покой душевный,
Когда волнение вокруг и ропот откровенный,
И верить сам в себя, когда тебя бранят
И в горестях своих тебя винят.

О, если б ты мог ждать и ждать, не уставая,
Наветам злым внимания не уделяя,
И ненависть к себе не замечать,
И добрым быть, хоть в людях понимать.

И если б мог мечтать, мечтам не поддаваясь,
И мыслить, мыслями лишь развлекаясь,
И равно лезть и поношение встречать,
Но истину от фальши отличать.

И жить, не тратя время даром,
Секунды и минуты наполняя жаром,
Тогда, я верю, был бы ты хозяином вселенной,
И человеком был бы необыкновенным.

Разрыв

1

кто виноват? кто виновата? — жизнь;
и нет вины, и есть вина, есть боль.
сгусток равнопричастности к Богу...
гвоздик вбитый в душу голубым ветром,
шарик воздушный уносящий небо
вверх. так будет лучше нам обоим
потому, что история любви без любви — море боли,
не переплыть которое ни тебе ни мне.
я ушел, оставив на гвоздике записку о разбитой любви
настоящей, человеческой, сложной,
как сама жизнь, похожая на улетающий шарик.

2

я ушел. мои и твои отношения
вели никуда. наши дни были мост в тупик,
мостовая каменных слов: обожаю я,
люблю я, милый, поцелуй меня, обними
крепче, без тебя не могу, о сильнее, глубже!
не уходи ты, боюсь потерять тебя я,
не хочу, котеночек, лучше разъехаться,
ты не мог бы помочь заплатить за квартиру?
не забыл ли ты шарф, теплую куртку, книги?
ты мне не сделал больно, в квартире холодно,
не возражаешь если укурюсь твоим пуховым одеялом?
желаю удачи. жалко, что ты меня не понял.
я не любила тебя. мне было с тобой хорошо,
я делилась теплом. холодно. кажется так,
декабрь не заносит снегом конец любви...
с чем бы ее сравнить? с яблоком красным,
холодящим зубы сладким грехом человеческого счастья,
легким ощущением ненужности, боли и испытания.
всё ты съела из моей души, и кочанчик и попку.

3

ты из меня,
 как из глины,
сделала человека,
 и немного — мужчину.

я — из твоего ребра
 и сердца —
кусочек времени,
 как семечко мака.

теперь, я и ты —
 общее в памяти расставания.
ты и я, теперь
 и впредь расстояния ты и я.

Из цикла «Песни Иова»

1

кричи «кричу!», молчи «молчу!», проси свечу задуть
свечу, кряхти в смешок, одень мешок, как шут — колпак
— судьбы урок:

ты — на голову, на сердце, наперекор судьбе: в душе я
тати вор! сместишь украденную смесь, трагикодеянную
спесь.

комедиянством не молю задуть во мне свечи свечу. дай
сил, дай веру, в жменю — соль, мозгам — играющую боль,
 для зрителя — другую роль.

зачем поставил ты меня на доску шахматных ночей,
взрыхлил сомнением постель, поставил стражу под
окно, разлил морями строк вино? зачем противником
себе я ставлю мат в ночном окне и различаю смех в
игре?

 «ищи меня! я здесь! я там!
 я выживу, как таракан.»

Пройдут года, забудутся грехи,
Обиды, и никто в столетьи новом
Ни жизнь мою, ни имя, ни стихи
Не вспомнит ни плохим, ни добрым словом.

Лишь критик, чтобы скрасить свой досуг,
Прочтёт стихи из старого блокнота.
– Кто автор этих творческих потуг? –
Воскликнет, – Вроде, ничего работа.

Ни к рифме, ни к строке претензий нет.
Все главные эмоции воспеты...
Хотя, кто в наше время не поэт?
Все, как один, заделались в поэты.

Растёт бездарных гениев поток.
И ты туда же... как тебя... Марина! –
И бросит нервно скомканный листок
В заполненную мусором корзину.

Но ежели найдётся человек –
Всего один, мне больше и не надо –
Что вытрет слёзы с покрасневших век,
Пройдясь по строчкам любопытным взглядом,

И спросит: – Кто ты, автор, что решил,
Найдя в себе терпенье и отвагу,
Собрать всю грязь и чистоту души
И выплеснуть на белую бумагу? –

Тогда, всем пересудам вопреки,
Мне станет вдруг до боли в сердце ясно,
Что ни одной за жизнь свою строки
Я не произвела на свет напрасно.

Я – скорпион. За все грехи мои,
Что Бог предвидел я свершу, в возмездье
Я родилась в холодный год змеи
Под самым роковым из всех созвездьем.

Сквозил ноябрь. Лил дождь. Земля уже
В предчувствии зимы лежала в коме.
Росла я на четвёртом этаже,
В кирпичном девятиэтажном доме.

И пусть уютен был мой скромный кров
С окном на юг и яблоневым садом,
Из года в год мои душа и кровь
Неумолимо наполнялись ядом.

За ангельской улыбкою подчас
Скрывая жало и шипенья звуки,
Я превращалась в ту, кто я сейчас:
В прелестницу – с повадками гадюки.

Люби, блаженствуй, – но не забывай
Через плечо порою оглянуться;
В моих объятьях мирно засыпай,
Не ведая, что можешь не проснуться.

Нет, я не стану причинять вреда,
Таить обиды, мстить врагам отдельным,
Я не разочарую, не предаю, –
Укус мой будет быстрым, но смертельным.

Я оставляю скользкие следы,
Мне чужды жалость, люди, и законы:
В камнях, где нет ни солнца, ни воды,
Живут и умирают скорпионы.

Но пусть за годы я вошла во вкус
И свыклась со своей жестокой ролью,

Любой мой выпад, каждый мой укус
В моём же теле отдаётся болью.

И если, оступившись на краю,
Пойму что жизнь меня за горло сжала,
Безропотно сама себя убью
Своим же для врагов смертельным жалом.

* * *

В. З.

Жерло бутылки струею некроткой
плещет. Попробуй — налей.
Ветер осеннею косовороткой
Давит на пестики шей.

Нам бы сейчас по кафе да парадным
С килькой жевать бутерброд,
Да наслаждаться дыханием смрадным,
Только вот возраст — не тот.

Нашим цветам в застекленном пространстве
Трудно придется цвести —
Нет откровения в вегетарианстве
И в постоянстве, прости.

В городе зябко. Белеет пороша,
Черен каток-тротуар,
И разложил идиот-книгоноша
Свой залежалый товар.

Там на проспекте купцы да поэты,
Нас не полюбит никто,
Быстро сорви да упрячь эполеты
В мягкие складки пальто.

Листьев обрывки, мурашки по коже,
Спирт разъедает гортань,
И привязался случайный прохожий, —
Хватит вязаться, отстань.

Портрет

Немного приосанься. Рассуди,
Не всё ж тебе по папертям цыганить,
Ты лучше призови да приведи
Свою, уже изъеденную, память.

Ты начинал с веселых антраша,
А спал тревожно. Дергался и слышал,
Как листик, перепонками шурша,
Сползал тихонько по соседской крыше.

Ты так хотел достать его рукой,
Но нужно быть у дальнего залива,
«Не суждено! До встречи! Бог с тобой!»,
И отпраплялся в путь неторопливо

Ловил ты ускользящих угрей,
Орудя тяжелыми сетями,
И с каждым разом был твой путь трудней,
Уложенный и плотью и хрящами,

И поздней ночью приходя назад,
С мешком добычи скользкой и холодной,
Ты знал, что ждет тебя твой сводный брат —
Сухой и перепончато-бесплотный.

Так призови же память-вертопрах,
Меж нами слой стекла и амальгамы...
На раме ржа, палитра вся в слезах,
И на холсте — зияющие ямы.

Ты надеваешь маску пчеловода,
Скрываясь за святым церковным сводом,
Мгновенно погружаясь в полумглу.
Следишь, чтоб насекомое не смело
Вонзать в твое измученное тело
Свою остроконечную иглу.

Ты надеваешь маску пчеловода,
И всё вокруг тотчас же пахнет медом,
Вощиною, люцерной и пергой,
Медовый пряник не с хлебозавода,
Медовый квас не в ресторанных сводах
И, наконец, прополиса настой.

Ты надеваешь маску пчеловода,
И вот она — желанная свобода,
Ты догонял ее десятки лет.
Как инженер, конструктор, пролетарий,
Чиновникам имперских канцелярий
Платя за газ, за крышу и за свет.

Ты восседаешь в маске пчеловода.
(Что там вокруг? жара или непогода?)
Не видишь ни дождя, ни суеты,
А я сижу напротив и рисую,
И в бороду косматую не дую —
Вокруг тебя лишь пчелки да цветы.

И ты срываешь маску пчеловода,
Хоть город пострашнее огорода.
Всю злобу мира вылив на себя,
По простыне дороги растекаясь,
Бежишь от неизбежности, как заяц,
На перекрестках в дудочку трубя.

Ночь безлунная дело знает,
Спит, пока не взошла луна,
Только мы, пустотой хворая,
Одинок лежим без сна.

Ночь безлунная, ночь без смысла,
Нам виски холодит ментол,
Голова как пустая миска,
А живот — как пустой котел.

Нам глаза разъедает порох
Под заманчивый шорох штор.
Отодвинься, прыщавый отрок, —
Здесь серьезнее разговор.

Мы пинком открываем двери,
Мы кивком отдаем приказ,
Мы одетыми спим, проверив —
Ум за разум, за око — глаз.

Все, что нам присудили помнить,
Забываем. И с каждым днем
Все жирнее и гуще копоть
На оконном стекле моём.

Что ж осталось от прежней жизни
В одиноком безлунном сне?
Тихо тикают механизмы
В школьных партах,
В продленном дне.

Что ж осталось? Поселок дачный,
Драбаданы да бодуны,
Да безумный оскал табачный
Рассыпающейся страны.

Я и в самом деле кровожаден,
Как две сотни бешеных собак.
Коль заклада нет, побьюсь о складень,
Что друзей распродал за пятак,

Что прорвал подошву на ботинке,
Проходя по городу пешком,
Что вчера кровавые простынки
Посыпал стиральным порошком.

Белые дотошные энзимы
Проникали в крашеную ткань,
Поднимались тучей комариной,
Разъеда я небо и гортань,

Разрушали кровь моей любимой,
Истеричной, ветреной жены.
Белые последние энзимы —
Признак окончания зимы!

Узкая коричневая речка
Обмелела. Можно полоскать.
И горит малиновая свечка:
Течка. Плодородье. Благодать!

Конец стихов

Стихи за стихами.
Вселенной осколки,
Стихи — пуритане,
Стихи — кривотолки,
Затычки — стихи,
И стихи — колотушки,
Бетонные глыбы,
Морские ракушки,

Шутихи – стихи,
 Что взлетают ночами
Над синим причалом
 Не зная печали,
Стихи бесконечной
 Ненужности слова
Маркиза де Сада
 И графа Толстого,
Стихи неизбежной
 Сановности быта –
Стихи – лизоблоды,
 Стихи – неофиты,
Стихи, чтоб напиться
 И чтоб уколоться,
Стихи, чтоб копытце
 Поднять из болотца,
(Поднять и напиться
 Воды темно-серой
И двинуться дальше
 Походкой несмелой)
Они расплывутся,
 Как желтые пятна,
Они никогда
 Не вернутся обратно,
И звездным путем,
 По мерцающей влаге,
Уйдут кораблями
 Ненужной бумаги.

* *
* *

Л.С.

Любой твой праздник мне дороже
Всех дней рождения и дат,
И в годы когда был моложе,
Была ты лучше всех наград.

Судьба нас встречей наделила,
Ты — дом родной, ты — мой причал,
Моя любовь и жизни сила!
Как долго я тебя искал!

Ещё любовь моя, быть может,
Мой срок забвенья избежит.
Одно, одно меня тревожит:
За годом год бежит, бежит...

Живи любимая сто лет!
Не ангел я, совсем не свят...
Чтоб защитить тебя от бед
Я проживу... сто пятьдесят!

Случалось вам лежать в больнице,
Когда на улице весна,
Когда на окнах и на лицах
Улыбка бледная видна?
А мы навстречу настежь окна
И души открывали ей.
Весна скакала ясноока
По почкам верб и тополей.
Казалось, что на целом свете
Её потоку нет преград,
И мы глотали вольный ветер
У подоконников палат.
Тогда я понял, что больные
Наверно чувствуют острее
Зимы ладони ледяные
И ласку первых теплых дней.

Весна

Весной — далеких птиц прилет,
Весною — пробужденье почек...
Весна свой робкий голосочек,
Как ноты первые берет.
Еще едва видна окрест:
В шагах неловких, дробных стуках,
Но нарастаньем чистых звуков
Уже вступил ее оркестр.

Колкий снег

Колкий снег и слякоть улицы —
Ни черно и ни бело.
В сумерках холодных хмурится
Неба серое крыло.

Позвоню рукой продрогшею,
Боль и холод через край.
Отогрей меня, хорошая,
Отогрей и приласкай.

И усталость растворяется,
И становится светло,
Тихо-тихо возвращается,
Возвращается тепло.

Так спешу, спасаясь, броситься —
Ты на зов мой отвори —
От тоски и одиночества
В руки нежные твои...

Дети и чайки

В океане вода ледяная —
Ведь лето ещё не настало,
А дети, того не зная,
В воде, как ни в чём не бывало.

А рядом с ними чайки
Смотрят на воду голодно.
Попробуй, поди, узнай-ка,
Почему им совсем не холодно?

Рядом они не случайно:
Улететь куда-то норовятся.
Чайки уже летают,
А дети только готовятся.

Кукушка

Если рано, спозаранку
Вам кукушка шлёт привет —
Нагадает, как цыганка,
Сколько жить осталось лет.

Я считал и наслаждался:
Как далеко заехала,
Но напрасно восхищался—
Счёт двойной был из-за эха.

Чёрная краска

Чёрная краска... Как чёрная маска —
Вечность и холод в глазах...

Чёрная краска... Как ведьмина ласка —
Стылая морось и страх...

Чёрная краска... течёт по оврагам
В мрачной и мёртвой тиши...

Чёрна краска... Перо и бумага —
Брось! Позабудь! Не пиши!

Куренёвка

Деревянный киевский трамвай,
Площадь Петропавловская, гай,
Сохлый дуб, бельевая верёвка,
Насыпь, шпалы, рельсы...
Куренёвка!

Клекот голубинный, вороньё,
Горка дров и мокрое бельё,
Подорожник, да божья коровка,
Чорнобривцы, осы...
Куренёвка!

.

Гаснут закаты, седеют века,
Стынет Сырец, усыхает река,
Мрачная тень опустилась на двор...
И слёзно, и грустно, —
И так — до сих пор...

Вечер

Вечер утомлённо дышит,
Затихает. И тогда —
Над соседской сизой крышей
Появляется Звезда...

— Ну, привет, — шепчу навстречу,
И робею, как всегда, —
Будь моею в этот вечер
Собеседницей, Звезда!

Расскажу тебе, как годы
Убегают как вода,
Как люблю я непогоды —
Ты поймёшь меня, Звезда...

Я в грехах своих покаюсь
Откровенно. Не беда,
Что в любви я задыхаюсь, —
Разве это грех, Звезда?!

Жизнь — железная дорога:
Полустанки, поезда...
До любимого порога
Ты домчи меня, Звезда!

.

Я когда-то стану лишним
На планете. Никогда
Над соседской скорбной крышей
Не взойдёт моя Звезда...

Расплата

За мяч тряпичный брошенный в кусты,
За «велик» с изувеченною рамой,
За «читанку»¹ особой красоты,
За недоигранные гаммы,
За брызги памяти: за талую свечу —
Плачú!..

За море грустное, и океан,
За солнца теплоту, и страстный ветер,
За боль и радость, правду и обман,
За гибельный табак в кисете,
За брызги памяти: за талую свечу —
Плачú!..

Плачú за годы, прожитые впрок,
За путь и шишки — за крутой урок!
Мой возраст — срок, рубеж и дата...
Мой запредел. Моя расплата...

¹ *Читанка* — букварь (укр.)

Живой огонек

Памятник песне

Афн припечек брент а файерл...
(Горит на припечке огонек, *идиш*)

Давным-давно, сто лет назад,
В местечке, каждый вечер
Старик раввин учил ребят
Азам еврейской речи.

И кто-то песенку сложил,
Слов в песне было мало,
Но столько он души вложил,
Что вечной песня стала.

Старик разжег живой огонь
В припечке русской печи,
И светит, греет тот огонь,
И в радость с песней встречи.

Из стихов для детей

* *
* *

Вове бросил мячик я,
А попал в окно.
Все-таки непрочное
Делают стекло.

* *
* *

Когда берусь я за конфету,
Врача зубного вспоминаю,
И как мне поступить при этом,
Совсем себе не представляю.

Ревность

Я опоздал. Другому все блага —
И нежность губ, и радость обладанья,
А мне лишь горечь лютого терзанья
И гнева черно-злые облака.

Он неопрятен, сер, до отвращенья скуп.
Как нищий, он молил твоей любви и ласки.
И вот дождался воплощенья сказки —
Не я, а он вкусил благоуханье губ.

Что из того, что я его умней!
Я опоздал, и приговор свершился.
Не я, а он любви твоей добился.
И лес укрыл вас средь своих ветвей.

О, горечь ревности, оставь, оставь меня!
Неправедный мой гнев — подобие кинжала
И острый мой язык, что колет словно жало —
Напрасно всё, не потушить сердечного огня.

Каслинский Чугун

На плечи благородного идальго
Ложится надоедливая пыль.
Она уже покрыла шлем и книгу,
Которую читал он много лет
Не изменяя благородной позы.
Пыль падает, как рок неотвратимо,
И наряжает всё в унылый серый цвет.
Унылый цвет... Цвет тишины
Иль, может быть, точнее —
Цвет времени, ушедшего навеки,
Покинувшего нас навеки. Навсегда.

Анатолий Третьяков

из Джона Китса, 1795-1821

О славе

О, слава! Прихотливая кокотка,
Она подчас лишь к тем благоволит,
Кто спесь её улещивает кротко,
Иль на коленях перед ней стоит.

Она цыганка – с тем лишь говорит,
Кто щедро ручку ей позолотит
(И прошептать сей дамы имя всуе
Никто из смертных даже не рискует).

Коварна, как супруга фараона,
Что не сумевши соблазнить раба,
Назвавшись жертвою (мол, женщина слаба!)
Нашла защиту от «насилия» у трона.

Поэт тщеславный иль художник рад
Отдать пол-жизни за её случайный взгляд.

Но если вдруг понравишься ты ей –
То осчастливит милостью своей.

из Данте Габриеля Россетти, 1828-1882

Воскресение

Я знаю, что я здесь бывал,
Но вот когда – увы! – не помню.
Я узнаю порог, портал,
Прибоя шум и пенный вал,
И этот запах так знаком мне,
Я не ошибся. Он знаком мне...
Я здесь бывал, я здесь бывал...

Я вижу — ты была со мной,
Но вот когда, не помню точно:
Вчера, недавно, иль давно.
Но отзвук счастья всё равно
Таится в памяти бессрочно...
И наяву или во сне
Ты возвращаешься ко мне...

Я знаю — будет так всегда,
Что наши жизни и любовь,
Как утром яркая звезда,
Погаснув, к ночи вспыхнет вновь.
И если будет так всегда —
То не умрём мы никогда...

из Алана Сигера, 1888-1916

Мне Смерть назначила свиданье

Я тороплюсь, друзья, спешу,
Мне Смерть назначила свиданье
За минным полем, там, в лесу,
Под расщеплённою сосною,
Где пахнет раннею весною,
Где я судьбу свою решу...
Мне Смерть назначила свиданье.
Она не терпит опоздания.

Когда Она к щеке приложит
Свои холодные уста,
То сердце кровь уж гнать не сможет,
Дыханье прекратится тоже,
И я умолкну навсегда.

Со Смертью встретиться готов
У разбомблённого холма,
Где спят убитые мужчины,

Где первых луговых цветов
Парит медовый аромат,
Вплетаясь в тленье мертвечины...

За океаном ждёт меня
Моя любимая напрасно.
О ней я помню ежечасно.
Увы, мне с нею не бывать...
В горящей деревушке дальней,
Где север Фландрии печальный,
Где не пришла ещё весна,
Мне Смерть назначила свиданье...
Она до ночи будет ждать.
Я обещал не опоздать...

из Роберта Фроста, 1874-1963

На лугу

Апрельским утром на сыром лугу
Родник очищу от опавших листьев.
Они всю зиму гнили на снегу.
Теперь попою воды кристально чистой.
Я справлюсь быстро. Приходи, я жду.

Телёнка приведу на луг гулять.
Он в первый раз свою оставит мать.
С рожденья в январе до этого утра
Бывал не дальше скотного двора.
Я справлюсь быстро. Приходи, я жду...

Из Билла Коллинза, р. 1941

Ушедшим от нас

По небу в Вечность мёртвые плывут
Меж туч на лодках, где прозрачны днища.
Сквозь них следят как смертные спуют,
Воюют, любят, принимают пищу.
...Когда, случается, забыв на миг труды,
Приляжем, одурманенные зноем,
Они поднимут вёсла из воды,
Притихнут, чтобы нас не беспокоить...
И будут ждать, на нас смотря чрез дно,
Когда глаза закроем и уснём...

Из Жаклин Ошероу, р. 1956

Пою Кол-Нидре юношам с ружьём

Я плачу о героях неизвестных,
Что на руинах проливали кровь.
Скорблю об их последних песнях,
Что были лишь мелодии без слов.
Оплакиваю тех, кто бился смело,
Впаяв в плечо захваченный приклад,
Жалею птиц, которые не пели
Заслышав пролетающий снаряд.
Пою Кол-Нидре юношам с ружьём,
С ножом, с гранатой или с автоматом,
И плачу над сгоревшими живьём
И тишиною после канонады...

Израильские Строфы

* * *

Синее море,
Желтые скалы,
Яркого много,
Тусклого мало.

Трудно – привыкнуть
К людям и нравам,
Трудно – приникнуть
К выжженным травам.

В вихре столетий
Всё здесь смешалось,
Солнце и ветер,
Жестокость и жалость.

* * *

Базар. Наряженный верблюд,
И шум толпы, и вой скотины,
В синеющую высь поют
Гортанным плачем муэдзины.

Глухи арыки без воды,
И пахнет сыром и ванилью,
А вдалеке цветут сады
Завешенные белой пылью.

День разгорается огнем,
Все стало звонче, золотистой.
С корявой яблони дождем
Спадают розовые листья.

* *
* *

С браслетами на запястьях
Проходят солдатки-девчонки,
Вооруженные счастьем —
Их станы мальчишески-тонки.

И жаль, что судьба иная
Дана мне. И с ней не споря,
Иду, свое вспоминая,
Вооруженная горем.

* *
* *

На войну на две недели.
Что еще бы не забыть?
Капли сыну из аптеки
Срочно надо раздобыть,
Молока четыре литра,
Чтоб хватило на три дня,
Да, ключи отдать соседке,
Их возьмет потом жена.

Он ушел. Его привычки —
Вот газета на полу,
Сигаретный пепел, спички,
Кеды новые в углу.
А она, придя с работы,
Радио включит. Потом —
Будет ждать оттуда вести
Весь большой затихший дом.

Сад

1

Сад распустился
Яблочным цветом,
Воздух запах.

Если всю ночь
Здесь целоваться,
Свежесть цветов
Сохраним на губах!

Небо, как сад,
Перед близким рассветом
В белых цветах.

В лунном сиянье
Идет состязанье
Звездного света
И счастья в глазах!

2

Тот сад,
Где наши губы отпылали,
Отяжелел, дождался урожая.

И спрятав снег
Под жаркими крылами,
В нем сели птицы северного края.

А губы стынут
Инистым узором,
Как óпушь пены по лесным озерам.

И шепчут
От заката до заката:
Не вымолить тебя, моя утрата.

3

День кончился, вот он теряет цвет,
Так в отдаленном храме глохнет медь,
И колокол уж мертв, но стонет,
Так вечер незаметно тонет
В огне, горит, моля о милости,
И в ночь течет, чтоб горем вырасти.

4

Онемело
Стоят холода,
И уже опостылела вьюга.

Может поэтому
Мысленно я
Рвусь в направлении юга?

Эта знакомая
С детства игра:
Думать о берегу южном,

И апельсиновая кожа —
Лодочка
В городе вьюжном.

А за окном
Снежура, снежура,
Круг замыкают белые флоксы.

В южной гавани
Зябнут утра.
Холодно в доме. Стемнело вовсе.

Осень

1

Быстро лето уходит,
И хочется плакать,
И скучать, и просить: подожди!

Под цветущими кленами
Пеструю слякоть
Мне оставят косые дожди.

2

Лес зажегся, красный по загривок,
Затаился в воздухе румянец,
К разноцветной мгле сухих разливов
Подобрался серенький туманец
Осени.

И капли застучали...
Недозрев, цветы уходят с поля —
Пестрые подпалинки печали,
Поздние огни небесной боли!

3

Всю ночь по мостовой шуршанья перебежки,
К окну прилег последний листик сада,
Мне в темноте легко уйти от взгляда
Последнего. Ведь всё — причастность очевидца.
На этом жизнь могла б остановиться...
Смотри, как инеем становится прохлада!

* *
* *

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Александр Блок

Природа затихла в предчувствии лета —
Пишу по лекалам великих поэтов!
Бренчат же и стонут певцы «под фанеру»,
А в храмах меняют чиновники веру.

И крестятся лихо, икону целуют,
Таща за собою Россию вслепую.
О, этот капустаник с марксизмом и богом,
Разыгранный веком больным и убогим!

И вновь в XXI-м, по царской методе,
Чины православия правят народом,
Всю власть поделив меж собой и Лубянкой, —
Хозяева жизни с чекистской осанкой.

Придумал же кто-то — духовность России,
И вот она в мире, как новый Мессия!
А роль ее только в примере извечном —
Не жить по-русийски во лжи бесконечной,

Без права державы и «старшего брата»,
Когда у самой-то ума маловато,
И только хватает, чтоб в заговор верить
Всемирного центра коварных евреев.

Ах, эта Россия, влекомая роком,
Всегда на распутье, с «Двенадцатью» Блока,
С «поехавшей крышей» от «русской идеи» —
Великой страной управляют пигмеи.

Умом Россию не понять

Ф. Тютчев, 1866.

Я по России вовсе не скучаю
И никогда не навещу Москву:
Не те воспоминанья докучают,
И сны не те, чтоб чувствовать тоску.

Октябрь. Сорок первый. Все бегут.
Сосед смеется, грязный рот ощеря:
«Москву уж точно к вечеру сдадут,
Так я за шкафом — вам хана, евреям».

Он присмотрел наш шкаф уже давно,
Когда стрелял на «закуску» и на водку, —
Такое вот дворовое дерьмо...
Но вместе ждем решающую сводку.

Не вытравить из памяти моей
«Врачей-убийц» и «ставленников Джойнта».
Грассируя, писатель-лицедей
На всех «стучал», играя на два фронта.

А перестройки радостный обвал!
Двуликий Горби заправляет речи.
В Тбилиси убивают наповал,
В Баку от горя оплывают свечи.

Москва затихла. За окном капель.
Объявлен день пасхального погрома.
Бандиты нападают на «Апрель»
И списки жертв готовят управдомы.

Я по России точно не скучаю.

Ну, а зацепит, сразу вспоминаю,

Что жил я там, как будто на войне —
В моей, умом не понятой стране.

* *
* *

Ох, не шейте вы, евреи, ливреи...

Александр Галич

Сугробы в бликах фонарей,
Не сколот лед на тротуарах —
Пейзажи памяти моей,
Спасенные при всех пожарах.

Всю жизнь с подтекстом между строк
И с «пятым пунктом» — кто мы с вами?
Мы принимали точно рок,
Гремя неслышными цепями.

Любили, в верности клялись,
Своих от страха предавали,
Письмо подписывать брались:
«Наш дорогой товарищ Сталин!»

На «Сортировочной» в те дни
Нас ожидали эшелоны,
И были мы тогда одни,
А злобствовали — миллионы.

С ничтожеством — пришел развал...
Мне в Штатах пишется труднее.
Я псевдоним тогда не взял,
Как и не сшил себе ливрею.

* *
* *

Мир без меня — абсурд и глупость!
Мне жаль его, как брошенных детей.
Он снова будет идиотов слушать
И бесноватых выберет вождей.

Всё повторится, как в зловещем фарсе:
В России вдруг Чернобыли рванут,
И лучшей долей станет жизнь на Марсе,
Но человечество туда не позовут.

Мы все живем с предчувствием расплаты,
В двух взрывах от завистливой орды.
Мы гордо записались в демократы
Европы чемберленовской поры.

О, правнуки, которых я не встречу,
Спасите мир! Пусть он не для меня, —
Я знать хочу, что Пушкин будет вечен,
И что стихами держится Земля.

* *
* *

Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Александр Блок

Не услышать в сосулечно-мартовской ночи
Голоса позабытых, из жизни другой,
И молчит телефон у друзей, как нарочно, —
Только я посылаю подальше покой.

Не стесняйтесь, звоните, с весной поздравляйте,
Даже ночью, решающей быть или не быть,
И такси на углу поскорее хватайте,
Пока сердце мое не успело остыть.

Привозите стихи с выпендрежем под мэтра, —
Ничего, и такие, наверно, нужны.
Элитарность свою с нашей бедностью сверьте,
И не очень-то водку глушите, мужи!

За окном тает снег — мокрый, бостонский, слабый.
Да, «там жили поэты», и тайно, в тоске
Все так ждали признанья в Нью-Йорке хотя бы,
И мечталось, что лучше — в замерзшей Москве.

И на встречах каких-то в пустой синагоге,
В магазинах, среди книг золотых корешков
Мы читаем стихи тем евреям немногим,
Кто в «Америке русской» нас слушать готов.

* * *

Любимые, давайте соберемся —
Вы — без мужей, я — без своей жены, —
Как в юности, «по плешке прошвырнемся»
И сдвинем в моей «хате» «стаканы».

Как вас собрать? Ни адресов, ни лиц,
Которые теперь я не узнаю,
И нет таких на свете за границ,
Где б вы не жили, годы проклиная.

Но если встретите мои стихи
В каком-нибудь заброшенном журнале,
Не говорите «рифмы неплохи», —
Обрадуйтесь, что обо мне узнали.

Любимые, на сцене МГУ
Мы с вами вспомним мизансцены «Странствий».
Конечно, я того уж не могу,
Что в закулисном вытворял пространстве.

Мы целовались, в нашу роль войдя,
А за театром было продолженье.
Была там юность — наших дел судья,
И каждый знал, что он сегодня гений!

К сыну

Достань свои однажды фото,
Что с детской связаны порой,
И детям покажи их: вот он,
Как вы, я маленький такой.

И расскажи, о чем подскажет
Оживший с детства эпизод.
Как этот вечер будет важен!
Как в память юную войдет!

Пусть вспомнят твой урок когда-то,
В кругу своих детей уже,
Что наша жизнь — не только даты,
А память в сердце и в душе.

Звоните матерям

Как мама ждет звонка, как мама ждет звонка!
Она всегда и всюду в мыслях с вами.
Живет в душе тоска, живет в душе тоска,
Когда ее не балуют звонками.

А телефон молчит, а телефон молчит.
Плохие мысли так и вьются роем.
И сердце так стучит, и сердце так стучит,
Ну, что его вам стоит успокоить?

Что стоит позвонить, что стоит позвонить,
Пока жив тот, кто даже сердцем слышит,
А провод — словно нить, а провод — словно нить,
Которая теплом сыновьим дышит.

Звоните матерям, звоните матерям,
Делитесь с ними мыслями своими,
Добро зачтется вам, добро зачтется вам,
И вы когда-то станете седыми.

От редакции:

Лиза Царукьянова погибла 12 мая 2002 года в автомобильной аварии, когда ехала из Род-Айленда в Бостон читать свои стихи. В память о ней стихи, которые она не успела прочесть, публикуются в том виде, в каком были записаны автором.

* * *

Одна звонит — в твоих стихах черно.
Где света взять? — я стала лучше видеть.
Чем меньше знаешь, лучше спишь —
Другая говорит, спеша обидеть.

Не знают, глупые,
Что предстоит у каждого пора
Ответ держать за сказанное слово.
Нам не дано судьбу других менять,
Когда душа к прозрению не готова.

Когда сама я научусь молчать
И без вопроса не давать совета?
Но как же тяжело лишь наблюдать,
Когда ты видишь за чертою света.

* * *

Сегодня не было стихов, как будто что-то пропустила.
А, может, не сдала зачет, когда обиду затаила.

Ведь каждый миг проходим тест, и жизнь,
как перфоленга,
Куда идут наши счета с исходного момента.

И наша лень, гордыня, ложь, как минусы и плюсы,
Ложатся в жизненный отчет. Не страшно?
Мы ж не трусы!

Потом болезнь, пожар, война. На Бога бочки катим.
Он не наказывает нас. Мы по счетам лишь платим.

Мы мир реальной мыслью создаем,
Себе мы сами цену назначаем,
Когда боимся, любим, лжем,
Когда себя мы в угол загоняем.

Сама себе я выбрала судьбу,
Когда компьютер выбросила в пропасть.
Не спрашивай меня, куда иду.
Свою я отрабатываю гордость.

Еще боюсь признания людей,
Боюсь поверить в то, что вижу.
Не забирай того, что Ты мне дал,
Тебя сомненьем больше не обижу.

Сраженная неласковостью мая,
Напуганная яростью дождей,
Я то, другое лето вспоминаю —
Оно, пожалуй, было не теплей.

Мы отдыхали в милой Конче-Заспе,
Под Киевом, в нехоженных лесах.
Какой стоял там земляничный запах!
Как польхали росы на кустах!

Замшелые овраги и низинки
Хранили тайны щедрости лесной.
Вода прозрачной, сказочной Козинки
Казалась на рассвете ледяной.

Июньский полдень был совсем не жарким.
Мы загорать пытались на мостках.
Что мы читали? Кажется, Ремарка,
И поцелуи стыли на губах.

Такой была суровою погода,
Так были ночи нежности полны,
И елей молчаливых хороводы
Стояли на часах у тишины...

Сверкали грозы сумрачные где-то...
Мы мерзли утром, вечером и днем...
Там, в Конче-Заспе, тем холодным летом
Был рай земной... Мы месяц жили в нём.

День Победы

Как далека от нас война,
И как близка одновременно...
Навеки впаяна она,
Как в монументы, в наши гены.

И будет так: в недетском сне
Увидят внуков наших дети
Себя на страшной той войне,
В том сорок первом, сорок третьем...

Соединится связь времен,
И снова побегут солдаты
Под ливневым, слепым огнем
В том самом мае, в сорок пятом.

Отчаянье, восторг и страх
В одно мгновение изведав,
Они узнают на губах
Солоноватый вкус Победы.

Взметнется над Рейхстагом флаг...
Проснутся мамы на рассвете
И улыбнутся: добрый знак,
Когда во сне смеются дети.

Детство

Ах, сыщики-разбойники –
Забытая игра!
Испуганные дворники
Нас гнали со двора.

Квартиры коммунальные,
Хвосты очередей,
И грамоты похвальные
С портретами вождей.

Немыслимые сладости —
Тянучки, эскимо...
Наглаженные складочки,
Трофейное кино.
 Буханочки с довесками
 На пять голодных ртов,
 Речёвки пионерские
 У лагерных костров.

Гайдаровские сборники
Зачитаны до дыр...
Толкучки, беспризорники —
Послевоенный мир.
 Оно ушло — и нет его,
 Закончилось давно.
 Мы все из детства этого,
 Другого не дано.

* *
* *

Приходит время отдавать долги
Бессонницей, стихами и слезами.
Есть в каждом сердце угол с образами —
Не укради, не предавай, не лги.

Приходит время вспоминать друзей
Ушедших так непоправимо рано,
И воскрешать из звёздного тумана
Их верностью и нежностью своей.

Приходит время думать о душе,
О вечности, о жизни и о смерти,
Но, к счастью, в ежедневной круговерти
Нет места романтическим клише.

Приходит время — в нём добро и зло.
Прими его, как знак судьбы, как данность,
И ощути не страх, а благодарность
За всё, что было. Было — и прошло.

Лилит

Все знают прародительницу Еву,
Но кто слышал о скромнице Лилит?
Меж тем и змий у рокового древа
Историками не был позабыт.

Лилит в раю считалась первой дамой,
Поскольку просто не было другой.
Она любила своего Адама,
Была ему послушною женой.

В ручье стирала фиговые листья
И фрукты собирала дотемна,
Но всё-таки не стала феминисткой —
Совсем другие были времена.

Адам жену тихонько ненавидел:
— Ну, что за баба? Ангел во плоти! —
Годами на судьбу таил обиду,
Потом взмолился: — Господи, прости!

Кому, скажи, понравится жена,
В которой нет ни одного изъяна?
Пускай уж лучше будет неверна
Иль любопытна, словно обезьяна.

Ну, не могу я жить с твоей Лилит,
Мне хочется порою удушиться,
От доброты ее меня тошнит,
Совсем другая мне ночами снится.

Она и не добра, и не умна,
Как попугай, бессмысленно болтлива,
Но именно такая мне нужна,
Чтоб быть по-настоящему счастливым. —

Всевышний, хоть считался добряком,
Разжег вулканов парочку во гневе.
Но кто же станет спорить с дураком?
Махнул рукой... И это — всё о Еве.

Конец известен... Каждый подтвердит:
С веками мы нисколько не умнеем.
Забята идеальная Лилит,
И мы имеем то, что мы имеем.

* *
* *

Обидная вторичность бытия...
Нам всё с плеча чужого достается.
Не нами покоренная земля
Совсем другого чтит первопроходца.

Мы ходим в магазины *second hand*,
Стремимся жить, как никогда не жили,
Но всеамериканский *happy end*
Нам не грозит, поскольку мы — чужие.

Средь чьих-то гнезд свое не просто свить,
Превозмогая холод отторженья,
Но инородство, как клеймо, носить
Мы привыкали с самого рожденья.

И эта неуместная весна,
Пришедшая так поздно, так некстати,
Была влюблённым юным суждена,
А к нам прибилась на седом закате.

Но помня, что любовь всегда права,
Мы бережем святое, как причастье,
Еще не облеченное в слова,
Из первых рук полученное счастье.

Эпидемия

Вот она, ложь.
Лежит и молчит, как лед,
а в руку возьмешь — горячо.
Что за черт!
И на руку лезет сама, как перчатка.
Бросишь — звенит золотым кольцом,
наденешь на палец — а это змея
на пальце моем извивается.
Растоптал змею — получилась книга!
С пола на полку — прыг — хорошо продается.
Книгу сжег — а ложь на экране
смазливою дикторшей улыбается.
Выключай телевизор — она за окном
флагом войны развевается!
Куда деваться?
Бегу на улицу,
кричу проезжим, шепчу прохожим:
«Граждане, господа, лжецы!
Давайте друг другу поможем!!
Ложь у меня и у вас на плечах,
торчит изо ртов, из волос и ушей,
звенит мелочишкой в карманах,
растет небоскребами выше и выше!»

Люди обходят меня стороной,
думают — «Во!
У еще одного
поехала крыша!»

Кто там?

Прикованные к маленькой планете
в косматом космосе, мы слышим звуки:
Тук-тук! Кто там? Тук-тук!

Как в попугайном глупом анекдоте:
смешно не очень, но велик испуг.
Тук-тук! Кто там? Тук-тук!
Вселенная стучит, как наше сердце,
ответа нет, а нам не верится:
не может быть — ведь должен быть ответ!
Под вой сирены грустные Хароны
по одному в небытие нас возят,
а мы сопротивляемся, мы просим
хотя б на год, на месяц оттянуть
конец, поверить в новое начало,
которое нам снится по ночам.
Кто там? Тук-тук! Кто там?
А мы работаем, как каторжане,
под докторскими корчимся ножами
и создаем богов, чтоб не сойти с ума,
по образу и духу своему.
Чтоб только посмотреть на это чудо,
которое зовут Земля,
еще немного, чтобы рассказать
что было и узнать что будет,
куда исчезнет то, что было Мы,
что значат наши вымыслы и сны,
кому достанется обещанное нам,
чтобы спросить еще раз:
Кто там?
И, наконец, уснуть, не получив ответ.

Письмо к матери

Здравствуй, мама!
У нас всё по-прежнему:
люди воюют, воруют и врут,
на оружие цены растут,
на жизнь человека падают.
В России опять революция —

на этот раз воровская.
Мелкие воры в законе,
крупные воры в Кремле,
значит судьба такая
выпала нашей несчастной земле.
Я давно уж уехал, свободы ради,
в страну золотой туалетной бумаги
и самой большой демократии,
которую можно купить за доллары.
Живу я в городе желтого дьявола,
где вместо музыки воют сирены,
ночью горят костры,
как в Ленинграде во время войны.
В денежном центре растут небоскребы,
чем выше, тем больше наскребывают.
Люди влюбляются, как и везде,
но и любовь продают-покупают.
Свобода слова — на высоте,
упадешь с высоты — не поднимут.
Вместо права на труд и на отдых
есть право гоняться за счастьем.
Вот я и гонялся, пока не наехал на Смерть.
Оказалась она не старуха с косой,
а железный барьер с колесом
на дороге, в ледовую слякоть.
От этого, все-таки, Бог меня спас —
наверное, ты заступилась.
Ты долго мне снилась, потом перестала —
наверно, устала, как ты и сказала
в последнем слове твоём.
Хотел я вернуться, но слово «дом»
не означало — я дома.
Вот я и страдаю от двух моих ран,
вот я и летаю меж двух моих стран
опять победившего хама.

* *
* *

За день измучили дела,
А тут ещё и снег, и стужа.
Едва до дому добрела,
Нехитрый разогрела ужин.
Так тихо... Чай горячий пью,
Тепла домашнего отрада...
И вдруг пойму и удивлюсь,
Как мало мне для счастья надо.

* *
* *

Ушёл, сказав: «Не вернусь»,
И я осталась одна.
Вошла в мою комнату Грусть,
Села со мной у окна
Старые письма читать,
Чьи-то слова повторять.
Я Грусти в глаза погляжу,
Я тихо её спрошу:
— Где Радость, подруга твоя?
По ней соскучилась я.
Когда-то, ты помнишь? вдвоём
Вы приходили в мой дом... —
Грусть лишь вздохнет в ответ:
— Правды на свете нет.
Я и нежна, и верна,
А людям Радость нужна...

Мир в снежном мареве тонет,
К небу тянется дым —
Это в соседнем доме
Хозяева топят камин.

Кто в доме живёт — не знаю,
Лишь тающий дым в вышине...
Но дым чужим не бывает —
Теплей и уютнее мне.

Ночами, когда не спится,
Соседских окошек свет
Ко мне неспешно струится,
Тепло несёт и привет.

Кто в доме не спит — не знаю,
Лишь лампа мерцает в окне...
Но свет чужим не бывает —
Теплей и спокойней мне.

Я шторы раздвину пошире —
Пусть светит окошко моё.
В ночном обезлюдевшем мире
Не так одиноко вдвоём.

А был бы камин в квартире,
Его поспешила б зажечь,
Чтоб в замерзающем мире
Кого-то успеть согреть.

Когда тепла не хватает,
Ищу я отблеск огня —
Огонь чужим не бывает —
Пустите погреться меня,
Пожалуйста, потеснитесь,
Пустите погреться меня.

из Эмили Дикинсон

* *
* *

Кусты звенят словно Колокола,
Шелест листьев — как Крик.
Тайник я найти не смогла,
Куда б и звук не проник.

Пытаюсь скрыться в Пещере,
Слышу — трещит Стена,
По ней расползаются Щели.
Снова я всем видна.

* *
* *

Он был мой хозяин — он был мой гость,
Я до сих пор не в силах
Сказать, он меня пригласил,
Я ли его пригласила.

Вечностью было мгновенье,
Мы были близки тогда,
Как плод незрелый и семя,
Что зреет внутри плода.

Дождь

Тени крыш, не без причины, хмурят брови в назиданье.
Каплет в узкие балконы, чуть крупнее чем роса,
семидневный, семиночный дождь – ну что за наказание –
чуть побольше чем слезинка, чуть поменьше чем слеза.
Непонятно же, откуда эта длительная влага,
это слезное признание, эта смутная вина.
Колдовством какой колдуньи, мастерством какого мага
так томительно брожение ритуального вина?
Непонятно, как же можно напоить нутро вселенной
дождевой густой настойкой. До икоты, допьяна
пьет земля недобровольно, неохоче, внутривенно,
за компанию с луною, то-то благо – не одна.
Методично, в тихом буйстве за балконною решеткой,
дождь сечет диагонали силиконовым ножом
и танцует на асфальте сумасшедшую чечетку
в пелене волос текучих безмятежно, нагишом.
Что стряслось? каков диагноз? Обострение и кризис.
В затыжном ночном обходе дождь, как старый терапевт,
пишет четко, скрупулезно бесконечный катехизис
и прописывает воду, как целительный рецепт.
Маринуются заборы. Набухая в маринаде,
мякнут крыши, и окошек запотевшие пенсне
смотрят долго, близоруко на прозрачные наряды,
на невидимые ткани дождевого мулине.
Сколько может продолжаться колдовское наваждение?
Дождь пьянящий, на разлив, как кастильское вино,
поит землю семидневным, семиночным наводнением.
А когда он прекратится – что тогда? Что без него?

Американское кладбище

Гуляя меж могил на кладбище старинном,
Я что-то уловил в послании недлинном:
«Прощай, моя Россия, навсегда.
Тебя я не увижу никогда».

Гранитный памятник звездой шестиконечной
Был осенен. Покой оберегая вечный,
Береза старая в белесой бересте,
Как в талесе молитвенном стояла

Внутри ограды. Птица ликовала
Весенняя, внимая на кресте
Моим этнографическим находкам.
Я обратился мыслию к погодкам:

Один был из России иудей,
Другой приплыл из Англии своей.
Так почему, гонимый и бесправный
Мой соплеменник свой последний, главный

Привет к стране рожденья обращал?
Ужели, умирая, завещал
Мне эту связь духовную продолжить,
Чтоб передал ее всё дальше, дольше,

Чтобы диковинный и несуразный плод
Любви и ненависти, языка и сердца
Родил в стране приобретенной скерцо,
Которое и плачет и поет?

Сними туфельку, притронься ногой к дрожащей,
Вибрирующей далеким прошлым воде,
И ты освободишься от такой жалящей,
Такой безжалостной тоски, которая бродит
тенью лета за тобой везде.

Минуя окрестности Нью-Йорка

Что это за пустынные кварталы,
Заброшенные дома, забытые ржавым железом окна,
Свалки мусора, шелестящего, как мыши, бутылки,
катающиеся с мерзким звоном?

Что это за пустынные глаза тех, кто стоит
на перекрестках?

Застыли, как изваяния каталептиков,
Именно изваяния.
Именно замороженные болезнью и судьбой.

Что это за пустынные пространства,
которые рекомендуется

Проскочить, не рассматривая,
Потому что рассматривать фильмы ужасов неприлично,
Когда ты пересекаешь резервацию нищеты.

Что это за чувство змеиной тоски,
Которая душит тебя, как питон, как анаконда,
как потеря работы, дома,

Семьи, надежды.
Скорее, скорее, скорее
Миновать эту пустыню мира.

В еврейском магазине «DELICATESSEN»

Шлемазл-продавец ладоною (как сачком) ловит мой
Полу-английский / полу-российский вопрос:

«У вас есть бублики?»

Послеполудня. Пятница. Весна.
Начало марта. Пурим. Ажиотаж.
Я вроде бы ни к месту.

«У вас есть бублики?»

«Ах, бейгелс! Сколько вам?»

Теперь его вопрос меня в тупик поставил.

Пожалуй, три-четыре-пять, каждому по бублику,
Для Генриха и Милы, и Максима, для нашей Милы,
для меня,

Мы покупали бублики на троллейбусном кругу

В Серебряном Бору. И шли к реке.

О чем мы говорили?

О стихах, о кукольном театре, о возможных переменах.

Мы старались не говорить о предстоящей разлуке.

«Еще чего-нибудь?» — шлемазл-продавец
мой воспоминанья прерывает.

«Нет, ничего не надо. Вас благодарю».

«Шалом Шаббат!»

«Шалом!»

Гарри Конник (младший) и его блюзы

Эх, шикарно играют в Нью-Орлеане!

Тромбон, саксофон, труба.

Гарри Конник (младший) на фортепьяно

Поет и лаба...

Он лабаёт на фортепьяно и в микрофон поёт,
А ударник подбрасывает дрова в костер и жару поддает.
Гарри Конник (младший) поёт и играет блюз.

Тромбон, саксофон и труба смывают
едва заметную грусть,
Даже не грусть, а мелодию навек отлетевших дней,
Когда во Французском квартале было чуть-чуть веселей.

Когда на трубе распевал молодой Армстронг,
Когда закон на допинг не был так строг,
Когда на каждого джазмена был свой пирог.

Ты пытаешься, Гарри Конник (младший)
Делать вид, что всё о-кей.
Ты лабаешь мотив пропавший

Даже прежних дней веселей,
Когда гремел диксиленд над Нью-Орлеаном,
Когда гонял по стене шапито мотоцикл-харлей.
Когда в воздухе пьяном летала мелодия «Черных очей».

Американский студент

Он пересекает улицу, примыкающую к Университету.
Пересекает по кривой.
С голубым рюкзакom, в бежевой вязаной шапочке,
Он пересекает университетскую улицу.

Пересекает по кривой,
Пинает пустую банку из-под кока-колы,
И она летит — красный самолет,
Описывая дугу,

И звеня-громыхая, как мерзлый конский навоз
Из раннего стихотворения Шкляревского,
Опускается на асфальт, подпрыгивает,
Ползет на брюхе, переворачивается,

Пока не утихнет около бордюра.

Этот студент – мой сын, он несет в голубом рюкзаке

Романы Набокова и Хокса (по-английски)

И стихи Сапгира (по-русски).

Улицу пересекает длинноногий студент

с красным рюкзаком

Это друг моего сына. Он несет в рюкзаке

Романы Набокова и Хокса (по-английски)

И стихи Петефи по-венгерски.

Еще один студент, смуглый и белозубый,

со стаканчиком кофе

Пересекает улицу. В его зеленом рюкзаке

Романы Набокова и Хокса (по-английски)

И рубаи Омара Хайяма (по-арабски).

Осень на острове Нантакет

1.

Гостиница. Пыльный рояль.
Забывшие ноты. Грааль.
Камин. Сырые дрова.
Болит голова.

Бездонный диван. Бегемот.
Кофейник серебряный. Том
английских преданий. Дракон
принцессу любивший тайком.

Любезный один адвокат.
— Из Бостона? Вот как?
— А мы из Нью Йорка; сюда
мы приезжаем, когда
курортный сезон отлетел,
и пляжи свободны от тел.

2.

Какие переливы на воде...
Клешни омаров подступают к горлу.
На горизонт бинокль наведи,
и ты увидишь смотровую гору,
а чуть поодаль пуританский шпиль,
потом какой-то флаг пятнистокожий;
лишь изредка сюда заходит штиль,
что заблудившийся прохожий.

Стихи Максима Д. Шраера печатаются в авторской орфографии. (Прим. ред.)

3.

Китобойный капитан
черешневую трубку набивал
и что-то напевал,
скучая по китам.

Ветер из-за дюны набегал
и раздувал подолаы.
И барышни визжали, и подолгу
капитан за ними наблюдал.

Чайка на прибрежную грядку
роняла устрицу, прицелившись в полёте;
и устрица в закатном переплёте
горела... Впрочем, что за ерунду

я вспоминаю, если ты да я
блаженство испытали неземное,
и ты была моя, и ты со мною
упала на песок небытия.

Из поэмы «В Мэйне гавань голубая»

Мотель

Стансы

Просыпаясь в мотеле,
куда умотали,
разрывая на части
наше беглое счастье,
сказали друг другу
не гортанью, а грудью:
станем пыльной геранью,
кузовов перегудом,
поклонёмся на складках
простыней и на сладких,

наших снах опалённых,
на зелёных кабинках
на солёном предплечье
гаргамелы песчаной,
где волна бирюзова
разливается снова
пиво Мэйнского пляжа,
обещаний сырая пряжа.

Мэйнская плясовая

В Мэйне гавань голубая
парусами хлопает,
накроши каравая —
живо чайки слопают.
Я и сам метал им крохи
на реке, на Яузе,
нынче памяти огрехи
потакают язве

отпускных воспоминаний —
негативов стронутых,
ты моя больная память
в босоножках стёртых.
Как влюблённые моллюски
на прогретой отмели
мы с тобою целовались
и от счастья обмерли.

Из книги «Нью-хейвенские сонеты»

Конец августа

Прощальный секс. Порожня рыбака в ноябре.
Гляди: за шиворот реки стекает дождь.
Ты скоро сядешь в проржавелый дождь
с отметиной свинцовой на ребре.

Надев очки, ты замшевым тяжёлым пиджаком
придавишь атлас лета и любви.

Всё кажется: ищи её, лови...

Мотель, на завтрак кофе с пирожком.

Замедли ход. Пересекая взмыленный Гудзон,
ты различишь на дальнем берегу

свою литую грудь и мой разверстый зонт.

Опомнись, это я тебе реку:

«Дождливый торопливый самый что ни на есть
счастливый терпеливый прощальный секс».

Тристан и Изольда *три сонета*

1. До

Роман без будущего, в будущем Париж,
ревнивый муж, бутылки из-под пива,
ну что же ты над склонами паришь,
и как же ты со мною нестроптивя?

Мы для прощанья выбрали Вермонт,
отельчик с видом на заснеженную гору,
мы днём катаемся, а вечером роман
докручиваем, потому что город

так не подходит для любовных сцен,
так тесен для полночных левитаций;
а здесь в окне луна и белый снег,
и мы останемся навеки, может статься,
и в этой комнате, где мы совсем одни,
мы будем счастливы хотя бы до весны.

2. В

Йод и сырость февральских ночей
нам достаётся с тобой на чай.
Ветер доносит так, невзначай,
с океана собачий лай.

Поцелуй меня поскорей
в перекрестье бровей,
где поёт стальной соловей
о любви пропащей моей.

Урони на голый паркет
аметистовое бельё,
мы прощаемся, значит нет
больше времени, значит всё
между нами, любимая,
только ночь неутолимая.

3. После

Полицейские лошадки, о чём вы мечтаете
в проулке, увитом плющом,
укрытом плащом
низкого небытия,
здесь были счастливы ты да я,
мы были счастливы, понимаете!?

Пока наездники ваши жуют
осколки пиццы,
пока они о брючины трут
жирные полицейские пальцы,

я расскажу вам: однажды дождь
в машине нас продержал допоздна,
я помню только фонарную дрожь
когда дотянулся до самого дна.

* * *

Надену шапку. Убегу с работы.
Поставлю чайник. Воду вскипячу.
Казалось, ничего я не хочу,
А оказалось, что хочу чего-то.
Заноет чайник. Закипит вода.
Заварится настой, густой и тяжкий.
Польётся влага и заполнит чашки.
И растворится сахар. Как всегда.

* * *

Пять женщин я люблю одновременно.
Одну — галантно преклонив колено,
Вторую — жадно, третью — глубоко.
Четвертую — всей нежностью, всей болью,
Всей тяжестью, всей съеденною солью.
А с пятой мне спокойно и легко.

Пять женщин для меня — как пять знамений.
Одна из них — прозренье, муза, гений,
Вторая мне — что кошке молоко,
У третьей смысл — деревья, небо, море,
Четвертая — как жизнь, без аллегорий.
А с пятой мне спокойно и легко.

* * *

Дорогой из Иваново в Москву
В холодную весеннюю годину,
Прижавшись к дребезжащему стеклу,
В себя вбираю русскую равнину.

Недачные какие-то места,
Неласковые. Сумрачно и сиро.
Всё елка, да береза, да сосна.
Однообразно — даром, что красиво.

Но почему-то сердцу тем теплей,
Чем дольше я не отрываю взора.
Чего смотреть? — сосна, береза, ель,
Ни круч, ни волн, ни блеска, ни простора.

Снег черно-белый, талая вода
Полузамерзшая. Картина в целом
Ритмическому замыслу верна
И отвечает чьим-то тайным целям,

Как будто кем-то выстроены ясно
Резоны, чтоб для нас обосновать
Позицию: терпеть — и не смиряться,
Сопротивляться — и не бунтовать.

* * *

Синдром продолженья жизни за видимые пределы,
Иллюзия освобождения души от желаний тела,
Способность преобразиться, возвыситься над бедой,
Соблазн утоленья жажды соленой морской водой —
Блаженные побрякушки, стеклярус, цветные бусы,
Дорожка луны на глади, вечерние облака.
Скорбеть или утешаться — пожалуй, что дело вкуса;
Для мудрого жизнь — понятна, для праведного — легка.

Но как же она прекрасна для нас, кто и глуп, и грешен,
Кого сбивают сирены, и в чашу заводит леший,
Кто так и не понял смысла ее дымовых завес,
Кого мимоходом, запросто, путает ловкий бес.
Чего сторонятся мудрые и праведные скрывают,
За то мы принять готовы и муки, и боль, и гнев —
О, как же она прекрасна, надтреснутая, кривая,
С поступками, о которых не вспомнишь, не побледнев.

Быть мудрым — хотел бы каждый, и праведным,
в общем, тоже.
Но как он силен и страшен, восторг (и мороз по коже),
Когда предыдущий опыт — лишь легкая боль у виска.
И это — не ложь, не допинг, а взметнувшаяся тоска
По этой самой минуте, по этому краткому дню,
По этому быстрому вдоху, которых — наперечет...
Когда кладут человека в ящик, на простыню,
Неужто ему и вправду Господь предъявляет счет?

С падением тонкости слуха и ослаблением зренья
Трудней выносить давление, тяжесть
всеместной глыбы.
Жизнь души приближается, по мере ее старенья,
К загадочному существованию глубоководной рыбы.
Это — мое безмолвие, это — моя среда:
Уже привычная сдавленность в привычной
пучине мрака,
Особенно, когда пасмурно и когда
Не хочет мне посочувствовать состарившаяся собака.
Я, в целом, жил как положено, как было заведено,
Делал то, что вменялось мне традицией и законом.
Зачем же утром так тягостно проснувшись
смотреть в окно
И видеть ветки холодные в холоде законном?
Снова судьба не клеится, опять на исходе год.
Мир — структурней и жестче, так бы сказал художник.
Видно, в жизни у всякого есть только то, без чего
Просто никак нельзя было б дальше ее продолжить.

Мне нравится этот дождь — холодный, ночной,
предзимний.

Я вспоминаю прошлое — как тротуары блестели.
Либо я позвоню тебе, либо ты позвони мне,
Давай перед сном побеседуем — каждый в своей постели.
Если в доме не холодно, и есть запасная обувь,
Можно предаться роскоши и побродить по лужам.
Может быть, эти радости — и не самой высокой пробы,
Но помнишь, как оно в детстве — нарочно,
куда поглубже.

Я верю, что после жизни уже ничего не будет:
Ни этих улиц с огнями, ни этой воды с неба.
Как судьба ни назначит: от рака или от пули,
В жарком облаке взрыва или на поле снега, —
Я верю, что тем и кончится: судорогой, неполным
Выдохом. Так вот, полностью, и ни в бессмертной лире,
Ни в ином воплощении... Но надо, надо запомнить,
Зачем-то надо запомнить всё, что увидел в мире.

О чём говорить? Всё сказано. Всё понято. Всё забыто.
Жизнь не имеет ценности, ибо она бесценна.
Я не очень-то вырос с эпохи палеолита,
Пройдя по всем лабиринтам позднего миоцена.
Мне нравится этот дождь.

Холодный, ночной, предзимний.
С его спокойной мелодией, медленной и несложной.
Либо я позвоню тебе, либо ты позвони мне.
А может быть, просто мысленно — это всего надежней.

Не хочу холодов, а хочу тепла,
Потому что такая пора пришла —
Вероятно, не старость пока, но уже усталость.
Холодов не хочу, а тепла хочу,
Сам себе шепчу, погасив свечу:
Что мне делать с жизнью моей, с той, что еще осталась?

Я любил морозы, презирал тепло,
Обожал, когда щеки мне ветром жгло,
Только щурил глаза в метель, но шарфом не кутал носа.
А теперь люблю я сидеть у огня,
И огонь выспрашивает у меня
Тихим вкрадчивым голосом,
заслоняющим суть вопроса —

Повторяет огонь всё один вопрос,
Поначалу в шутку, а потом всерьез:
«Что-то можешь ты сделать еще,
на что-то еще способен?»

И смотрю я, как он жует дрова,
Ни к чему мне лгать, ни к чему скрывать:
Не хочу я коряг на своем пути, не хочу колдобин.

Не хочу холодов, а хочу тепла,
Я весны хочу, вот и все дела,
Не метелей я жду, жду веселых ручьев и проталин.
Ну, а жизни, — той, что осталась мне, —
Я шепну попозже, наедине:
Ты теки уж, как знаешь сама — какой я тебе хозяин...

Волшебная гора

Никаких влажных испарений, никакой туманной духоты! Напротив — ясность, сухость, прозрачность и терпкая мягкость.

Томас Манн

Ясность, сухость, прозрачность и терпкая мягкость.
В этом климате жизнь обретает двойность,
Этот воздух щекочет каверны души.
Вся в своих бугорках, уплотнениях, ямках,
Плоть здесь держит экзамен: поглубже дыши.

Сухость, терпкая мягкость, прозрачность и ясность.
Чем спокойнее время, тем больше опасность,
Что лавина захватит живущих врасплох,
Ибо им, замечающим всякую частность,
Не понять тектонических сдвигов эпох.

Мягкость терпкая, ясность, прозрачность сухая.
Взгляд неспешно ползет по горам, отдыхая
От понятной жестокости плоских равнин.
Если притча и есть здесь, то притча плохая,
Если есть здесь и вывод, то он не один.

Ясность, сухость, прозрачность — не влажная вялость.
В щель меж двух катастроф так удачно вписалось
Поколение мое. От фортуны — сюрприз
Нам достался, такая блаженная малость.
Можно даже сказать: мы последние из
Тех, кому еще мерили температуру,
Тех, кто вслух говорил про любовь и культуру,
Отворяя в горячую зелень окно.

Мы ж упорно искали другую фактуру
И ценили иное — не то, что дано.

И сладок нам лишь узнаванья миг.

О. Мандельштам

Мастер ли я разгадывания кроссвордов,
в чьих лабиринтах память,
играя в прятки, жалит внезапной болью
узнаванья, чтобы потом заставить
ветер с песком и солью
несколько мутных кадров
отретушировать или подправить.

Солнце предпочитает садиться в воду
при большом стечении публики —
на миру и смерть красна, вернее, красны
убегающие сполохи и блики.

Туч расплывчатые баркасы
заполняют свободу
горизонта, как протокол — улики,

по которым никто не найден, никто не узнан,
кроме вышеназванного заката.

Любящие сильнее, чем сорок тысяч, —
далеки, но ни сестры, ни брата
им взамен не отыщешь.

Время — странный союзник,
на пространство только и тороватый.

Париж

1. Плас де Вож

...Плас де Вож
по-прежнему, скажу тебе, квадратна.
И.Бродский

Квадратна.

Розовый кирпич
и сырость предлагают сходство
с утробой. Ищешь благородства
и — покупаешься на кич.
Два мусорных зеленых бака
дежурят в позе часовых
у бывшего дворца.

Однако,
как доски мраморные, их
не замечаешь...

И едва ли
базедовы глаза мансард
укажут: здесь четвертовали
убийцу короля.

Назад
не отмотать и половины
веков невежеству.

С повинной
вхожу в светлеющую мглу.
Не лодно, одинокий гений
из восходящих поколений
считает мелочь на углу.
Он просит денег по-английски.
Его штаны, как обелиски,
испещрены во всю длину
неведомыми письменами...
Жаль, если выдумана нами
утроба времени.

2. Дама с Единорогом. Музей Клони

Н.Ладыженской

Пестро заткан луг цветами,
Лев поляну сторожит.
И ничто прекрасной даме
В этом сказочном бедламе,
Как в Эдеме, не грозит.

Вместо вечности и тлена,
Нам обещанных равно,
Ей – царице гобелена,
Словно пленнице без плена –
Лишь прекрасное дано.

Сладко тешить слух и зренье,
Птиц кормить, плести венок;
Розы, ветра дуновенье,
Нежность, щедрость, умиление,
И в друзьях – единорог.

Гибкость шелка, твердость рога,
Преданность зверей и слуг...
Отчего ж тогда тревога
И, решительно и строго,
Перемена эта вдруг?

Выткано – с груди снимает
Ожерелье, в ларь кладет.
Сердце разумом играет,
Тлен и вечность выбирает
И поэтому – живет.

3. Латинский Квартал

В церковь, где прах захоронен Паскаля,
вход был закрыт, никого не пускали,
да и когда мы ее отыскали,
голод туристский утих.

С этим прилагательным представляешь ее себе лучше.
Отвлекаешься от вселенских масштабов катастроф
и бедствий,
От глобального потепления вкупе с грядущей сушью.
Забываешь бояться того, что пугало в детстве,
Пробегая спектр от бессмертия души к равнодушию.

* * *

Родина. Ты так была сурова
И на откровенности скупа.
Лишь при расставаньи это слово
С онемевших губ могло упасть.

Но за то, что вересковым полем
Я не стала. Ни шмелем над ним.
Каждый, каждый посмеяться волен
Над косноязычием моим.

Лунное затмение

Не помню сколько лет назад
Луна накрылась на глазах
в продутом небе над метро,
перевернув мое нутро.
Теперь, совсем в других краях,
я вспомнила дикарский страх,
когда затмение луны
уже не повод для уны-
ния.

Оно — дорожный знак
в пути,
с которого сойти
нельзя никак.

Уходит женщина...

Ее не остановишь
Ни окриком, ни просьбой, ни мольбой.
Из всех на свете чудиц и чудовиц
Сражаться бесполезно лишь с судьбой.

Уходит женщина, не объяснив причины,
Или напротив, четко объяснив —
Не важно это. Но любви кончина
Диктует сердцу горький свой мотив.

Никто не знает что нас в жизни сводит,
Поскольку каждый ищет лишь свое...
Ты не хотел, но женщина уходит,
Темнеет в мире... Не вини ее.

Расставание

Т.Л.И.

Я знал, что если это случится,
Будет хмурый осенний день.
У встречных прохожих на серых лицах
Будет лежать ущербности тень.

Будет томление плоти ненастной,
Будет удушливо ныть в груди,
Будет ненужным, никчемным, несчастным
День, обещающий быть впереди.

Будет звенеть воспаленная память,
Будет стучать и пульсировать кровь,
И корчиться будет перед глазами
В муках предсмертных сама любовь.

Тополиная горечь последней недели весны
Заливает гортань и глаза заставляет слезиться,
И июнь обещает беспечно-гамачные сны,
И сажает пятно посредине последней страницы.

Можно все изменить. Смыть окно. Передвинуть диван.
Развороченный быт постепенно срастается с телом,
Для чего тебе дан этот день, этот час, этот план,
Если всякий маршрут — только контур
прочерченный мелом?

Подожди. Будет свежая долька луны к *chardonnay*,
Дребезжание звезд на ветвях из-под паруса шторы,
И однажды, спиной прислонившись к холодной стене,
Обретешь, наконец, ощущение твердой опоры.

А пока тридцать пятый беспцельный вопрос «почему»,
Без ответа оставив — оставь навсегда без ответа,
Потому что весна задыхается в вербном дыму,
За которым грядет беспросветно-рабочее лето.

За которым — туман, за которым — совсем невтерпеж
Ожидать, что по пьесе без промаха выстрелят ружья.
И опять не дождавшись, лишь клейкую почку смахнешь,
Оставляя на смежных страницах беды полукружья.

То ли этот отрезок пути оказался мал —
«Лисий хвост» из трубы над А разглядеть из Б,
То ли путь невозможно измерить посредством шпал,
Синевой венозной слепых чертежей КБ.
Говорит, что туманность не светится в Гончих Псах,
Весь багаж — из одной строки «не тебя виню»,

Что нырнет чайной розой в крашенных волосах
В полумрак такси на двенадцатой авеню.
Что пройдя миры – из дверного в дверной проем,
Вдоль по карте воткнув флажки – кабинетный фарс,
Перестал проверять с января под каким углом
К горизонту в экране окна поднимался Марс.
Что который год, пробираясь за край земель,
Где по коже почвы, как профиль, наколот тракт,
Где апрель прерывает метель, и метель – апрель,
Позабыл как трясет плацкарт и звенит азарт.
Что останется точка, где острой иглой попал,
Но нельзя разорвать строку, не заделав шва.
Что из точки А все равно попадаешь в А –
Потому что кусок пути оказался мал.

* *
* *

Сидеть на подоконнике, шалея
От мысли, что по правилам игры
Со стуком, как бильярдные шары,
Столкнувшись, судьбы разлетятся снова.

И вытирать не то чтобы слезу,
Но мокрый след от выпренного слова.

Конверт заклеен. Запит привкус клея.
Вот и ответ на долгое «могу ли?».

Твой черный зонт вливается вниз
В нью-йоркскую флотилию июля,
Плывущую утесами Бродвея
Чужие завоевывать миры.

О счастливом билете

Если мерзнуть, стоять, и автобус прождать много лет,
То за пару монет
Ты получишь счастливый билет.

В карамельно-ванильный мороз от бабаевских труб.
В застывающий пар. Намокающий шарф возле губ.
Продыши на стекле индевеющем синий кружок.
Дореформенный в кассу из варежки брось пяточок.
И автобус опять остановится около школы,
Где знакомые спины вдали и раскатан каток.
Их опять не догнать, поскользнувшись, и ветер жесток.

Впрочем, нынче на том тротуаре киоск кока-колы,
И от нас до киоска немеряно миль на восток.

Говорят, в автопарке давно изменили маршрут.
Может, врут.
Наливай. Не горюй. Я уверена — врут.

«Charlotte»

А с прищуром смотришь — «Шарлотта» идет под парусом,
Перепутав витых канатов тугие пряди.
Только лунный блик проскользит оружейным ярусом,
Чтобы вся тоска расступилась и встала сзади,
Как толпа на казни — в единый молельный вздох,
В затяжное «ах», в непутевое «с нами Бог».

Открываешь глаза — тошнота налетает, пенится,
Тишина миллиграммами в вену, мешаясь с кровью.
И качается мир как небесный гамак Медведицы,
Рассыпаясь на брызги песенки крысоловьев.
За порог больничный, в уверенный голосок
Уводящей дудочки. В вечное «с нами — Бог».

New England

Спокойствие в обмен на немоту,
Принять от Новой Англии с поклоном,
И выдохнуть. Размеренно, не стоном,
Не выкриком, не кровавистым комом.
Закрывать глаза. Почувствовать траву.
Восточный бриз потягивает йодом,
Смягчая мачт и пирсов остроту.

Спуститься в осень с заднего крыльца,
И зачерпнуть осеннего тумана,
И пить его из низкого стакана,
Звенящего от примеси свинца.
Прошелестя три четверти романа,
Не теревить страницы от конца.

И оценить со временем резон
Не горячиться, медленно и мерно
Судить о преимуществе модерна
И погружаться у камина в сон,
Переходящем в старость постепенно,
И, медленнее, в завороть времен.

* * *

Д.

Не ищи в истории мораль.
В сером небе вычерчены ветки —
Будапештский бережный февраль,
Венских вальсов влажные виньетки.

Хорошо забыты до поры
График сдачи, сорванные сроки —
У подножья Замковой горы
Проросла трава на солнцепеке.

То ли это улочки тесны
Европейски-камерной столицы,
То ли ощущение весны
Требует немедленно влюбиться,

То ли это общность языка
В океане чуждого наречья —
Зависает в воздухе рука,
Точно опускаясь на предплечье.

Сколько строчек кода и надежд,
Проводы, отсрочки, переводы...
Незначай счастливый Будапешт
Выскользнул из памятной колоды.

Что нам в небе горестный журавль,
Если ждут постылые синицы?
Не ищи в истории мораль,
Пропусти последние страницы.

* * *

Ну что, мин херц — мажорные тона?
Апрель глумится, вечность не видна,
Зонт навсегда пересекает площадь...
Ты говоришь — не проще ли? Не проще.
Свет режет в кровь края о витражи,
Стекаая красным к каменным подножьям.
Апрель не побеждает бездорожье.

Мин херц, когда вернешься — Расскажи.

Я еще обязательно напишу тебе.

Напишу,

Как молчат звонки, как подолгу скрипят качели,

Как судьбу читают по камешку-голышу.

Про настойчивый запах йода. Оттенки гжели,

На тарелках, холмах и волнах. Про стеклодувов,

Выдувающих яркое чудо из вязкой капли —

И поверить в него легко, и разбить несложно.

Тут под круглым мостом на пол-дня застывают цапли,

Устремляя в сырое небо рапиры клювов.

Двух конфессий церквушки. Заперты. Башни, шпили...

На часах их стрелки смыкаются осторожно

На двенадцати — с разницей в пару глотков *merlot*.

Вот и всех забав. Да лоток пожелтевших книжек

Букинист выставляет засветло. Без находок,

Только Нэнси Дрю, да журналы погодных сводок,

Из таких времен, что и прошлое наше ближе.

Здесь штормит. Номера пустуют в большом отеле...

Ты тут не был — но тут всегда в октябре тепло.

Я еще подумаю. Может быть, в самом деле,

Напишу тебе как-нибудь. Может быть, напишу...

Приложение

17-го июня 2006 года Новую Англию посетила группа поэтов из Филадельфии. Пять талантливых, творческих, обремененных детьми и заботами людей потратили свои выходные дни и проехали тысячу километров для того, чтобы прочесть свои стихи любителям поэзии из Бостона и пригородов.

Удивительно, как нам повезло.

Такая самоотверженность и преданность искусству не должны оставаться незамеченными. Мы с удовольствием представляем читателю образцы их творчества.

Запах печали. Увядшие травы.
Щедрость природы дает тебе право
звать увяданье мерой ли грусти,
нежности ли...

Но не грусти, мы для осени — гости,
и на ее золоченом погосте
скорби сусальной хрупкие горсти
нежно стели.

Всех нас преследует Лета скупая.
Если по следу я слепо ступаю —
это последствие, я наступаю,
как листопад...

Не отвергай неизбежного жестом —
в нашем романе с избитым сюжетом
нашим страстям и бессмысленным жертвам
вместе ступать.

Так ли уж важно — чего во мне больше:
мудрости старца, младенческой боли...
Всем нам отмерена краткая доля.
Как ни держись —

грянет над полем крылатое вече,
и разметет нас в неведеньи вечном
многих столетий и человечеств
вьюжная жизнь.

2000

В крашеной тьме лампы,
В тесном ночном круге
Где вы, мои латы...
Где вы, друзья-други...

Время летит рысью,
Полнит глаза грустью.
Нашу судьбу крысью
Не излечить Русью.

Славя веков смену,
Льет Водолей воду...
Что я сказать смею
Богу, тебе, году...

Пусто мне, как в поле,
В зыбкой людской каше.
Сколько полей после
Двойки худой нашей!..

Выйду в чужой город,
Взглядом неон выпью.
Брошу дневной гонор,
Стану стонать выпью.

Гложет беда-обида —
Волком в грудной клетки.
Как ты меня любила
В прошлом тысячелетья...

* * *

Нету силы брести по засекам
В край безумцев, вещающих с дыб...
Кармчий мой! Намети по парсекам
Хоть муляж путеводной звезды...

Дай мне страх, чтоб почувствовать ритм.
Дай мне слог, чтоб не выронить стон.
Наклонись триединством небритым
Над сто пятым распятым листом...

Сделай кляксу, как точку отсчета,
Но не цель... На лице у листа
Начерти мне угрюмого черта —
Чтобы знал, где проходит черта.

Не ленись, подымайся, Емеля,
Оживи свой набросок-лубок...
Вот очнулась Земля от похмелья,
Повела полушарием вбок.

Вот и утро. И вещей зловещий
Раздвигая слепившийся сон,
Я в салфетку поэзии жуткие вещи
Заверну, словно вилку гарсон.

Буду злиться, толпу искушая,
Понарошку творить чудеса.
А назавтра мне снова приснится меньшая...
Вельзевул! Мне твоя приглянулась меньшая —
Взгляд бездонный такой, и коса...

...от безысходности кутаясь в чувство вины,
куришь, отважно сутулые сутки ругая...

Словно никто тебе страх не подмешивал в сны,
словно тебе не ясны ни одна, ни другая —
сущности этих скитаний — когда поутру
хочется просто пожить... А с полудня — досада...

Словно никто твою тень на девятом ветру
не продырявил листвою продрогшего сада.

Ода вымыслу

О, вымысел... Обманчиво тонка
В любой тени таится паутина.

Вот в кружевах надменная рука
Плывет, как шах под сенью палантина.
Но страшно прерывается строка
Сонета — хищной кляксой паука.

Пока интригой тешится толпа
(Ей все одно — галёрка иль галера...)
Заметь, как предсказуема тропа
Поэта с появлением Кавалера.
Затмив былую славу бакенбард,
Гарцует к Натали кавалергард.

О, как мы непростительно глупы,
Когда, своим целуя музам ручки,
Не зрим, как подступают из толпы
На выстрел к нам красивые поручики...
Как царственным движением руки
Поэтических дам уводят мясники.

Мне выкрикнут и ложа и партер
Про душу в клетке тягостного быта,
К тому ж — недоказуем адюльтер...
Но разрешите (ибо прав Вольтер)
Мне прошептать — все это было, было...
Скрипит перо, и с новой женой
Случается блондин очередной.

Мне возразят матерые козлы
И жены их — матерые овечки,
Покуда спят на бархате стволы
И, чёрен ликом, едет к Черной речке
Поэт. Туда, где, выкушав шартрез,
На птичках репетирует Дантес.

Я всё себе подробно объясню,
Я разложу все выводы по полкам,
И всякого ничтожную вину
Я вычислю, не веря кривотолкам.
Истрачу век, пытаюсь разглядеть
Отметки на невидимом безмене,
Чтоб доказать рассудку, что нигде
И никогда, подвластная звезде,
Расклад Судьбы измена не изменит.

И лишь с одним смириться не могу,
За всех и вся фатальностью слепую
Увидев сквозь вселенскую пургу,
Как Пушкин умирает на снегу,
Над вымыслом облившийся слезою...

* *
* *

Мы пили мерзкое вино
В подъезде из горла.
Она спокойною давно
И пьяною была...

Мы пили, недругов браня,
За лучшее житье.
Она смотрела на меня,
А я смотрел — в нее.

Потом нас под руку несло
Через осенний двор.
И про мужское ремесло
Я нес какой-то вздор.

Потом в себя ее вбирал,
Как рыба, жадным ртом.
И с каждым вздохом умирал,
И не жалел о том.

Кропило влагою с небес,
Дымил червонный прах...
А нас держал нескучный бес
На всех семи ветрах.

Под небом пасмурной среды,
Что цвета наших душ,
Слезами вымерзли следы
На бледных лицах луж,

Где мы, продрогшие всерьез,
Сомкнули рук кольцо.
...и целовал ее от слез
Холодное лицо.

И Бог швырял червонцы в грязь,
И, слыша этот звон,
Какой-то дворник, матерясь,
Нас гнал из парка вон...

Среди миров, в сиянии светил.

И. Анненский

Восьмерок гибких гибельный изгиб,
в кружение талии коленок тетива,
еще виток, другой, и я погиб
был смят и смыт волною третьего.

Когда плодом контужен был Ньютон,
ленив он был — на древо не полез,
но он открыл всемирнейший закон,
а мы сейчас совсем закона без.

Устали спелы яблоки от нас —
смеемся, отражая лунный свет,
нащупывая уж в который раз
рельеф необнаруженных планет.

Дыханье сбито, весь полуживой
Пегас роняет млечную узду,
любимая — трепещет голос мой —
я, кажется, нашел тебе звезду.

В этом городе злых картинок,
в этом городе синих слез,
в этом городе невидимок
посмотри на меня всерьез.

Я тебя не спрошу про это,
может, гордость, а может, страх,
просто хочется вместо ответа
оказаться в твоих глазах.

* * *

В сутолоке дней
и несерьезе,
проходящих словно
полчаса,
не прожить,
не продержаться в прозе,
выбрав домом
спицу колеса.

Но, даря фиалочки
проходим,
дымкой проплывая
изобильной,
вопросить,
как будто между прочим:
это здесь вчера давали...
крылья?

* * *

Кассандра, эхо наших эпопей
гуляет тихим шелестом страничным,
и влагою прозрачной, подресничной,
и отзываясь криками детей.
И зов из прошлого забытых голосов
нам вечерами слышится все реже.
Души знакомой запертый засов —
на легкий стук ответит ржавый скрежет.

Волна нахлынет, окропив
прохладный камень ненароком,
прилежший к ней пологим боком,
прибоя слушая мотив.
В объятья нежно затянув,
отпустит, попросив прощенья,
а он — запомнит ощущение —
знакомым, пограничным боли,
морщинась шрамами из соли
одним — на каждую волну.

проснуться в стих.
нетвердыми губами
шептать слова,
несмело вспоминая
по памяти
движенья языка.
изгибы, повороты,
ориентиры,
где некогда
без усталы бывать
случалось не однажды.
вы чужие,
размер не мой, и вкус,
да, вы чужие,
а я немой,
оставьте же меня.

Еле заметный крен, пол под ногами движется,
В стуче вагонных недр еле заметный сбой.
Не выходи курить в тамбур, отбросив книжицу,
Пристанционных верб не заслоняй собой.

Раненый де ля Фер старым фалернским лечится,
Есть еще слово «честь», и не в чести корысть...
Преданный адъютант проданного Отечества,
Братик мой дорогой, не выходи курить!

Станция, край села. Лязгает, учащается;
Поезд дает гудок; в небе, меж двух калин,
Сохнет на ветерке, машет тебе, прощается
Стая рубах, бела, как лебединый клин.

Через двенадцать верст грохнет и покорежится,
Вспыхнет и разведет в стороны адский мост...
Бедный мой адъютант, вон она, эта ропица,
Вон она, твоя смерть — через двенадцать верст.

Не поднимай чела от золотого вымысла.
Весел Дюма-отец, фронда во всем права.
Рельсы еще гудят, стираное — не высохло,
Плещутся на ветру белые рукава.

Вас ожидает в аэропорту
Ласточка с драхмой дареной во рту.
Спит на лету.

Пугаясь под самолетным крылом,
Спящих летящих за толстым стеклом
Видит в салоне, мелькая во сне
Темною тенью на круглом окне.

Хмурый архангел с пентаклем во лбу
Меж облаков затевает пальбу.
Спи в комфортабельном узком гробу.
Спи, вылетая в трубу.

Ласточка спит, превращается в лёд.
Милый, зачем тебе этот полет,
Грохот прощанья и шорох стыда...
Ты не вернешься назад никогда.

Ласточка спит и стареет во сне,
Не возвращаясь к весне.

* * *

Тебя будут звать — Икар,
А лучше — Карл-
Вильгельм-Отто Лиллиенталь.
Давай, взлетай!

Тебя будут звать — смотри —
Антуан де Сент-Экзюпери,
а лучше — Сен-Жермен де Пари.
Давай, пари!

Ты сможешь вернуться назад, если я смогу
Выложить слово «вечность» льдинками на снегу.
Но у меня изрезаны пальцы в кровь —
Как ни стараюсь, выходит «любовь, любовь».
Таёт, капает, букву к букве не донести,
Как ни крути, выходит «прости, прости».

Воск растекается, айсберг, заплыв в Гольфстрим,
Таёт, пока мы тут о вечности говорим.
Думаешь, «вечность»? Точно удар под дых,
Сверху отлично видно: «*Ich liebe dich*» —
Как ни прикладывай — лёд — погоди — не тай —
Падает Карл-Вильгельм-Отто Лиллиенталь.

Даже из космоса, из нежилых систем
Звездных — отлично видно: «*Je t'aime, Je t'aime*» —
Лётчик мой растворяется в утреннем молоке
С огненной Розой в юношеской руке.
Ах, недолет, воздушный звенит поток.
Каждый земной сверчок должен знать шесток.

Глупая Эльза, не прогадай, смотри!
Глупая нежность, глупая Роз-Мари...
Стеклышко продыши, сказочку расскажи,
Смирительную рубашку ему свяжи.

...Марта, терзая пальцами флердоранж,
Крикнет — и он услышит, мин херц, мон анж, —
Не про люблю-люблю, не про жду назад, —
Он услышит, как льдинки ломаются и скользят:
— *Карл!.. Они положили в пушку сырой порох!..*

Ты вернулся, Кай, ты вернулся в наши края,
В наш двухцветный, снежный, алый и белый мир.
А пока ты брёл, собирала ледышки я,
А пока ты брёл, уходили твои друзья,
Завернувшись в холод, болезни, гордость, тоску и мор.

Как там вечность, Кай? Незыблема, как скала?
Ты считал до ста, чтоб увидеть меня во сне?
Я замерзла, правда, я долго тебя ждала,
Закрывала ставни, а там — силуэт в окне.

Я топила печь, дурачок, я топила лед.
У реки, где ты никогда не топил котят,
Я пустила алые туфли по воле вод,
Я реке подарила туфли свои — и вот
Ты вернулся. Кай, а снежинки летят, летят.

Серый ветер осени дует тебе в ребро,
Ты вернулся, Кай, замороженный, как судак.
Ты, забыв дорогу, топчешься у метро,
Ты считаешь мелочь, — бедный, иди сюда.

Ты вернулся, Кай, на ресницах твоих вода,
Ты считаешь мелочь, голову опустив.
Ты бродил, а вечность тихо вошла сюда,
И сложились сами кубики изо льда
В мой любимый, алый и белый, простой мотив.

Насте

Прилетят коноплянки летом клевать плетень —
Не сыскать младенца ли, лебедя в лебеде...
Дураку с утра на конюшне дадут плетей,
А тебя, царевна, утопят ночью в святой воде.

Желт аир, а кипрей пурпурен, репейник ал.
Ветер травы треплет, толкает, как бес в ребро.
Не проскачут, звеня доспехом, ни гунн, ни галл,
Чтоб украсть твое последнее серебро.

Трень да брень, серебрянь-бубенчики, спи, душа.
Вот придет дурачок на берег, достанет нож,
Срежет дудочку из прибрежного камыша,
Дунет — ты вдохнешь. Дунет — ты споешь:

люли люли люблю малина зову зову
спит виллиса цветет мелисса иди иди
упади в траву упади в траву упади

И тогда дурак упадет, упадет в траву.

некоторые люди любят стихи и прозу,
некоторые уверены, что до свадьбы не заболит.
если я тебя поцелую — ты превратишься в розу,
такую отчаянно-алую, что хочется забелить.

прекрасное мое чучело, мы живы, пока мы лживы,
пока набиваем соломой раскрашенный наш камзол.
когда мы умрем, окажется, что прежде — мы были живы,
и это было не худшее из многих возможных зол.

поэтому мы выплясываем отчаянные мазурки,
в горящем саду, во гневе, в огне, в золотой пыли.
если ты меня поцелуешь — я превращусь в сумерки —
сумерки, сумерки, сумерки — отсюда до самой земли.

ну, что — полетели? тает небесное покрывало,
живучая осень корчится, сдирая окраску роз.
и совершенно не важно, что я тебя не целовала —
ты все равно превратился в розу и под окном пророс.

Потеряй меня в парке, у карусели,
в красном пальто, по дороге в рай.

Я загляжусь на птиц, что присели
на провода, а ты потеряй

Меня у киоска, где эскимо продает эскимоска,
А из кино

шумно выходит подростков

толпа, как матросики с трапа.

Я так мала, мне пять лет, я мала и глупа, я тебе не нужна,
Потеряй меня, папа.

Пусть мне останется пять, пусть меня унесет бабай,
В красном пальто, по дороге в страну бай-бай,

Я не буду плакать, не буду капризничать, падать на пол,
Потеряй меня у карусели, папа.
Потеряй – у тебя еще останутся дети –
Мальчик и девочка, брат и сестра, разве мало?..
Потеряй меня, добрый мой папа, как лишний билетик,
Чтобы я тебя,
чтобы я тебя
не теряла.

Одиссей

А я бреду – мешок на голове –
Среди шагов, затерянных в траве,
Иду к тебе, соломенной вдове,
Прости меня, мол.
Кто невменяем, тот меня поймет.
Какой там лук, какой там смертный пот,
Она меня нигде давно не ждет,
Давно сменяла.
Я для нее – никто, чужая тварь,
Ей мой апрель – давно уже январь,
А мой маршрут наскучил, как букварь,
Ей всё известно.
Она меня увидит в новостях
И свой стакан уронит при гостях,
И скажет, типа, – пляски на костях, –
Моя невеста.
Я к ней приду уже без головы,
Баран-бараном, в кружеве травы,
Не узнаешь? она молчит, увы, –
Ревут соседки.
Вели хоть лук мой, что ли, со стены
Убрать!.. куда там! призраки бледны,
А речи их невнятны и темны.
Вот так-то, детки.

Еловые ветви склонились под тяжестью снега.
Во власти узора морозного блещет стекло.
Героя настигла в подушках беспечная нега
воскресного утра, дороги вокруг замело.

Проснувшись, оставленный миром читатель,
усы поправляя, изящный монокль достает
и видит, как будто подзорной трубы обладатель,
что женщина берегом южного моря идет.

В соломенной шляпке. Летучее схвачено платье
у пояса, шелковый бант с пояском.
Ах, жаркое солнце! Ах, женщины милой объятье,
и шепот прибой с нагретым на солнце песком...

Что может быть слаще — ронять кожуру мандарина,
забыть о прогулке, оставив в шкафу галифе,
подняться с кровати, чтоб сесть и читать у камина,
и свечи зажечь, как для встречи в приморском кафе?

Мешки облаков по плечу
согбенным деревьям в немую
погоду. Я русские — ночью рифмую.
Английские — утром учу.

И в холоде строгой реки
осенних стволов отраженья
упрочат свои продолженья
законам почти вопреки.

Кладбищенской дрожи не внемлю.
Бесхолмность могил у камней...
И мама легла в эту землю.
И стала земля мне родней.

Ляг на спину и руки раскинь по подобию креста,
оттолкнись от понтона застывшего дыбом моста
и плыви по зеркальному первому тонкому льду,
догоняя судьбу, заклиная беду на лету.

След от острых коньков, словно брошенный шнур
бельевой,
связан сердца фигурой, где уровень твой нулевой.
И заблещет слюдою отцовский трофейный планшет,
проплывет за тобою прощальным парадом планет.

И сирена заплачет, на пальце вращая ключи,
от слепящего рая, сиреневой вспышкой в ночи...
Но пока далеко до тринадцатого декабря,
ничего не случится, из будущего говоря...

Про морозного утра стеклянный каток
не узнать из газеты «Вечерний Нью-Йорк».

Этот росчерк, что малая дочь провела
на вечернем на Вашем портрете вчера,
как тюльпана свеча —
чем не первая девичья песнь
в Вашу честь?
От предчувствия встреч
и отцовских начал
(я ночами тогда Вашу книгу читал)
на другом побережье,
где лазерный луч,
словно пущенный меч
с Делаверовых круч
занесенное сердце стремится рассечь...

Сохраню у детей нашу русскую речь.

Скамейка приставлена спинкой к безоблачной дали,
а мне предлагают присесть на сырой чернозем
мой дед, инвалид, разрешивший потрогать медали,
и Сашка, убитый в бессмысленной драке ножом.

И с крыши часовни осыпалась вдруг черепица,
чтоб слух ощутил глубину наяву,
слетела на землю зеленая мертвая птица
и, как рукавица, упала в траву.

— Спасибо за то, что пришел нас проведать.
Вот свежая рыба. А сколько сорвалось с крючка!
А мы без тебя не садились и вовсе обедать,
хоть Сашка не прочь заморить червячка.

В глубокой тарелке замешаны темные краски.
И кролик приблизился к пальцам разутой ноги.
Бывает, живому смертельно захочется ласки.
И Сашка подвел под глазами у деда круги.

Мой вагон отходил от перрона наружного.
И зовущих детей уносило купе.
Выбираясь из зала вокзала запруженного,
по баулам ступая и скользкой крупе,
я садок поднимал над собой с канарейкою.
И проход заслоняя спиной, бормотал,
мне на ухо нелепости негр, телогрейкою
вытирая до блеска фигурный металл
двери, стиснутой людом. В просвет ее крошечный
торопилась и птичья душа...
И в бидончике квас расплескался окрошечный —
я под мышкой буханку держал.

И цыганка цеплялась за лиф полной женщины.
Инвалид мутным глазом косил.
И «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?» —
чернокожий по-русски спросил.

* * *

Белый череп на флаге, черна борода.
Провинстаун. Пиратская башня.
Океаном омыться, китов наблюдая с борта,
как прибором столетий вчерашних.

Тем, кого беспощадно отверг Старый Свет,
ветру вверившим шхуну Мэйфлауэр,
полуостров Кейп Код, словно руку,
другой континент
протянул и доплывших восславил!

На тропе пилигримов остались шаги
утонувших в болотах соленых,
а сегодня навстречу идут моряки
и несут пиццы ломкий подсолнух.

Отовсюду пиратская башня видна,
где прибежище мирного ангела.
Наливайте, матросы, из клюквы вина.
Здравствуй, славная Новая Англия!

* * *

Запах скошенной травы,
Свежесрезанных букетов,
Чая, пряностей, халвы...
Шепот девичьих секретов...

Знойный вечер опьянил,
Одурманил разум, тело
Поцелуями покрыл,
Увлекая в стог несмело.

Где заглушит сена хруст
Нудной совести запреты,
Стон, слетевши с жарких уст,
Разорвет сверчка куплеты.

Потеряло время власть...
Вечер в стоге до рассвета
Позабылся. Наша страсть
Стала новой сказкой лета.

* * *

«Ушла в себя, вернусь не скоро!»
Я написала на окне.
За ним печальный серый город —
Какой он скучный в зимнем сне!..

Во всех дворах чернеют лужи,
Псы прячутся, поджав хвосты.
И каждый, как один, простужен:
Деревья, люди и коты...

То дождь, то снег — в лицо и в спину.
Глаза прохожий скрыл зонтом.
Река дополнила картину
Безумной пляской под мостом.

Разбойник ветер злобно свищет,
Запутавшись меж проводов,
А старый ворон хищно ищет
Меня, чтоб стать героем снов.

Печально охает прохожий,
Тряся седою головой,
Он вдруг заметил, как похожи,
Унылый город, мы с тобой.

Душа старого дома.

В заброшенном старом доме
Уюта нет преданных слуг,
И все же в свободной неволе,
Как вечная тень в протоколе,
В углу притаился паук.

Сутуля уставшую спину
За пальцами сумрачных дней,
Плетет он свою паутину,
Бесцветную жизни картину,
Из судеб ушедших людей.

Когда-то играли тут свадьбы,
Он помнит детей имена...
Пеклись пироги и оладьи
Для всей подрастающей братии...
Нежданно пришла тишина...

Лежат неприкаянно листья —
Окон прошлогодний улов,
А время метет хвостом лисьим
И гонит энергию мысли
Команда лихих сквозняков...

Висит паутина, пылится,
Шепча еле слышно в бреду:
«Устал домовенок томиться...
В безлюдье у птиц видишь лица...
В скворечник скворец заселился
В заросшем крапивой саду.»

* * *

Я жёлтой дорогой бреду,
От скуки, считая шаги,
Пыль скрыла траву-лебеду
И красные башмаки.

Здесь жёлтого нет кирпича,
(Народ понастроил дома),
Дорога — она ведь ничья,
Коль в сказке — живи задарма.

Мой пёсик, мой преданный друг,
Вильнув на прощанье хвостом,
Пополнил энергии круг
И переродился котом.

Дорогу чтоб перебежать
У самого города грёз,
Украдкой за мной наблюдать,
Как я восприму всё всерьёз,

И трижды плюя за плечо,
Сжав пуговицу в кулаке,
Себе новый путь протопчу,
Обмою его в кабаке.

Летающих обезьян
За деньги зовут мужики.
И снимет с меня грубиян
Волшебные башмаки.

* * *

Стук четок
В мраке душистой узкой кельи,
Сон чуток,
Бред и жар — порог и двери.
Шепот вяжет
Плед защитный из молитвы,
Бес закажет
Музыку для новой битвы.
Измотался
На замызганной перине,
Потерялся
Крест в алеющей лавине.
Из груди
Лети на волю пташка,
Всё, гляди, —
Пора сменить ему рубашку.

Коротко об Авторах

Маша Аптекман

Родилась в С.-Петербурге, выросла в Москве. С 1990 по 1996 г. жила в Израиле, где окончила Иерусалимский Университет по специальности «английская литература». Автор научных статей по сравнительной литературе, русской литературе (XVIII века и современной), и еврейской философии. В 1995 г. выпустила книгу стихов «Ангелы на проводах». Живет в Фоксборо, Масс., преподает в университете Брандайс.

Сергей Арканников

Родился 21 августа 1938 г. в Ленинграде (через тридцать лет СССР отметит этот день танками в Праге). Освоил все образования и множество профессий: от арматурщика до начальника отдела программирования. Первый сборник стихов был уничтожен цензурой (в виде родителей), с тех пор это – первая попытка публикации. В Бостоне с 2001 г. Иногда декламирует стихи и прозу хороших авторов.

Светлана Бабицкая

Ленинградка, влюбленная в свой родной город. Окончила Институт Киноинженеров, 25 лет работала инженером и научным сотрудником в объединении «Электросила». Печаталась в ленинградских газетах (стихи, очерки). В 2001 г. опубликовала книгу стихов. В Бостоне с 2001 г. Публикации в русскоязычной прессе США («Форвертс», «Еврейский мир», «Наш автограф»). Выступала с авторскими вечерами.

Нина Басанина

Родилась в Ленинграде. В возрасте двух лет потеряла отца как «врага народа», с матерью и сестрой была выслана и скиталась вплоть до реабилитации в 1958 г. Стихи начала писать рано; потом вернулась к литературе во второй половине жизни. Окончила факультет журналистики Ленинградского университета, 25 лет проработала редактором на ленинградском телевидении. Живет в Бостоне с 1992 года.

Анна Белкина

Родилась в Москве, 26 лет. Занимается молекулярной физиологией в аспирантуре в Нью-Йорке, а на выходные приезжает в Бостон, где и надеется осесть. Это ее первая не научная публикация, хотя ее стихи можно найти в Живом Журнале (<http://sciuro.livejournal.com>). Занимается западной каллиграфией и реконструкцией письменности средневековья, участвует в проектах Новоанглийского Сообщества Ролевых Игр. Играет во «Что? Где? Когда?» за команду «Суббота, 13» (Нью-Йорк).

Борис Бердников

Родился в 1976 г. в Ленинграде. Живет в Бостоне с 1996 г. По образованию — физик, окончил МИТ. Стихи пишет с 2002 г. Это первая публикация.

Светлана Бричкова

Историк по образованию, педагог по профессии. Стихотворчеством увлеклась в юности. В Ужгороде (Украина) скоро выйдет третья книга ее стихов, «О чем-то вечном...». Темы ее творчества: восхищение природой, размышления о человеческих судьбах, о любви и верности, о быстротечности жизни. Приехала в США 10 лет назад. Живет в Вустере, Масс.

Лора Бродская

Родилась в Саратове, в семье, где все любили поэзию. После окончания медицинского института переехала в Москву, где работала кардиологом до выезда в США в 1989 г. Жила в Нью Йорке, Чикаго, с 1998 г. в Бостоне. Работает по-прежнему в кардиологии. В этом году начала издавать стихи (бостонский «Лидер», петербургский альманах «Гармония»). Готовится издание первого сборника «Подарок».

Эринна Дэль Бродски

Родилась в Москве, 27 лет. Уголовный и апелляционный адвокат, живет и практикует в Бостоне. Ведет Живой Журнал, впрочем, там стихов нет (<http://ikadell.livejournal.com>). Играет в «Что? Где? Когда?» за команду «Андромеда» (Нью-Йорк). Основала Новоанглийское Сообщество Ролевых Игр. Танцует за команду MIT.

Леонид Буланов

Родился и жил в Ленинграде, с 1981 г. в США, в Нью-Йорке, потом в Бостоне. Автор трёх поэтических книг и значительного числа публикаций в так называемых «эмигрантских» и сетевых изданиях. Несколько публикаций на территории бывшего СССР.

Соня Вильвовская

Израильянка. Детство прошло в Горьком. Окончила Тель-Авивский университет, работала в *hi-tech* индустрии. Сочиняла буриме, поздравительные акrostихи и первоапрельские розыгрыши, потом просто стихи. В Массачусетсе с 2004 года. Учитяся в аспирантуре в бизнес-школе, растит двух дочек. Хозяйка стихотворной рассылки «Немного поэзии» (<http://somepoetry.livejournal.com>)

Ирина Галеева

Росла в послевоенной Москве. Училась в музыкальной школе, институте. Пишет стихи и музыку, песни. Живет в Линне, Массачусетс.

Юрий Глина

Родился в 1933 г. Кандидат наук, строитель. Более 70 научных публикаций в СССР, США, Италии. Первый сборник стихов выпустил в 1996 г. Победитель поэтического конкурса газеты «Тимирязевец» (2000 г.). В Бостоне с 2000 г. Более 80 публикаций в периодике России и США. Почетная грамота Международного общества пушкинистов (Нью-Йорк, 2001 г.). Член Союза Писателей Москвы с 2003 г. и редколлекции альманаха «Наш Автограф» (Бостон).

Леонард Грин

Жил в Москве, занимался механикой и кибернетикой. Десять лет провел в отъезде, последние 18 лет живет под Бостоном. Пишет прозу (научно-романтическая фантастика) и стихи (радужная лирика). Организатор Массачусетского Литературного Клуба.

Валерий Дашкевич

Родился в 1964 г. в Актюбинской области. Детство и юность прошли в Омской области. Стихи писал с детства, публиковался в районной и областной прессе. После армии учился в Омском филиале АГИКа. Работал журналистом, режиссером на телевидении. Автор двух книг стихов, изданных в С.-Петербурге. Стихи и проза публиковались в коллективных сборниках, журналах Сибири и Ленинграда, на Интернетe. С 1993 г. живет в Филадельфии.

Анна Джонсон

Родилась и выросла в Ленинграде. После окончания средней школы изучала химию, психологию. Литература и поэзия всегда были частью жизни. В 1996 г. переехала в США. Живет в Нью-Гемпшире.

Александр Есенин-Вольпин

Родился в 1924 г. в Ленинграде. Философ, математик, поэт, правозащитник. Неоднократно попадал в советские психиатрические «больницы» и в ссылку. В 1961 г. в США были опубликованы его «Свободный философский трактат» и сборник стихов «Весенний лист». С 1972 г. живет в Бостоне. Единственный оставшийся в живых из детей поэта Сергея Есенина.

Лора Завилянская

Родилась в Киеве. Стихи и переводы публиковались в газетах и журналах Украины и России. Состояла членом редколлегии Киевской еврейской газеты «Возрождение». Автор 15 стихотворных сборников. В Бостоне с 1999 года. Член редакционного совета альманаха «Наш Автограф». Стихи печатались в газетах «Новое Русское Слово» и «Форвертс», журналах и альманахах Нью-Йорка, Бостона и Провиденса.

Давид Зазовский

Родился в Москве. Работал инженером-электромехаником, сначала в Москве, а потом в Бостоне, куда приехал в 1988 г. после восьми лет в отъезде. Автор двух книг стихов и эссеграмм.

Две страсти в жизни нас ведут:
Творить и вытворять.

Живет в Массачусетсе с женой, дочерью, и тремя внуками.

Петр Ильинский

Родился в 1965 г., выпускник МГУ (1986), научный сотрудник Гарвардского университета (1991-1998, 2003-2005), живет в Бостоне. Издал книгу стихов «Перемены цвета» (Эдинбург, 2001), сборник прозы «Резьба по камню» (СПб., 2002), историко-философское эссе «Долгий миг рождения» (М., 2004). Обозреватель сетевого информационно-аналитического журнала GlobalRus.ru. Готовится к печати монография «Легенда о Вавилоне».

Тамара Квитко

Окончила Санкт-Петербургскую Академию Искусств. Работала режиссером драматического театра. Автор пьесы «Комната», фантастической повести «Правитель Вселенной» (1993), книги стихов «Танец жизни» (2004). Готовит к изданию новую книгу стихов. Живет в Вустере, штат Массачусетс.

Арнольд Кепель

Родился в Москве, 68 лет. Специалист в области фотографии, оптических приборов, фотореставрации угасших документов и микрофильмирования. Автор статей, изобретений и книг. С 1995 г. в США, в Атланте, с 2003 г. в Бостоне. Применил математические методы к обработке текстов Шекспира и опубликовал книгу «Зашифрованный мир Шекспира или игры гения» (М., 2001). Подготовил к печати книгу «52 года жизни Вильяма Шекспира, поэта и драматурга».

Давид Клебанов

Родился в Харькове, жил в Москве. Работал в системе авиации и космонавтики. В Бостоне с 1996 г. Стихами интересовался с детства, но до эмиграции писал редко, да и теперь пишет под настроение.

Керен Климовски

Родилась в Москве, 20 лет. В пять лет репатрировалась с семьей в Израиль. С мамой, работником Джойнта, жила в Минске и С.-Петербурге. В 2004 г. окончила англо-американскую школу в С.-Петербурге. Учится в университете Браун (Род-Айленд). Публикуется с 15 лет в российской и израильской периодике и альманахах, вошла в антологию русскоязычной израильской поэзии (2005). Перевела с иврита пьесу Х. Левина «Холостяки и холостячки» (2004).

Адель Клячко (1911 – 2005)

Родилась в Петербурге, в семье известного журналиста, основателя первого советского детского издательства «Радуга», Льва Клячко. В 1928 г. закончила Тенишевское училище. Литературой была увлечена с ранней юности. Работала строителем. Во время войны заведовала участком в Новосибирской области. С 2001 г. жила в Бостоне. Ее «Воспоминания о «Радуге» были опубликованы в журнале «Русь».

Владимир Ковнер

Родился в 1937 г. в Ленинграде. С 1979 г. живёт в США. Инженер-механик и переводчик, член Ассоциации Американских Переводчиков. В 1977 г. участвовал в издании четырёхтомника «Песни Русских Бардов» (УМСА-Press). Воспоминания «Золотой век магнитиздата» (Вестник, 2004). Переводы детской поэзии («Матушка-Гусыня», Д-р. Сюзс, А.А. Милн и др.). Готовит к публикации «Англо-русский фразеологический словарь спортивных идиом» (в соавторстве).

Ирина Козлова

Приехала в США 10 лет назад из С.-Петербурга с двумя детьми. Гуманитарий по природе, из практических соображений получила техническое образование. Стихи писала периодически, сначала в студенческие годы, затем через 7-10 лет, и, наконец, уже в США, возможно, из желания сохранить своё «я» в резко изменившейся жизни.

Наум Коржавин

Родился в 1925 г. в Киеве. В 1945 г. поступил в Лит. Институт, в 1947 г. был арестован и сослан в Сибирь, затем в Караганду. После реабилитации окончил Лит. Институт (1959). Сборник стихов «Годы» (1963). Перестали печатать, когда подписал письма в защиту репрессированных писателей. Стихи ходили в Самиздате. В Бостоне с 1973 г. Публикует стихи, прозу и публицистику, выступает перед слушателями.

Михаил Крепс (1940 – 1994)

Жил в Ленинграде. Учился на филфаке, преподавал в Герценовском институте. В Бостоне с 1974 г. Опубликовал работы «Техника комического у Зощенко» (1986), «Булгаков и Пастернак как романисты» (1984), первую в мире монографию о поэзии Бродского. Был профессором Бостонского Колледжа, где в память о нём ежегодно устраиваются «Крепсовские чтения».

Карл Кузьмич

Родился и вырос в Москве, живет в пригороде Бостона, пишет под псевдонимом.

Рафаил Лашевский

Ленинградец. В 1956 г. окончил ЛЭТИ и 38 лет работал в микроэлектронике. Кандидат наук, автор более 80 научных работ и изобретений. Стихи пишет с 35 лет. В 1993-2001 гг. был профессором в Интернациональном Университете в Японии. Книжка стихов «По лесной тропинке узкой» (1993). С 2001 г. живет в Бостоне, в отставке, в звании «Заслуженный Профессор».

Станислав Лисовой

Родился в Одессе в 1973 г., рос в Киеве, с 1996 г. живет в Филадельфии. Образование инженерное, работает в информационной технологии. Благодарен обстоятельствам, а еще больше – людям. Оптимист, но старается сдерживать себя. Вытравливает из себя чувство юмора, о результатах говорить пока рано.

Лев Лосев

Родился в 1937 г. в Ленинграде. Поэт, литературовед, эссеист, сын поэта Владимира Лившица. Окончил филфак ЛГУ, работал в журнале «Костер». С 1976 г. в США. Защитил диссертацию на тему «Эзопов язык в современной русской литературе». Профессор русской литературы Дартмутского колледжа (Нью-Гемпшир). Автор семи книг стихов. Редактор-составитель сборника «Поэтика Иосифа Бродского». Писал о «Слове о полку Игореве», Чехове, Ахматовой, Солженицыне, советской жизни. Опубликовал биографию «Иосиф Бродский» (ЖЗЛ, 2006).

Лилия Манцур

Седьмой год живет в Ньютоне, Массачусетс, до этого 44 года преподавала русский язык и литературу в московской школе. Размышления в стихах о жизни, о совести и долге, о прошлом и настоящем, о человеческих отношениях помогают и в эмиграции оставаться самой собой. До приезда в США не печаталась. Здесь, обнаружив интерес слушателей, отважилась отдать их в печать. Это ее третья публикация.

Григорий Марговский

Родился в 1963 г. в Минске. Окончил Лит. Институт им. Горького. Работал журналистом, редактором, переводчиком, учителем. Публиковался в газетах, журналах, альманахах. С 1993 г. жил в Израиле, член Союза Писателей Израиля. Сборники стихов «Мотылек пепла» (1997), «Сквозняк столетий» (1998), романы «Сотворение из россыпи» (1994), «Садовник Судеб» (2000), новеллы и эссе. С 2001 г. живет в Ньютоне, Массачусетс. Редактор лит. альманаха «Флейта Евтерпы» (<http://www.igraigr.com/>).

Дмитрий Ной

Родился в 1935 г. в Минске. Врач-терапевт. В периодической печати с 1967 г. Автор четырех сборников эпиграмм, басен, апологий, лирических и детских стихов. С 2001 г. живет в Линне, Массачусетс.

Юрий Орлов

Родился в 1956 г. в Одессе, рос в Одессе и в Барнауле. В школе увлекся гитарой, а потом узнал и полюбил на всю оставшуюся жизнь авторскую песню. Окончил Одесский Политехнический Институт, инженер-механик. Собственные песни начал писать в 1981 г. В 1992 г. эмигрировал с семьей в США. Член бостонского клуба авторской песни «Посиделки». Недавно стал дедушкой.

Татьяна Очеретян

Родилась и жила в Одессе. Окончила Одесский Университет. С 1996 г. живёт в Израиле. С 1998 г. член Союза Писателей Израиля. Опубликовала семь поэтических сборников. Любит Бостон и часто его навещает.

София Пазина

Родилась и жила до эмиграции в Ленинграде. Из-за «пятого пункта» не смогла стать врачом и работала инженером-строителем, а для души писала стихи. Опубликовала два сборника стихов и замеченную кафедрой славистики Гарвардского университета книгу переводов из Роберта Фроста. В Массачусетсе с 1998 г.

Алла Пузырева

Родилась в 1966 г. в Киеве, где прошло детство. Стихи и прозу начала писать в школе. Затем был перерыв, более 10 лет молчания. Вернуться к перу помог Интернет: сайт stixi.ru, потом proza.ru, где пишет под псевдонимом Эсфирь. Рассказы на английском языке опубликованы в периодических изданиях. Более 10 лет живет и работает в Бостоне.

Лиза Ривина

Ленинградка, в детстве занималась в литературно-творческой группе Ленинградского Дворца Пионеров. Окончила Ин. Яз. I ЛГПИ. Преподавала английский, немецкий, французский языки в школах и ВУЗах страны СССР. Живет в Бостоне.

Ольга Родионова

Родилась и выросла в Сибири, по образованию журналист. Стихи печатались в альманахах и журналах США, России, Дании, в еженедельниках Парижа, Нью-Йорка, Москвы. Вышли три книги стихов: «Мои птицы – на ветках» (1999), «За Крысоловом» (2000) и «Не летай» (2003). Лауреат литературного конкурса «Русская Америка – 2002» (первое место в категории «Поэзия»), член жюри лит. конкурса им. Н.С. Гумилева (2004, 2005 гг.). Живет в Филадельфии.

Георгий Садхин

Жил в подмосковном Троицке. С 1994 г. в Филадельфии. Участник лит. альманахов США («Встречи», «Побережье», «Весла») и России («Рог Борея», «Сибирские Афины», «Академия Поэзии»). Публиковался в журналах «Крещатик» (Германия), «Новый Журнал» (США), «День и Ночь» (Россия). В 2000 г. с тремя другими авторами издал сборник стихов «4». Лауреат лит. конкурса журнала «Весла» и газеты «Новый Меридиан» (США, 2003)

Константин Сенекка

Живет в Массачусетсе, пишет под псевдонимом.

Марина Симанович

Родилась и росла в Ленинграде. Стихи пишет с 13 лет. В 1994 г. заняла третье место на олимпиаде молодых поэтов Ленинградской области. В США с 1994 г. В 2000 г. Окончила университет Браундайс. Живет в Бостоне, работает финансовым аналитиком. Печаталась в журналах «Новый Берег» (1995), «Что-Где-Когда» (2004-2005), «Лидер» (2005), «Наш Автограф» (2006) и «Зебра» (2006).

Евгений Соркин

Родился в 1956 г. в Ленинграде. Окончил химическую школу и Технологичку. Печатался в 1980-х годах в газете ЛГУ. В США с 1989 г. В 1993 г. опубликовал стихи в сборниках «И всякие» и «Литературный Род-Айленд» и в «Вестнике Род-Айленда». Выпустил сборник «Песни когнитивного диссонанса» (2001). Работает инженером в Провиденсе. Женат, два сына.

Игорь Стариков

Родился в 1936 г. в Херсоне. Ученый-кораблестроитель, доктор наук, автор более 100 научных трудов и изобретений. Жил в С.-Петербурге, с 2001 г. – в Линне, Массачусетс. Чемпион Массачусетса по шахматам (2002 г.) в рейтинге 2000. Сочиняет с детства: от публикации в «Пионерской Правде» в 1947 г. до исполнения по радио RTN в 2006 г.

Петр Столерман

Родился в 1931 г. в Москве. Инженер-электрик, более 30 лет проработал в НПО машиностроения в г. Реутов, Моск. обл. Печатался в районных и заводских газетах. Стихотворение «Случалось вам лежать в больнице...» было напечатано в сборнике «Под рубиновыми звездами» (Моск. Рабочий, 1979 г.).

Слава Стыскин

Кандидат технических наук, работал в системе АН УССР. Приехал в США из Киева с женой и двумя дочками в 1980 г. Сейчас работает в Wakefield Corp., живет в Swampscotte, Массачусетс.

Марк Такер

В США с 1991 г. На Украине остались полвека жизни. Работал журналистом и тренером по тяжелой атлетике. Опубликовал в газетах и журналах сотни статей, очерков и репортажей, дружеских шаржей, фотографий. На его стихи написаны десятки песен композиторами США, Израиля и Украины. Выпущены книга шаржей и эпиграмм «Оппочки» и песенный диск.

Катерина Тараненко

Родилась в 1980 г. в Калининграде. Посещала ЛИТО «Родник» под руководством Сэма Симкина. Стихи пишет с 18 лет. С 2004 г. живет в Филадельфии. Печаталась в литературных альманахах «Сибирские Афины», «Побережье».

Вера Темкина

Родилась в 1912 году. Жила в С.-Петербурге, ветеран труда. Приехала в США с тремя сыновьями и их семьями в 1996 г. Стихи и рассказы начала писать в США, освоила компьютер. Печаталась в газетах «Новое Русское Слово», «Взгляд», журнале «Вестник». Живет в Линне, Массачусетс.

Алик Толчинский

Родился в Москве в 1939 г. Доктор химических наук, профессор. Автор книг «Отраженный в зеркалах» (1998), «Страсти по Трастенецкому» (2004), «Уроки английского» (2005), «Неудавшийся эксперимент» (2006). Стихи печатались в журнале «Бостонский Космополит» (2001-02). Пишет под псевдонимом.

Анатолий Третьяков

Родился в Ленинграде в 1939 г. Врач, кандидат наук. Работал в Институте Онкологии и в Институте Эволюционной Физиологии и Биохимии. С 1989 г. живёт в Бостоне, работает в биотехнологии. Поэт, прозаик, переводчик. Первая публикация в 1959 г. (переводы с немецкого). Печтается в США и России. Член «Клуба Русских Писателей» и «Академии Американских Поэтов». За поэму «Моя мать — еврейка» удостоен премии Всеамериканского конкурса памяти Х. Бедера.

Мара Фельдман

Окончила Ленинградский Пединститут. В 1973 г. эмигрировала в Израиль, потом приехала в Бостон, где создала первый русский книжный магазин «Лавка Читателя». Печатались в эмигрантских и российских журналах и альманахах, автор трех сборников стихов: «Я пришла», «Лето», «Взгляни на сердце твое».

Марк Фельдман

Родился и жил в Москве. Учился на филфаке МГУ и в МГПИ, преподавал в московских школах. Уехал в Израиль в 1991 г., с 1994 г. живет в Массачусетсе. Постоянно печатается в русскоязычных газетах, лауреат международной премии по журналистике. Выпустил две книги стихов и прозы.

Мара Хохлович

Родилась в 1938 г. в Днепрпетровске. После окончания Ленинградского Библиотечного Техникума поступила в Московский Библиотечный Институт, больше 30 лет работала в библиотеках СССР. Стихи пишет с юности, публиковалась в журнале «Вестник Род-Айленда». С 1998 г. живет в Провиденсе, Род-Айленд.

Лиза Царукьянова (1949 – 2002)

Родилась в Одессе. Приехала с семьей в США в 1989 г. Помогала людям, используя нетрадиционные методы лечения. Писать стихи начала в эмиграции. Жила в Провиденсе, Род-Айленд. Погибла в 2002 г. в Бостоне в автомобильной аварии.

Инна Цацко

В 1996 г. приехала в США из Киева, где работала комментатором Украинского радио. Живет в Бостоне. Выпустила три сборника стихов и переводов. Печаталась в американских русскоязычных газетах и журналах, стихи звучали на американском радио и телевидении. Награждена медалью Международного Пушкинского Литературного Общества.

Анатолий Цукерман

Родился в Харькове в 1937 г., окончил Московский Архитектурный Институт (1961). С 1973 г. живет в США, работает архитектором, переводчиком и художником. Организовал двуязычные литературные чтения в Ньютоне, Масс. Преподавал русскую литературу и поэзию в университете Брандайс. Публиковался во многих журналах на русском и английском языках. Издал книгу стихов «Мост» («The Bridge»), подготовил к печати книгу переводов на английский «От Пушкина до Окуджавы». Член Американской Ассоциации Лит. Переводов (ALTA).

Гита Шмуцер

Родилась в Харькове, с 1969 г. жила в Киеве. Биохимик, кандидат наук. С 1992 г. в Массачусетсе, 10 лет проработала биохимиком. Переводит американскую и английскую поэзию. Публикует стихи и переводы в русских журналах и альманахах. Планирует издать свои стихи, рассказы, сказки и переводы для детей и взрослых.

Тамилла Шонфелд

Родилась в Харькове, в США с 1977 г. Стихи писала в период 1997 - 2002 гг. Публиковалась в различных периодических изданиях: «Новый Журнал», «Слово-Word», альманахах «Побережье», «Встречи» и др. Живет в Коннектикуте.

Максим Д. Шраер

Литературовед, поэт, прозаик, переводчик, профессор русистики, англистики и еврейских исследований Бостонского колледжа. Родился в Москве в 1967 г. в семье литераторов, эмигрировал в 1987 г. Закончил Браунский университет и докторантуру Йельского университета. Автор сборников стихов и литературоведческих книг. Англоязычная проза, стихи и переводы регулярно печатаются в журналах. Живет в Честнат Хилле, Массачусетс, с женой и дочерью. <http://fmwww.bc.edu/SL-V/ShraerM.html>

Давид Шраер-Петров

Поэма «Вилла Боргезе» (1991) выражает чувства русского еврея, оторванного от родины:

Когда умирать мне придется, чуть живы
Прошепчут мои полумертвые губы:
— Мы стали чужими, Россия, чужими,
А были своими сыны Иегуды.

Русско-еврейские отношения, теперь в эмиграции, продолжают интересовать писателя.

Леопольд Эпштейн

Родился в 1949 г. в Виннице, в 1971 г. окончил мехмат МГУ. Жил в Ростове-на-Дону, работал инженером-программистом, научным сотрудником, ассистентом вуза, рабочим сцены, кочегаром в котельных. Первая публикация — в альманахе «Поэзия» (1977). Живет в Массачусетсе с 1987 г., работает программистом. Публиковался в журналах России и США. Две книги стихов: «Грунт» (1993) и «Фрагмент» (2001).

Марина Эскина

Родилась в Ленинграде, окончила физфак ЛГУ. С 1990 г. живет в Бостоне. С 1989 г. стихи и переводы печатаются в газетах, журналах «Звезда», «Нева», «Радуга», «22», «Новый Журнал», «Poetry International». Книги стихов «Край Земли» (Изд. «ЭЗРО», 1996) и «Колочий свет» (Изд. Пушкинского Фонда, 2002).

Сергей Эстри

Живет в Массачусетсе, пишет под псевдонимом.

Инна Ярославцева

Родилась в Москве, окончила мат. школу 57 и ВМК МГУ. Переехавшись из математики в маркетинг и из России в Америку, живет в Коннектикуте, руководит маркетингом в компьютерной корпорации. Ее стихи были опубликованы в сборниках «Темная лошадка» (Новосибирск, 2004), «Одним файлом» (Балтимор, 2005), «Серебро Слова» (Новосибирск, 2005) и в российских, американских и сетевых журналах. Ведет Живой Журнал: <http://karial.livejournal.com/>.

Выписывайте и читайте
«ВЕСТНИК РОД-АЙЛЕНДА»

Единственное в Род-Айленде русскоязычное издание,
и один из немногих не рекламных журналов в
Новой Англии. Издается с 1996 года.

Мы стараемся сделать наш журнал
содержательным - публикуем информацию
о событиях, интервью с интересными
людьми, ваши произведения, письма,
бесплатные объявления.

Приглашаем к сотрудничеству
новых авторов, рекламодателей,
рекламных агентов.

Справки
по телефону:
(401) 228-3539

Евгения - редактор
журнала.

E-mail:
Vestnik@cox.net

Чтобы получить
«Вестник Род-Айленда»
пришлите, пожалуйста,
оплату в размере \$10
по адресу:

Vestnik of Rhode Island
c/o Jewish Community Center of RI
401 Elmgrove Avenue
Providence, RI 02906

для подписчиков из других штатов
стоимость подписки - \$15.

**«Вестник Род-Айленда» -
журнал о Вас и для Вас,
подпишитесь на него!**

МЕЧТА?

10 Ваш вебсайт В ПЕРВОЙ ДЕСЯТКЕ

- увеличение посещаемости Вашего вебсайта

Google

С НАШЕЙ ПОМОЩЬЮ –

РЕАЛЬНОСТЬ!

ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ:

- привлечь американских клиентов
- расширить свой бизнес
- получить до 60% клиентов через Интернет

ВЫ ПЛАТИТЕ ТОЛЬКО ЗА РЕЗУЛЬТАТ!!!

617-795-0885

ЧИТАЙТЕ БОЛЕЕ ПОДРОБНО В ИНТЕРНЕТЕ НА САЙТЕ
www.RussianDay.com/Agency

МЫ ПРИВЕДЕМ
РУССКОГОВОРЯЩИХ И АНГЛОГОВОРЯЩИХ КЛИЕНТОВ
ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА

Рекламодатели справочника "Бизнес-Реклама" получают вебпредставительство бесплатно

Еврейский
образовательный и культурный
Центр МАКОР – для вас!

- Бостон - в поддержку Израиля
- Ассоциация *Хаверим*
- Клуб Ученых
- Шахматный Клуб
- Клуб *Мишпуха*
- Музыкальный Клуб
- Массачусетский Литературный Клуб
- Клуб подростков *Диалог*
- Класс Живописи
- Класс Бальных Танцев
- Класс подготовки к Бар/Бат-Мицве
- Класс Английского языка
- Класс Иврита
- Класс изучения Торы
- Класс Йоги
- Хор *Boston La Shir*
- Кукольный Театр
- Оркестры *Nigun, Mazel, Jazzmates*
- Драмтеатры *Круг* и *New Art Studio*
- Музыкальный Театр *Firelech*
- Встреча Субботы –
на русском, английском и иврите
- и другие классы, клубы, сообщества...

Подробности – на <http://www.bostonrjcs.org/>

Счастлив во сне, блаженствуя в тоске,
Ловя зефир и тени обнимаю,
Плыву в морях, где нет ни дна, ни края,
Пишу на ветре, строю на песке;

МАССАЧУСЕТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ

Приглашает на дружеские встречи

- авторов стихов и прозы,
- певцов,
- чтецов,
- музыкантов,
- любителей литературы

Справки: 781-864-0072, 781-592-8494

e-mail: lgreen17@verizon.net

Леонард Грин

Маша Аптекман
Сергей Арканников
Светлана Бабицкая
Нина Басанина
Анна Белкина
Борис Бердников
Светлана Бричкова
Лора Бродская
Эринна Дэль Бродски
Леонид Буланов
София Вильвовская
Ирина Галеева
Юрий Глина
Леонард Грин
Валерий Дашкевич
Анна Джонсон
Александр Есенин-Вольпин
Лора Завилянская
Давид Зазовский
Петр Ильинский
Тамара Квитко
Арнольд Кепель
Давид Клебанов
Керен Климовски
Адель Клячко
Владимир Ковнер
Ирина Козлова
Наум Коржавин
Михаил Крепс
Карл Кузьмич
Станислав Лисовой
Лев Лосев
Рафаил Лашевский
Лилия Манцур

Григорий Марговский
Дмитрий Ной
Юрий Орлов
Татьяна Очеретян
София Пазина
Алла Пузырева
Лиза Ривина
Ольга Родионова
Георгий Садхин
Константин Сенекка
Марина Симанович
Евгений Соркин
Игорь Стариков
Петр Столерман
Слава Стыскин
Марк Такер
Екатерина Тараненко
Вера Тёмкина
Алик Толчинский
Анатолий Третьяков
Мара Фельдман
Марк Фельдман
Мара Хохлович
Лиза Царукьянова
Инна Цацко
Анатолий Цукерман
Гита Шмутер
Тамилла Шонфелд
Давид Шраер-Петров
Максим Д. Шраер
Леопольд Эпштейн
Марина Эскина
Сергей Эстри
Инна Ярославцева

ISBN 0-9777003-0-5

US \$11.95

ISBN-13 978-0-9777003-0-1

ISBN-10 0-9777003-0-5